

GRAD
SPDQ
A
020270

Buhr

С 587,924

И. А. ЖИТЕЦКИЙ

ОЧЕРКИ БЫТА
АСТРАХАНСКИХЪ
КАЛМЫКОВЪ.

Этнографическія наблюденія
1884—1886 гг.

ОЧЕРКИ БЫТА
АСТРАХАНСКИХЪ КАЛМЫКОВЪ.

Этнографическія наблюденія 1884—1886 гг.

—*—

Ир. А. ЖИТЕЦКАГО.

—

(Съ 12 таблицами рисунковъ и фототипій).

МОСКВА.

Типографія М. Г. Волчанинова, Большой Чернышевскій пер., домъ Пустошкина,
противъ Англійской церкви.

1893.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Западная вѣтвь монгольскаго народа издавна распалась на три главныхъ племенныхъ группы: 1) Чжахары и Халхассы, 2) Буряты и 3) Ойраты. Въ свою очередь Ойраты (иначе: Ураты, Улаты, Олоты, Элейты и Элюты) уже съ XIV вѣка были извѣстны въ составѣ четырехъ племенъ, или народностей: Джунгаръ (Зюнгаръ или Чорось), Хошоутъ (Хошотъ или Борцзигитъ), Дурботъ (Дербетъ) и Торгоутъ (Тургутъ). Часть послѣдняго ойратскаго племени въ первой половинѣ XVII вѣка проникла за Яикъ и подъ оригинальнымъ именемъ Калмыковъ («Хальмык») заняла своими кочевьями пространство между рр. Ураломъ и Волгою.

Въ продолженіе XVII и первой половины XVIII столѣтій къ волжскимъ Калмыкамъ прикочевали изъ Азіи разновременно части племенъ Хошоутъ, Дербетъ, Зюнгаръ и остатки Торгоутъ. Такимъ образомъ на Волгѣ Калмыки оказались въ составѣ всѣхъ четырехъ ойратскихъ племенъ своей азіатской родины. Во второй половинѣ XVIII вѣка большая часть Калмыковъ, преимущественно Торгоутовъ, откочевала изъ Приволжья обратно въ Азію, а оставшіеся засѣли на правомъ берегу Волги.

Въ настоящее время Калмыки въ Европейской Россіи обитаютъ въ губерніяхъ Астраханской и Ставропольской, въ землѣ В. Донскаго, и небольшая часть (крещенные Калмыки) — въ Самарской губерніи.

Астраханскіе Калмыки, которыхъ насчитываютъ теперь до полумилліона душъ обоюго пола, кочуютъ отчасти на луговой сторонѣ Волги, гдѣ въ ихъ пользованіи находится до 700,000 десятинъ земли, а главнымъ образомъ на нагорной, занимая здѣсь своими кочевьями болѣе 7,000,000 десятинъ. Администрація различаетъ Калмыковъ по улусамъ ¹⁾, народное же самосознаніе и особенности въ языкѣ, въ обычаяхъ, въ постройкѣ жилищъ и одеждѣ и въ наше время разграничиваютъ Калмыковъ, помимо ихъ улуснаго подраздѣленія, по стародавнимъ ойратскимъ племенамъ — Хошоуты, Торгоуты, Дербеты, и. только племя Зюнгаръ, очевидно, расплылось среди другихъ, сохранивъ, впрочемъ, свое названіе въ имени Зюнгарскихъ родовъ. Однако двухвѣковое обитаніе Астраханскихъ Калмыковъ подъ воздѣйствіемъ разныхъ сосѣдственныхъ народностей (Русскихъ — Великороссовъ и Малороссовъ, Киргизъ, Татаръ, Армянъ и пр.) и неодинаковыхъ топографическихъ и хозяйственно-экономическихъ условій повліяло сглаживающимъ образомъ на племенные оригинальности Калмыковъ и намѣтило иную этнографическую группировку ихъ. Такъ уже и въ данное время Астраханскіе Калмыки по ихъ физическому строенію, по привычкамъ, занятіямъ и развитію замѣтно распадаются, внѣ племенной разницы, на три группы или типа: степные, приморскіе (или «черневые») и нагорные (или «эргенскіе») Калмыки ²⁾.

¹⁾ Всѣхъ улусовъ семь: одинъ на луговой сторонѣ — Хошоутовскій (или Александровскій) и шесть въ нагорной: Мало-Дербетевскій, Багацохуровскій, Харахусовскій (или Эрденіевскій), Яндыко-Икицохуровскій, Эркетеневскій и Мочажный.

²⁾ См. въ «Сборникѣ Трудовъ членовъ Петрозскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края» (1892 г.) мою статью: «Условія жизни астраханскихъ калмыковъ».

Начало моего знакомства съ Калмыками относится къ 1883 году въ Царевскомъ уѣздѣ Астраханской губерніи, гдѣ Калмыки—случайные обитатели, въ качествѣ пастуховъ у Русскихъ и Татаръ. Въ 1884 году Калмыковъ приходилось наблюдать въ ближайшихъ къ Астрахани кочевьяхъ, и въ это же время знакомился я съ ними по архивнымъ матеріаламъ, разбирая историческій отдѣлъ (съ 1708 по 1836 годъ) архива Главнаго Калмыцкаго Управленія. Наконецъ, въ 1885 и 1886 годахъ я получилъ возможность изучать Калмыковъ въ разныхъ мѣстахъ ихъ обитанія, когда, по предложенію Главнаго Попечителя Калмыцкаго народа Николая Осиповича Осипова, я проживалъ лѣтніе мѣсяцы среди Калмыковъ съ специальною цѣлью собиранія этнографическихъ и хозяйственно-экономическихъ свѣдѣній о нихъ. Незнаніе языка Калмыковъ въ началѣ моихъ наблюдений и недостаточное знакомство съ нимъ въ послѣдующее время, естественно, сѣзуило программу моихъ этнографическихъ наблюдений ¹⁾ и ограничило ихъ сферою такихъ наблюдений, которыя были доступны и безъ особеннаго знанія языка, какъ бытовая обстановка, обычаи, обрядности, занятія и т. п. Впрочемъ, съ помощію переводчиковъ и нѣкоторыхъ болѣе развитыхъ обитателей степей ²⁾, было записано до тысячи разныхъ народныхъ произведеній—пѣсенъ, пословицъ, загадокъ, и рассказовъ.

Изъ собранныхъ матеріаловъ и сдѣланныхъ наблюдений часть, касающаяся хозяйственно-экономической жизни Калмыковъ (за исключеніемъ скотоводства), уже напечатана въ «Сборникѣ Трудовъ членовъ Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края» ³⁾, словесныя произведенія Калмыковъ—пѣсни, пословицы и загадки—будутъ переданы специалистамъ по этому предмету; матеріалы сгруппированы въ предлагаемыхъ замѣткахъ и наблюденіяхъ объ Астраханскихъ Калмыкахъ.

Текстъ моихъ замѣтокъ о Калмыкахъ иллюстрируется рисунками предметовъ. Всѣ рисунки сдѣланы (въ формѣ снимковъ на калькѣ или набросковъ съ натуры карандашомъ) лично мною и непосредственно съ описываемыхъ предметовъ, за исключеніемъ слѣдующихъ: а) рисунка субургановъ въ IV главѣ (фиг. 67), сдѣланнаго для меня въ 1885 году «зурачи» Большого Барунова хурула въ Яндыкахъ, б) рисунка „теб’овъ“ (фиг. 69), набросаннаго въ моей записной книгѣ гелюнгомъ того же хурула Габунъ Шаркисовымъ, и в) четырехъ фотографій (фиг. 36, 37, 38, 39).

Кромѣ рисунковъ, текстъ сопровождается по возможности точной калмыцкой номенклатурой, воспроизведеніе которой русской транскрипціей вызвало введеніе специальныхъ знаковъ надъ гласными, а именно: 1) знака краткости или глухоты въ произношеніи (v), 2) знака долготы или удвоенія гласной (Λ), 3) знака смягченія гласныхъ (..) и 4) ударенія слогового ('). Для передачи звука твердаго *и* употреблено сочетаніе *и*, въ противоположность мягкому *и* (=h), выраженному однимъ *и*.

¹⁾ апрѣля, 1893 г.
С.-Петербургъ.

Иродіонъ Житецкій.

¹⁾ До извѣстной степени мое знакомство съ языкомъ восполнялось работавшими вмѣстѣ со мною переводчиками, нѣрѣдко людьми съ европейскимъ образованіемъ и вполне сознательно относившимися къ собиранію этнографическихъ свѣдѣній, какъ студ. Казанскаго Ветеринарн. Инст. Дикъ Бадмаевъ, окончившій курсъ реальнаго училища Мукебенъ Баслѣвъ, ученикъ Казанской фельдш. школы Гаряевъ, фельдшеръ Моломовъ и др.

²⁾ Зайсангъ Яндыковскаго улуса Керетоварода—Кѣкшинъ Оргичкѣвъ, зайсангъ Багацохуровскаго улуса—Бегели Онкоровъ, старшій бакша всѣхъ Икицохуровскихъ хуруловъ—Донропъ Джимбѣвъ, гелюнгъ Большого Барунова хурула въ Яндыкахъ—Габунъ Шаркисовъ, манжикъ Харахусовскаго хурула въ Мочагахъ—Кюджинъ Дзнабзинговъ, смотритель Можарскаго соляного озера—Алексѣй Давыдовичъ Синеуридзе, депутатъ калмыковъ Тугаевъ, нѣкоторые «эмчи» (врачи), «зурхачи» (астрологи), «зурачи» (живописцы) и «бакши» (учители вѣры), которымъ, равно какъ и работавшимъ со мною переводчикамъ, приношу мою глубокую благодарность.

³⁾ Въ «Сборникѣ Трудовъ Петровскаго Общества», изд. въ 1892 г., напечатаны слѣдующія главы: 1) «Условія жизни астраханскихъ калмыковъ», 2) «Формы труда среди астраханскихъ калмыковъ», и 3) «Пища астраханскихъ калмыковъ».

МОСКВА.

Типографія М. Г. Волчанинова, Большой Чернышевскій пер., домъ Пустошкина,
противъ Англійской церкви.
1893.

Иродіонъ Житецкій

ОЧЕРКИ БЫТА

АСТРАХАНСКИХЪ КАЛМЫКОВЪ.

БЫТОВАЯ ОБСТАНОВКА АСТРАХАНСКИХЪ КАЛМЫКОВЪ.

Кибитка, ея части и устройство; полукибитки; жилыя зданія. Внутренность кибитки: мебель, посуда. Одежда. Украшенія. Обувь. Кушанья и напитки. Освѣщеніе. Топливо.

Астраханскіе калмыки, за сравнительно небольшими исключеніями, круглый годъ проживаютъ въ кибиткахъ, или переносныхъ кошменныхъ палаткахъ.

Представленіе о калмыцкой кибиткѣ получится совершенно ясное, если вообразить себѣ громадный кошменный цилиндръ съ діаметромъ въ 3 сажени, при трехъ-аршинной высотѣ, крышу котораго составляетъ кошменный же конусъ, вверху нѣсколько закругленный (фиг. 1).

Каждая кибитка («кгер»), по своему устройству, состоитъ изъ двухъ главныхъ частей: деревяннаго остова и кошменнаго покрова къ нему. Обѣ эти части въ свою очередь составляются изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ приспособленій.

Деревянный остовъ складывается: 1) изъ рѣшетокъ («тѣрмѣ»), 2) двери («үдүн»), 3) жердей («унинъ») и 4) круга или обода («харачи») съ четырьмя полуобручами («цагрыкъомъ»).

1) Отдѣльная рѣшетка («термѣ») связывается изъ шестовъ («терминъ модонъ»), въ вершокъ приблизительно толщины, такъ что отдѣльные параллельные шесты ея, взаимно перекрещиваясь, образуютъ деревянную сѣтку, ячейки которой представляютъ параллелограммы. «Терминъ модонъ» выстрагиваются или просто въ сплюснутый четырехгранныкъ, или въ четырехгранныкъ со срезанными гранями, или же чаще бываютъ круглые. На каждую рѣшетку средней величины идетъ 40 шестовъ; изъ нихъ 20 длинныхъ равной величины (обыкновенно 11 четвертей) и 20 постепенно уменьшающихся (самая короткая 1½ четверти). Скрѣпляются «терминъ модонъ» между собою въ скрещиваніяхъ ремешками («терминъ удѣре»), но не наглухо, а такъ, что шесты въ извѣстныхъ предѣлахъ вращаются совершенно свободно, какъ на шарнирахъ, чѣмъ и дается возможность, сжимая и растягивая, съ одной стороны увеличивать или уменьшать рѣшетку до нужной высоты при постройкѣ кибитки, а съ другой — складывать рѣшетку при перекочевкѣ. Отдѣльный «терминъ модонъ» не совсѣмъ прямъ, а немного выгнуть въ

серединѣ, оттого и связанная изъ нихъ рѣшетка нѣсколько закруглена. При окончаніяхъ шесты по всѣмъ четыремъ сторонамъ «тѣрмѣ» образуютъ какъ бы вилки; верхнія вилки «тѣрмѣ» носятъ названіе головокъ рѣшетки («терминъ толгъ»); къ нимъ прикрѣпляются жерди крыши «унины», посредствомъ шерстяныхъ петель. Величина рѣшетокъ различается по количеству «толгъ»: бываютъ рѣшетки отъ 11 «толгъ» до 15 въ жилыхъ кибиткахъ, а въ хурульныхъ и до 21. На одну кибитку идетъ, смотря по величинѣ, 6, 8, 10 или 12 рѣшетокъ (или считая головки — отъ 66 до 140 «толгъ»), которыя ставятся плотно одна къ другой, образуя кругъ съ промежуткомъ для дверей.

2) Дверь («үдүн») въ кибиткѣ всегда двухстворчатая и открывается вовнутрь; при этомъ обѣ ея половины («хасыбчи») наглухо прикрѣплены къ боковымъ косякамъ, отчего дверь всегда перевозится нераздѣльно съ дверной рамой. Въ верхній косякъ рамы съ наружной стороны вдѣлено 6 деревянныхъ гвоздей («тотхъ») или колышковъ, къ которымъ прикрѣпляются «унины», приходящіяся надъ дверью. Кромѣ того, въ верхнемъ и нижнемъ косякѣ продолблены сквозныя широкія отверстія сверху внизъ. Въ эти отверстія вставляются особые деревянные клинушки, когда нужно запереть кибитку. Оба клинушка узенькимъ ремешкомъ или шерстянымъ шнуркомъ прикрѣплены къ верхнему и нижнему косякамъ, и когда нужно запереть кибитку, то ихъ вставляютъ въ отверстіе косяковъ; при этомъ снизу кибитка запирается только изнутри, а сверху, какъ изнутри, такъ и снаружи.

3) «Унины» (ед. ч. «унинъ», мн. «унидутъ») — это выстроганные жерди въ 13 и болѣе четвертей длины. Верхній конецъ заостренъ въ тупой клинъ, а нижній, круглый, имѣетъ отверстіе, черезъ которое продѣтъ шерстяной шнурокъ и завязанъ петлей («унинъ салдырга»). Для кибитки нужно отъ 72 до 146 «униновъ», именно на каждую рѣшетку по числу «толгъ», и на двери еще 6. Каждая «унина» верхнимъ заостреннымъ концомъ продѣвается въ отвер-

1

стіе «харачи», а нижняя при помощи петли прикрѣпляется къ «толгъ» «термѣ» и къ двернымъ «тотхъ».

4). «Харачи» — это верхній кругъ кибитки. Величина его, опредѣляя по діаметру, бываетъ 7, 7½, 8 и даже 12 четвертей, а толщина обода около 2-хъ четвертей. Выдѣляемые самими калмыками «харачи» не выгибаются изъ одного куска дерева, какъ ободъ колеса, а склеиваются изъ отдѣльныхъ кусковъ (отъ 13 до 15 и болѣе), и тогда какъ «тѣрмѣ» и «унины» готовятся изъ мягкаго дерева (чаще изъ сосны), «харачи» всегда клеятся изъ болѣе твердаго (березы или дуба *). Въ ободѣ «харачи» сдѣланы отверстія сверху внизъ и нѣсколько изнутри наружу, по числу «униновъ», и еще наглухо прибиты съ внутренней стороны 4 или болѣе полуобруча («цагрыкъ»), перекрещивающихся взаимно и возвышающихся надъ плоскостью круга.

Деревянный остовъ кибитки (фиг. 2), составляющийся изъ «тѣрмѣ», «үдүнъ», «униновъ» и «харачи» съ «цагрыкъомъ», въ большинствѣ кибитокъ окрашенный въ красный цвѣтъ (рѣдко въ синий или зеленый), покрывается сверху кошмами. На кибитку нужно не менѣе 12 отдѣльныхъ кошменъ, не одинаковой величины и разнаго покрова, именно:

1). Четыре нижнія кошмы — «иргебчи». Ширина ихъ бываетъ 1 арш. и болѣе, а длина вмѣстѣ равна наружному кругу кибитки. Этими «иргебчи» обставляются рѣшетки кибитки снизу. Лѣтомъ для пропуска воздуха отбрасывается то та, то другая «иргебчи», смотря по направленію вѣтра и по положенію солнца, иногда же отбрасываются и всѣ вмѣстѣ.

2). Четыре среднія кошмы — «түргө». Низъ у «түргө» шире, чѣмъ верхъ, а бока вырѣзаны во внутрь. Три края, за исключеніемъ нижняго, у этихъ кошменъ обшиваются шерстяной тесьмой или сукномъ и параллельно краямъ, отступая не болѣе четверти, расшиваются еще съ наружной стороны шерстянымъ шнуркомъ («зекъ»). Къ обоимъ верхнимъ угламъ «түргө» прикрѣпляются длинныя шерстяныя тесьмы («хошлымъ»), шириною вершка въ три. Четырьмя «түргө» покрывается кибитка, начиная съ болѣе половины «униновъ» и внизъ, такъ что нижнимъ концомъ «түргө» закрывается нѣсколько верхняя часть «иргебчи». Вверху каждая «түргө» укрѣпляется отдѣльно тесьмами, которыя перебрасываются черезъ полукольцо изъ «униновъ» и привязываются на противоположной сторонѣ къ «термѣ». Каждая изъ четырехъ «түргө» носитъ еще и отдѣльныя названія: «барун түргө» (правая «түргө»), «зюн түргө» (лѣвая «түргө»), «дер түргө» (головная «түргө») и «кель-турго» (ножная «түргө»). Такія названія даны по мѣсту, занимаемому каждой «түргө» на кибиткѣ.

*) Въ послѣднее время «харачи» стали выдѣляться изъ дубовыхъ ободьевъ, которые славятся въ Астраханскую губернію въ большомъ количествѣ изъ верхонныхъ губерній.

3). Двѣ верхнія кошмы — «дѣбѣр» по формѣ сходны съ «түргө», но только гораздо длиннѣе и шире ихъ. «Дѣбѣр» покрываютъ верхнюю часть кибитки отъ «харачи» и внизъ, налегая нижними краями на «түргө» до предѣловъ «термѣ». Укрѣпляются «дѣбѣр» 6-ю тесьмами, но только послѣднія привязываются уже не къ рѣшеткамъ, а по наружной сторонѣ кибитки къ тесьмѣ, извѣстной подъ именемъ наружнаго пояса кибитки («газакъ кгерин бюс»), опоясывающей кибитку вокругъ и придавливающей нижнюю часть «түргө».

4). «Ишйгѣ үдүн» (дверная кошма) — четырехугольная, продолговатая кошма, которая укрѣпляется нѣсколько ниже линіи прикрѣпленія «түргө» надъ дверью и служитъ наружною занавѣскою послѣдней. «Ишйгѣ үдүн» обшита тесьмой и шнуркомъ кругомъ и имѣетъ вверху на обоихъ углахъ двѣ тесьмы и еще по бокамъ двѣ маленькія тесемочки изъ шнурка для прикрѣпленія къ рамѣ дверей.

5). «Өркө» — четырехугольная кошма съ вырѣзанными глубоко во-внутрь боками, отчего получается четыре длинныхъ около аршина конца или угла, къ которымъ прикрѣплены четыре шерстяныя веревки («өркен бючи»). «Өркө» покрываетъ кибитку сверхъ «харачи», но не наглухо. Для пропуска свѣта и воздуха, при помощи веревокъ (которыя закрѣпляются у «кгерин бюс») легко загибается одинъ изъ угловъ «өркө», смотря по вѣтру и солнцу.

При установкѣ деревяннаго остова кибитки и укрѣпленія на немъ кошменнаго покрова требуется значительное количество шерстяныхъ тесемъ, веревокъ и шнурковъ. Прежде всего рѣшетки въ прилегающихъ концахъ между собою и косяками дверей связываются шерстяной тесьмой. Въ шестирѣшетчатой кибиткѣ приходится дѣлать связъ въ семи мѣстахъ: въ пяти между рѣшетками и въ двухъ между рѣшетками и дверями. Высота рѣшетокъ не менѣе двухъ съ половиною аршинъ, и потому каждая спайка потребуетъ не менѣе 3½ арш. тесьмы, или всего тесьмы необходимо около 25 аршинъ.

Чтобы удержать «термѣ» въ постоянно устойчивомъ видѣ употребляется «терминъ бюс» (рѣшеточный поясъ) — это шерстяная тесьма, вершка въ 2½ ширины. «Терминъ бюс» укрѣпляется вверху праваго косяка дверей, обходитъ кругомъ «термѣ» на высотѣ «терминъ толгъ», закрывая ихъ, чѣмъ защищаетъ кошму отъ концовъ униновъ, до лѣваго косяка дверей, гдѣ и привязывается. На связъ «униновъ» съ головками «термѣ» посредствомъ петель изъ шерстяныхъ шнурковъ идетъ не менѣе ¼ арш. а на 72 «унина» употребляется около 18 аршинъ шнурка. Послѣ того какъ остовъ прикрытъ кошмами, повязывается еще «газакъ кгерин бюс» (наружный кибиточный поясъ), который охватываетъ кибитку вверху «термѣ», придавливая нижнія части «түргө» и вмѣстѣ съ тѣмъ сжимая всѣ рѣшетки

кибитки, а внизу для той же цели и для укрепления «иргебчи», (которые сами собой тонкими шнурками каждая у двух верхних углов привязывается к кибитке), кибитка опоясывается еще веревкой («термин бючи»). При среднем объеме шести-терменного кибиточного цилиндра, (считая отдельную рѣшетку в 3 аршина и дверную раму в 2), в 20 аршин, потребуется на 3 кибиточных пояса около 40 аршин тесьмы и 30 арш. веревки.

На случай сильных вѣтров и ураганов к «харачи» с внутренней стороны привязывается двѣ, а в некоторых кибитках и четыре веревки (харачин бючи). В тихую погоду веревки от «харачи» привязаны бывают к верхним концам рѣшеток, а при вѣтрѣ онѣ прикрѣпляются к колу, который в кибитках без очага (у духовенства) вбивается в центр, а в семейных — к двум колам, вбиваемым ближе к правой и лѣвой сторонам кибитки. Эти веревки, хорошо натянуты придавливают кибитку в вертикальном направленіи к землѣ и дѣлают ее устойчивою. Но кроме этого кибитка во время бури еще укрепляется и с наружной стороны. С этой цѣлью через конус кибитки набрасывается или специально заготовленная широкая тесьма, соединенная кольцами, или же каждый раз на случай бури дѣлается из шерстяной веревки петля; к бокам петли в двух или трех мѣстах привязываются веревки, которые потом и прикрѣпляются к вбиваемым по бокам кибитки кольям. При высотѣ кибитки в 5—6 аршин, для внутреннего и наружного укрепления ее лишь четырьмя веревками, потребуется еще веревки не менее 30 аршин. Наконец к 12 кошмам кибиточного покрова пришивается вообще около 150 аршин тесьмы и до 24 аршин веревки.

Лѣтом, для красоты, бока кибитки состоятельных людей (и особенно духовенства) иногда обшиваются внутри кругом сплошной занавѣской (ситцевой или коленкоровой); изрѣдка можно встрѣтить хурумные кибитки, обитыя матеріей внутри от верха до низу. Зимой семьи сколько нибудь средствами бока кибитки с внутренней стороны обставляют специально заготовленными кошмами («ишикге кешиге»), так что получается двойная кошменная стѣна.

Земля в богатых кибитках лѣтом устилается бѣлыми кошмами (шердыками) или же покупными коврами («кебюс»); у менѣ состоятельных шердыки, или ковер, лежат лишь около постели и на правой сторонѣ, на мѣстѣ, назначенном для почетных гостей и хозяина, а у бѣдных земля в кибиткѣ не покрывается ничѣм и лишь для сидѣнья гостя, и то болѣе или менѣ почетнаго, постигается при появлении гостя кошма — «шердык». Зимой в тѣх мѣстах кибитки, гдѣ сидят люди, кроме кошмы, постигаются еще сайгачи, бараны и козы шкуры.

Когда приходится устраивать или «собирать» кибитку, то калмыки всегда соблюдают такой порядок. Прежде

де всего берут одно «тѣрме» и помѣщают его с правой стороны от того мѣста, гдѣ предполагено установить дверь, которая обыкновенно бывает обращена на юг. Связывают первую «тѣрме» со второю, вторую с третьею и т. д. и, привязавши послѣднюю «тѣрме», устанавливают дверь. Когда послѣдняя связана с «тѣрме» по ее обѣим сторонам, то обвязывают кругом «тѣрме» около головок тесьмой («хошлым термин бюс»), тоже идя от правой стороны к лѣвой. Затѣм поднимают «харачи» и кладут его на верхній косяк двери (которая отворена) так что двѣ его половины равномерно выступают внутрь и наружу кибитки, — вдвѣают по 2 «унины» с южной, восточной и западной стороны и поднимают «харачи» вверх, а когда «унины», на которых былъ поднять «харачи», закрѣплены петлями, то вставляют уже и всѣ прочія «унины», оставляя лишь двѣ-три из них, какъ необходимы при прикрытіи кибитки кошмами.

Когда деревянный остовъ готовъ, начинается покрытие его кошмами. Прежде всего берут «иргебчи» и обставляют кибитку кругом от правой стороны дверей до лѣвой, при чемъ каждая кошма прикрѣпляется к рѣшеткѣ («тѣрме») двумя шнурками, привязанными к верхним угламъ каждой «иргебчи»; затѣм покрывают кибитку «тѣргѣ», начиная с «барун-тѣргѣ». Сначала кошму, особенным образом сложенную (в формѣ тюка), бросают наверх кибитки и придерживают ее униной, то поднимая ее вверх, то двигая вниз, чтобы она оказалась на назначенном ей мѣстѣ, а два лица в это время берут за концы тесьмы, привязанных к верхним угламъ «тѣргѣ» и, перебросивши через остов кибитки, прикрѣпляют на противоположной от «барун тѣргѣ» сторонѣ кибитки ко второму ряду ячеекъ «тѣрме». «Барун тѣргѣ» кладется непосредственно направо от двери. Далѣе налѣво от двери такимъ же способомъ укрепляется «зюн-тѣргѣ»; затѣм — «кэл-тѣргѣ» направо надъ ногами постели и наконец «дер-тѣргѣ» надъ мѣстомъ, гдѣ помѣщаются головныя подушки постели и бурханы. Послѣ «тѣргѣ» укрепляется надъ дверью «ишикге ѳдѳн». Когда «ишикге ѳдѳн» прикрѣплена, кибитка обводится вокругъ справа на лѣво наружными поясами «кгерин кга-закъ бюс» и покрывается кошмами «дѣбѣр». «Дѣбѣр» поднимают вверх на кибитку при помощи «унина», подталкивая сложенные кошмы снизу вверх такъ, чтобы верхніе края каждой «дѣбѣр» прилегали к «харачи», и укрепляют на противоположныхъ концах к наружному поясу кибитки. Наконец «унинами» стаскивают на «харачи» «ѳркѣ», и кибитка готова, послѣ чего снаружи и сверху укрепляют кошмы общимъ верхнимъ поясомъ у головокъ «тѣрме».

При разборѣ кибитки стаскивают всѣ кошмы в обратной послѣдовательности: 1) ѳркѣ, 2) дѣбѣр, 3) ишикге ѳдѳн, 4) тѣргѣ, 5) иргебчи.

Сложивши кошмы, вынимают «унины», оставляя по 2 изъ нихъ с юга (надъ дверью), с востока и запада, с помощью которыхъ спускают «харачи», во-внутрь кибитки и, вынувши остальные «унины», кладут «харачи» на землю. Послѣ этого развязывают междурѣшеточныя тесьмы и «термин хашлым бюс», и рѣшетки сами собой падают на землю.

Совершенно сложенная кибитка настолько крѣпка и устойчива, что ее можно, при помощи 10—15 рабочихъ, перенести, не разбирая, с одного мѣста на другое. С этой цѣлью необходимое количество людей входитъ внутрь кибитки, и, взявшись за рѣшетки снизу, приподымают кибитку вверх и спокойно уносят ее на другое мѣсто*). Но конечно, подобныя перенесенія кибитокъ с мѣста на мѣсто практикуются лишь в экстренныхъ случаяхъ: когда нужно быстро приготовить кибитку в опредѣленномъ мѣстѣ не далеко отъ кочевья, и имѣется достаточное количество рабочихъ силъ, а послѣднее условіе возможно лишь при хурулахъ (ламаистскихъ монастыряхъ). Обыкновенно же кибитка разбирается совершенно, хотя бы ее переносили лишь на нѣсколько сажень.

По своему внѣшнему виду, по цвѣту кошменнаго покрова, астраханскіе калмыки раздѣляютъ кибитки на бѣлыя («паган кгер») и черныя («хара кгер»). Кошмы для кибитокъ дѣлаются изъ овечьей шерсти. Преобладающій цвѣтъ колмыцкихъ овецъ — рыжій, и лишь далеко меньшее между ними количество бѣлыхъ и черныхъ овецъ. Черная шерсть (какъ и вообще черныя цвѣты) не употребляется на кибиточныя кошмы. Во всей степи мнѣ лишь одинъ разъ пришлось увидѣть кибитку, у которой «тѣргѣ» и «иргебчи» были чернаго цвѣта. Бѣлой же шерсти недостаетъ на кошмы для всѣхъ кибитокъ, и она, какъ имѣющаяся в степи в небольшомъ количествѣ, недоступна для малосостоятельныхъ калмыковъ, а потому бѣлыми кошмами кроются лишь рѣдкія кибитки, главнымъ образомъ — кибитки духовенства, кибитки состоятельныхъ людей и еще кибитки «новыя», т.-е. кибитки новобрачныхъ. Всѣ остальные кибитки покрываются сѣро-рыжими кошмами и известны подъ именемъ «характер».

Отдѣльная кибитка среднего размѣра, покрытая не бѣлыми кошмами, представляетъ такую цѣнность, что не всякой калмыцкой семьѣ она доступна: она стоитъ до 100 р. **).

*) Подобнаго рода перенесенія кибитки мнѣ приходилось видѣть три раза; в одномъ изъ этихъ случаевъ калмыки переносили кибитку на разстояніи болѣе полуверсты, причемъ пришлось переходить ѳльмень, сажень в 10 ширины и около 1½ арш. глубины. Случай былъ на взморьѣ, в Цатановомъ р. Яндыковского ул.

**) Вотъ приблизительно вѣрный расчетъ стоимости кибитки:

1) «Тѣрме», если дерево мастера, стоитъ отъ 3 р. до 3 р. 50 к., а 6 «тѣрме» в среднемъ выводѣ 12 р. — к.

Деревянные части кибитки служатъ лѣтъ 10—15, если, конечно, не бываетъ такихъ случайностей, какъ внезапныя бури; кошмы же служатъ обыкновенно три года; в «черныхъ» кошмы особенно скоро портятся молю, и в борьбѣ с нею мало помогаетъ табачный настой, в которомъ намачиваютъ кошмы.

Сравнительно высокая цѣнность кибиточнаго инвентаря дѣлаетъ для значительной части малосостоятельныхъ калмыцкихъ семей полную нормальную кибитку недоступною, и потому бѣдность калмыцкая живетъ в степи в *полукибиткахъ*. Послѣднія бываютъ двухъ видовъ: «джолом» и «деглия».

«Деглия» отличается отъ «кгер» лишь тѣмъ, что в ней нѣтъ «харачи» с «цагрыкомъ», а «унины» связываются прямо вверх между собою в пучекъ, что удешевляетъ кибитку рублей на 10—15.

«Джолом» же представляетъ собою одну крышу кибитки (безъ рѣшетокъ), которая «унинами» ставится прямо на землю. Цѣнность такой кошменной палатки, высота которой в центрѣ бываетъ около 3 аршинъ, согласно выше помѣщенному расчету, не превышаетъ 30—40 руб.

В «черныхъ» бѣдныя семейства удешевляютъ цѣнность кибитки тѣмъ, что кошмы замѣняютъ циновками; поэтому в «черныхъ» и вообще по прибрежью Волги и моря полукибитокъ почти не встрѣчается, но зато рѣдко можно встрѣтить и кибитки, сполна покрытыя кошмами: в большинствѣ кибитокъ кошменныя «иргебчи» замѣнены чаканками, «зегѣсен-иргебчи» (чаканными иргебчи); при этомъ «иргебчи»

2) «Унинъ а» каждая покупается по 5 к., а 72 «унины» около	3	р. 50 к.
3) «Харачи» отъ 2 до 5 р., а в среднемъ выводѣ около	3	— —
4) «Цагрык»	—	20 —
5) Дверь с рамой отъ 2 до 5 руб., или в среднемъ выводѣ	3	— —
6) Каждая кошма в степи отъ 4—6 р.; в ср. выводѣ около 4 р., а 14 кошмъ	50	— —
7) 24 тесьмы к кошмамъ (около 150 арш.) каждый конецъ в 6½ арш. стоитъ 50 к.	12	— —
8) Широкая тесьма для двухъ поясовъ, около 40 арш. (2 пояса)	4	— —
9) Веревки или арканы на 2 пояса для внутреннего и внѣшняго укрепления кибитки, около 50 арш.	3	— —
10) «Зекъ» для обшивки кошмъ и шнурокъ для салдырга унина	1	50 —

При такомъ расчетѣ, сдѣланномъ со словъ калмыковъ в разныхъ мѣстностяхъ и разнаго общественнаго и хозяйственнаго положенія, принято было во вниманіе: а) продажная цѣна шерсти в степи, б) количество ее, идущее для кибиточныхъ принадлежностей, и в) дѣйствительная цѣнность деревянныхъ частей кибитки, по какимъ ихъ готовятъ калмыцкіе мастера; но исключена совершенно цѣнность труда калмыцкихъ женщинъ, готовящихъ все для кибитокъ, кромѣ деревяннаго остова, хотя онъ по количеству затрачиваемаго времени довольно великъ: напр. одна обшивка 12 кошмъ тесьмой и шнуркомъ можетъ быть сдѣлана одной калмыцкой не менѣ чѣмъ в 10 дней.

дѣлаются высокія, въ уровень съ «терме», въ другихъ—вмѣстѣ съ «иргебчи» дѣлаются и турго» изъ чакану «зегесен-турго», а въ третьихъ — кошениными остаются только «удун» и «орке», впрочемъ, приходилось встрѣчать кой-гдѣ даже и «зегесен-удун». Цѣна «чаканокъ» при обилии вездѣ дароваго матеріала и собственномъ трудѣ калмыцкихъ жєніцїи нїчтожна*), но въ чаканныхъ кибиткахъ обитаніе зимою невозможно, потому такія кибитки на зиму обставляются кругомъ толстымъ слоемъ камыша, или же высокой болотной травой.

Въ послѣдніе 30—40 лѣтъ кибитки, у незначительной впрочемъ части калмыковъ, стали, главнымъ образомъ на зиму, замѣняться и постоянными жилищами постройками. Замѣна кибитокъ на зиму зданіями идетъ съ двухъ концовъ: выстраиваютъ себѣ жилища богачи и бѣдняки; первыхъ побуждаетъ комфортъ, вторыхъ — холодъ. Последнимъ впрочемъ является на помощь правительство, выдавая на постройки пособія въ нѣсколько десятковъ рублей.

Жилыя зданія распространены въ Астраханской степи далеко не равномерно. Вообще ихъ болѣе на периферіяхъ, чѣмъ внутри степи, но и на пограничьи степей съ осѣдлымъ населеніемъ количество жилыхъ зданій распределено не равномерно**). Но въ большинствѣ случаевъ, и при имѣніи жилыхъ зданій, лѣтомъ хозяева ихъ живутъ въ кибиткахъ, перебираясь въ дома лишь на зиму. Что касается до архитектуры калмыцкихъ построекъ, то въ нихъ черты національности можно видѣть лишь въ от-

*) По заявленію самихъ калмыковъ, чаканка въ 2 сажени длины и въ 2½ арш. ширины, хорошей работы, стоитъ коп. 60, а шердыкъ изъ чаканки въ 2½ аршина длины и 1 арш. ширины коп. 20 продается изъ вторыхъ рукъ въ г. Астрахани.

**) Въ Мочагахъ (мочажный улусъ приморскій) и «черняхъ» Яндыковского улуса, прилегающихъ къ Волгѣ, повсюду встрѣчаются зинїя глинобитныя зданія бѣдняковъ (мазанки, шабыр-кгер), и нерѣдко между кибитками возвышаются то отдѣльные деревянные домики зайсанговъ (модон кгер), то цѣлыя группы хурульныхъ деревянныхъ зданій. Въ приморскихъ «черняхъ» Яндыковского и Эркетеневского улусовъ мнѣ пришлось встрѣтить очень мало калмыцкихъ построекъ, а въ степной части этихъ двухъ улусовъ, кромѣ станціонныхъ клѣтушекъ калмыцкой почты, встрѣтилась лишь одна постройка въ Эркетеневскомъ улусѣ—это самое зданіе мѣстнаго калмыка богача Зунгуева. Въ Харахусовскомъ улусѣ, въ центрѣ степи, жилыхъ калмыцкихъ строеній я не видалъ; въ Икпачахуровскомъ (степномъ), кромѣ полуразвалившихся поселеній крещеныхъ калмыковъ, пришлось встрѣтить три-четыре домика, принадлежащихъ богачамъ калмыкамъ. Въ Мало-Дербетевскомъ улусѣ на сѣверо-западѣ, по границѣ съ Землей В. Донскаго у калмыковъ встрѣчаются повсюду не только зимовники, но и своего рода палаты двухэтажныя, архитектурно выстроенныя,—это помѣщенія нойона и двухъ зайсанговъ, и кромѣ того не мало деревянныхъ домиковъ разбросано въ зимовныхъ кочевьяхъ калмыковъ. Въ приволжскихъ улусахъ—Богачахуровскомъ и Александровскомъ, на сколько можно судить о цѣлыхъ улусахъ по ихъ прибрежнымъ частямъ, такіхъ построекъ, хотя и болѣе бѣдныхъ, чѣмъ въ Мало-Дербетевскомъ улусѣ, встрѣчается не мало.

сутствіи всякихъ наружныхъ украшеній стѣнъ и крышъ. Но въ недавнее время явился родъ построекъ оригинальныхъ и исключительно въ Мало-Дербетевскомъ улусѣ. Это каменные постройки, по виду и размѣру даже совершенно одинаковыя съ калмыцкими кибитками. Онѣ бываютъ или совершенно круглыя, или восьмигранныя, крыши или тоже каменные, или кошениныя, безъ трубы, а вверху, какъ и въ кибиткахъ, находятся «харачи» съ «цагарыкомъ», и закрывается верхнее отверстіе посредствомъ «орке». Но подобныя каменныя кибитки, сколько я ихъ видалъ, назначаются не для жилья, а для приготовленія кушанья: это—кухни, главнымъ образомъ богачей изъ духовенства, и едва ли онѣ не заимствованы отъ бурятъ и ургинскихъ монголовъ, куда въ послѣднее время ежегодно отправляются астраханскіе калмыки, особенно изъ Дербетовскаго улуса.

Нормальная калмыцкая кибитка одновременно служитъ: а) жилымъ помѣщеніемъ отдѣльной семьи, б) помѣщеніемъ для всѣхъ сбереженій этой семьи (въ пищѣ, одеждѣ), в) помѣщеніемъ для исполненія бытовыхъ и религіозныхъ обрядностей, привлекающихъ въ нее постороннихъ посѣтителей, и г) въ холодъ—пріютомъ для новорожденныхъ животныхъ—ягнятъ и верблюжатъ. Пространство кибитки средней величины не превышаетъ девяти кв. сажень, а потому приспособленіе ея для такихъ многообразныхъ жизненныхъ цѣлей достигается какъ незначительностью хозяйственно-кибиточнаго инвентаря, такъ въ равной мѣрѣ и строго выработанною системою въ размѣщеніи вещей и обитателей кибитки: здѣсь, во всѣхъ кибиткахъ, не только каждая вещь, но каждое живое существо занимаетъ точно указанное ему народнымъ обычаемъ мѣсто.

Въ центрѣ кибитки (семейной только) находится очагъ (фиг. 3. I.), который обозначается треногимъ желѣзнымъ таганомъ (тулгѣ, фиг. 4). Противъ дверей въ глубинѣ кибитки, нѣсколько направо, помѣщается постель («орын»), но такъ, что только голова постели находится на прямой линіи противъ дверей, а вся постель въ правой половинѣ (фиг. 3. II).

Калмыцкую постель въ большинствѣ кибитокъ составляетъ низенькая кровать («орындык»). Последняя состоитъ изъ двухъ раздѣльныхъ частей: головная часть («дерендык») и собственно кровать. «Дерендыкъ» — это спинка обыкновенной кровати, къ которой для устойчивости придѣланы еще двѣ косыя ножки; остальная часть и сама кровать отличается короткими ножками, не выше ¼ арш. и отсутствіемъ головной спинки. При составленіи кровати обѣ половины связываются между собою ремнями или шерстяными арканами. Принадлежность постели—«шердыкъ». «Шердыкъ» спивается изъ двухъ или болѣе кошенинъ бѣлыхъ, чистыхъ, и простегивается разными узорами. «Шердыкъ», впрочемъ, можетъ и не быть у небогатыхъ людей на постели, но на семейной постели обязательно уже лежитъ

«дебѣскір» (или «дербѣсджин»), который состоитъ изъ простеганной большой кошмы, сверху покрытой матеріей и украшенной тесьмой («кебѣ») разнаго цвѣта, кромѣ желтаго и бѣлаго. Постель покрывается у богатыхъ одѣяломъ («канджилъ») лѣтомъ ситцевымъ или даже шелковымъ, а зимой—мѣховымъ:—бараньимъ, лисьимъ или другаго мѣха. Въ головахъ и ногахъ постели лежатъ подушки («дер бокцѣ» и «кѣль бокцѣ»), украшенныя со стороны очага особыми нашивками—продолговатыми четырехугольниками—«дерын-зекъ» (головными) и «келын-зекъ» (ножными). «Дерын-зекъ» и «келын-зекъ» обшиты по краямъ цвѣтными шнурками и расшиты чаще по черному или красному фону цвѣтными же шнурками, а иногда золотомъ и серебромъ. Подушки съ расшитыми четырехугольниками укладываются не горизонтально, а всегда наискось. Необходимою принадлежностью постели бываютъ еще круглыя подушки («тунтык»). Эти подушки представляютъ полые цилиндры—своеобразные сакъ-воляжи, во внутренность которыхъ прячутся вещи: въ головахъ чистое бѣлье и дорогая одежда, а въ ногахъ — что похуже изъ бѣлья и одежды. «Кель-бокцѣ» шьются чаще изъ кожи, чѣмъ изъ матеріи, а обѣ боковыя стѣнки расшиваются шнурками. Надъ постелью у людей болѣе или менѣе состоятельныхъ привѣшивается пологъ («кешигѣ») въ видѣ балдахина, раздвоеннаго посрединѣ. Вверху, гдѣ пологъ собирается въ складки, дѣлается обшивка («заха») и къ ней прикрѣпляются тесьмы, на которыхъ пологъ привѣшивается («кешекген тюнгѣ»). Внутри полога привѣшиваются еще особыя занавѣски «омвѣрчй».

На лѣво отъ кровати *) оставляется небольшой промежутокъ—«таклын шире» (жертвенный столъ), гдѣ помѣщается «хоболъ» (фиг. 3. V) — ящикъ съ бурханами, который въ большинствѣ кибитокъ привѣшивается къ «термен толга»; у богатыхъ калмыковъ «хоболъ» устанавливается на сстроенномъ возвышеніи изъ столиковъ и сундуковъ, покрытыхъ ковромъ (у богатыхъ людей религіозныя святыни хранятся не въ одномъ, а въ нѣсколькихъ ящикахъ), а у бѣдняковъ онъ ставится нерѣдко и на близъ стоящіе сундуки съ вещами. Впереди «хоболъ» часто стоитъ жертвенный столикъ съ разставленными на немъ металлическими сосудами, наполненными масломъ, зерномъ, печеньемъ и проч. Жертвенные столики бываютъ или простые (фиг. 5), узенькіе на ножкахъ въ ¼ арш., или же выкрашенные въ красный цвѣтъ и украшенные религіозно-символической рѣзбой и позолотой. Здѣсь же въ нѣкоторыхъ кибиткахъ втыкается въ землю

*) Предполагается, что наблюдатель разсматриваетъ внутренность кибитки отъ двери; но калмыки различаютъ стороны, ставъ у кровати, лицомъ къ дверямъ, а слѣдовательно во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ сказано влѣво, будетъ по-калмыцки вправо, и обратно.

красный низенькій шестъ съ рѣзбою, заканчивающийся металлической чашечкой («дѣ джин цѣкцѣ»).

Рядомъ съ «хоболомъ», влѣво въ кибиткѣ помѣщается «барун-баранъ» (фиг. 3. III), который складывается изъ ящиковъ и сундуковъ. Сначала ставится, сообразно достатку хозяевъ, два-три красныхъ ящика на ножкахъ, или шкафика («ѹкю-ѹкю»), (фиг. 6) и закрываются коврами («кебѣс»), а сверхъ ковровъ устанавливаются сундуки («абдыр»), и въ свою очередь покрываютъ ихъ коврами. «Барунъ-баранъ» — родъ кладовой и гардероба номадовъ. Въ «ѹкю-ѹкахъ» хранится посуда и съѣстные припасы, а сверхъ нихъ накладываются запасныя арканы, кошмы, мѣшки изъ ковровъ («ѹта»), шкуры, кожи, шубы и т. д. Въ сундукахъ же прячется дорогая одежда, украшенія, деньги и все цѣнное, а внизу подъ шкафиками хранятся всѣ тѣ вещи, которыя употребляются въ скотоводческомъ хозяйствѣ калмыковъ: разнаго вида арканы («аргамджѣ»), веревки («дѣсен»), «бурунтукъ», «нокто», «ѹрга» и проч.

Въ промежуткѣ между «барун-баранъ» и дверью висятъ и лежатъ уздечки, сѣдла, а гдѣ есть въ семьяхъ дѣти старше восьми лѣтъ, то здѣсь ставится для нихъ отдѣльная постель. У бѣдняковъ дѣти спятъ на землѣ, между «барун-баранъ» и очагомъ; здѣсь же въ холода помѣщаютъ и маленькихъ ягнятъ и телятъ.

Направо отъ кровати, у ея ногъ (фиг. 3. IV) ставится «зюн-баранъ», совершенно сходный по устройству съ «барун-баранъ», но только меньше. «Зюн-баранъ» состоитъ изъ одного, рѣдко изъ двухъ «ѹкю» и «абдыр», въ которыхъ хранится женская одежда, но не самая цѣнная, и болѣе часто употребляемая посуда и матеріалы для пищи. Ближе къ двери, около «зюн-баранъ» подвѣшивается къ верхушкѣ рѣшетки «табцѣ» (фиг. 3. VI)—полка для деревянныхъ чашекъ, ножей и кухонныхъ приборовъ. Иногда «табцѣ» въ срединѣ поддерживается вѣтвистою палкой («цахъ»), на которой вѣшаютъ «шуръ», «шанго», мясо и пр. Подъ «табцѣ» на землѣ, на низенькой деревянной подставкѣ помѣщается большой котелъ, и рядомъ съ нимъ маленькій—для куренія водки («арьки»), и котелъ для кушанья; ближе къ выходу къ рѣшеткѣ подвѣшено «цорго» (особая деревянная трубка), стоитъ «архатъ» (кожаный мѣшокъ), а у самой уже двери—корыто («тебышъ» или «онгоцо»).

При устройствѣ кибитки внутри соблюдается такой порядокъ: когда кибитка совершенно установлена, то прежде чѣмъ начать убирать ея внутри, утверждаютъ снаружи кибитки, противъ того мѣста, гдѣ внутри будетъ находиться «хоболъ», — «мѣни», т. е. бѣлый или желтый флагъ на шестѣ, сдѣланный изъ бумажной или шелковой матеріи, на которой написаны молитвы (впрочемъ, «мѣни» находится далеко не при всѣхъ кибиткахъ). Въ кибитку вносятся и устанавливаются прежде всего постель, по-

томъ «барун-баран» «зюн-баран», «табцэ» и вся кухонная и прочая посуда. Послѣ упорядоченія всѣхъ этихъ принадлежностей кибитки ставится таганъ и переносится въ кибитку огонь, разведенный снаружки. Послѣ всего въ кибиткѣ устраивается «хобол». При разбирании кибитки всѣ вещи предварительно укладываются по мѣшкамъ, ящикамъ и сундукамъ, снимается всё подвѣшенное къ рѣшеткамъ, но ничего изъ кибитки не выносятся прежде, чѣмъ «терме» упадутъ и части кибитки не будутъ уложены.

Кочевая жизнь, при которой въ теченіе года приходится переносить съ одного мѣста на другое жилище и всѣ предметы кибиточнаго хозяйства 10—15 разъ и даже болѣе, не располагаетъ къ умноженію вещей и ихъ разнообразію. Въ кибиткѣ калмыка можно встрѣтить, за небольшими исключеніями, вещи только необходимыя, и всѣ онѣ, по формѣ и матеріалу, видимо приспособлены, кромѣ требованія занимать какъ можно меньше мѣста въ кибиткѣ, еще къ частой перевозкѣ на спинахъ животныхъ. Поэтому по формѣ своей всѣ вещи несоразмѣрно узки, сравнительно съ своей длиной («ѹкюк», «абдыр», «хобол», «табцэ» и отчасти кровать), но и длина ихъ имѣетъ точные предѣлы—пространство между задними и передними ногами верблюда, потому что при перекочевкѣ всѣ громоздкія вещи (кромѣ «харачи») помѣщаются съ боковъ животного, и потому своей длиной не должны мѣшать его движеніямъ. Нарушать подобныя требованія могутъ лишь тѣ семьи, которыя кочуютъ не на выюнныхъ верблюдахъ, а на «арбахъ» (телѣгахъ) и въ лодкахъ.

Приспособленіе къ перекочевкѣ несомнѣнно отражается и на матеріалѣ, и это особенно замѣтно въ посудѣ калмыковъ: стекло и глина, по своей хрупкости, негодны для кочевника, а потому вся его посуда сдѣлана изъ кожи, дерева и металла. Посуды въ калмыцкой кибиткѣ немного, и одна и та же посуда служитъ для разныхъ цѣлей. Самая необходимая посуда всякой калмыцкой семьи чугунный котелъ («хайсын»), который служитъ для варенія всякой пищи: чаю, супу, мяса и пр. Только у богатыхъ людей есть особый котелокъ для чаю («цянгин хайсын»). При котлѣ всегда бываетъ деревянная крышка съ ручкой («бюркѣсын») и деревянный треугольникъ, (фиг. 7), на который ставится горячій котелъ. Для помѣшиванія пищи и разливанія ея употребляется оригинальной формы деревянный ковшъ («шанга», фиг. 8), а для процѣживанія чаю холщевый мѣшечекъ («шюр», фиг. 9) съ выдернутыми продольными нитями, укрѣпленный на проволочномъ кругѣ, къ которому придѣлана деревянная ручка. Чтобы выжать при процѣживаніи чай, употребляется «шахлур» (фиг. 10) — своего рода тиски*), сдѣланные изъ двухъ дощечекъ, которыя въ широкомъ концѣ связаны ремешкомъ. Если къ исчисленнымъ принадлежностямъ очага прибавить еще двѣ обыкновенныя сковороды («таба»), между ко-

*) Этими же тисками зажимаютъ «архатъ» съ кумысомъ.

торыми запекаются калмыцкія лепешки, т. е. исчерпается весь запасъ кухонной посуды астраханскихъ калмыковъ.

Приготовленный чай у богатыхъ людей изъ «айсына» переливается предварительно въ «домбо» (фиг. 11, а)—родъ ведра, постепенно суживающагося отъ низу къ верху. Оригинальность его заключается въ устройствѣ верхней крышки. Сверху, отступя вершка четыре, цилиндръ «домбо» срѣзывается параллельно дну до половины, и на уровнѣ уже этой вырѣзки вставляется наглухо верхнее дно (фиг. 11, б), въ которомъ одно небольшое круглое отверстіе, назначенное для давленія воздуха, пробуривается въ открытой половинѣ сосуда, а другое, треугольное, служащее для вливанія и выливанія чаю, вырѣзано на краю той части окружности дна, которая заключена между выступающею въ видѣ жолоба надъ уровнемъ дна половиною сосуда: выступающія дощечки и служатъ жолобомъ при выливаніи жидкости. Высота «домбо» отъ 1/2 до 1 арш.. Дѣлается оно изъ твердаго дѣрева, иногда даже изъ орѣха, и обтягивается мѣдными обручами, въ большинствѣ случаевъ высеребренными. Но въ небогатыхъ семьяхъ чай, какъ и всякая другая пища, изъ котла («шанг'ой») прямо наливается въ деревянные чашки, не болѣе обыкновеннаго стакана («ага», фиг. 12). Изъ однихъ и тѣхъ же чашекъ калмыки пьютъ и чай, и бульонъ, и кумысъ, и водку. Для ѣды мяса служатъ большія точеныя чашки («табык», фиг. 13). Что касается до количества чашекъ для кушаньевъ, то во всякомъ случаѣ ихъ бываетъ въ кибиткѣ лишь по нѣскольку экземпляровъ, и семья ѣсть не одновременно, а по порядку: насытившіеся члены передаютъ еще не ѣвшимъ однѣ и тѣ же чашки.

Все подоенное молоко (коровье, верблюжье, и овечье), кромѣ кобыляго (и то впрочемъ, если послѣдняго достаточно для производства кумыса), сливается въ одинъ сосудъ «архатъ» (фиг. 14)—родъ огромнаго кожанаго кувшина или мѣшка съ горлышкомъ. «Архатъ» шьется изъ грубо выдѣланной кожи, коровьей или верблюжьей и обязательно прокопченной, и вмѣщаетъ въ себѣ отъ 3 до 5 ведеръ и даже болѣе. Въ «архат'ахъ» же готовится изъ молока масло, арыанъ и кумысъ, и съ этой цѣлью въ «архат'ѣ» всегда находится «биллур» — палка, на нижнемъ концѣ которой надѣта опрокинутая чашка. «Архатъ» небольшихъ размѣровъ называется «ташур». Калмыки доятъ животныхъ въ кожаные же ведра («утхур»); въ подобныхъ же ведрахъ («сѹлга») въ степи носятъ и воду, а для доставанія воды изъ степныхъ копаней «худукъ» къ ведру придѣлываютъ длинный шестъ. У состоятельныхъ калмыковъ кумысъ предварительно изъ «архат'а» переливаютъ въ деревянные ведра («сѹлга») и отсюда уже берутъ въ чашки. Кумысное ведро дѣлается, какъ и «домбо», изъ крѣпкаго дерева и обшивается металлическими обручами.

Для дороги у калмыковъ готовятъ особые

сосуды изъ кожи — «бербѣ» и «тонхѣ», или «бортогѣ» (фиг. 15)—бутылки изъ кожи. «Бербѣ» отличается отъ «тонхо» лишь размѣромъ: это самая маленькая кожаная бутылка. Оба эти оригинальные красивые сосуда шьются калмыками изъ хорошо выдѣланной спинной кожи лошади. Почти всегда «бербѣ» и «тонхѣ» украшаются вытисненными на кожѣ разными узорами, а деревянные пробки къ нимъ оправляются въ мѣдь и даже серебро.

Въ кибиткахъ болѣе или менѣе состоятельныхъ обязательно имѣются еще сосуды для выработыванія изъ молока національной водки «арьки» (въ семьяхъ бѣдняковъ приспособленія для винокурения имѣются по частямъ). Прimitивный винокурный заводъ номадовъ (фиг. 16. I — VI) состоитъ изъ двухъ чугунныхъ котловъ («арькин хайсын») съ деревянными крышками («бюркѣсен»), большого котла («арькин хайсын») и маленькаго («арькин бакрыс хайсын»). Въ крышкахъ обоихъ котловъ продѣлано по два отверстія: одно маленькое и одно большое; въ большія отверстія вставляются «цѹргѣ», искривленный деревянный полый цилиндръ (ф. 16. V). Кромѣ того, при вареніи арьки употребляется еще деревянное корыто «онгоцо» (ф. 16. IV), сбитоое изъ досокъ и играющее роль холодильника: въ него наливается вода и ставится маленькій котелъ; «амсур»

маленькая палочка, въ палецъ толщиной, въ расщепъ одного конца которой продѣтъ пучекъ шерсти: посредствомъ «амсур'а», проводимаго въ меньшее отверстіе малаго котла, узнаютъ, готова ли водка.

Вотъ и вся посуда, находящаяся въ распоряженіи всякой калмыцкой семьи, живущей при нормальныхъ условіяхъ номада, т. е. *въ степи, при занятіяхъ скотоводческими* *). Внутри степи разница богатой и бѣдной семьи заключается не въ разнообразіи и матеріалѣ посуды, а въ ея сравнительномъ обиліи и цѣнности: тогда какъ бѣдная семья довольствуется 3-мя, 4-мя чашками («ага»), двумя «табык'ами», однимъ котломъ, «архат'омъ», — въ богатой семьѣ всего этого больше: 10 чашекъ, 5—6 «табык», нѣсколько котловъ, «архат'овъ». Бѣднякъ приобретаетъ себѣ чашку и «табык» въ 20—50 коп., богачъ платитъ за одну чашку 5, 10, 20 и даже болѣе рублей **). Но ближе къ окраинамъ разница между посудой богача и бѣдняка уже иная: у зайсанговъ и состоятельныхъ калмыковъ есть уже самовары и ларецъ съ чайною посудой (самовары

*) Изрѣдка въ степи приходилось еще встрѣчать два сосуда, очевидно выходящіе изъ употребленія — это «сабыл» (фиг. 17) и «цѹрго-царъ» (фиг. 18). «Сабыл» — это родъ большаго ковшъ изъ крѣпкаго дерева съ короткой, круглой ручкой и мысомъ. «Цѹрго-царъ» — родъ деревяннаго горшка или чайника съ носикомъ изъ рога.

**) Въ Мало-Дербетевскомъ уездѣ, напримѣръ, въ Ульду-чиновомъ хурулѣ, мнѣ показывали деревянную чашку для чаю, «гелюма Бембе», заплаченную будто бы 200 руб.: она сдѣлана изъ палыча древеснаго и отличается красотой естественнаго узора въ расположеніи древесины.

изрѣдка, впрочемъ, можно встрѣтить и внутри степи), тарелки, вилки, ножи, бутылки и рюмки, хотя всего и въ небольшомъ количествѣ, и чаще для заѣзжающихъ инородцевъ, чѣмъ для собственного употребленія. Что касается семей несостоятельныхъ, обитающихъ по окраинамъ, то посуда ихъ не богаче посуды степняка, но только замѣнена уже обыкновенною продажною посудой: нижегородскія красныя съ позолотою чашки, а не то и фарфоровыя полоскательныя чашки; вся кожаная посуда вытѣснена уже покупною деревянной, не исключая и архата; вмѣсто «бербѣ», «тонхо» — бутылки, штофы; такая замѣна совершается съ паденіемъ скотоводческаго хозяйства (при которомъ для кожаной посуды получаютъ собственные матеріалы) и замѣщеніемъ его рыболовствомъ или другимъ занятіемъ. При степныхъ скотоводческихъ занятіяхъ точеная деревянная посуда и кожаная наиболѣе цѣлесообразна: она не только удобна при перекочевкахъ, но и крѣпка.

По словамъ калмыковъ, «бербѣ» и «тонхѣ» служатъ лѣтъ 25—30; «архатъ», въ которомъ со дня на день производится окисаніе молочныхъ продуктовъ, рѣдко употребляется менѣе 3 лѣтъ: его только отъ времени до времени прокапчиваютъ внутри дымомъ кизяка. Не менѣе прочны и деревянные вещи, сдѣланныя изъ цѣльныхъ кусковъ, какъ чашки: чашки бывають въ употребленіи лѣтъ 15—20 и даже болѣе. Онѣ настолько пропитываются жиромъ, что влага ихъ уже не портитъ, а при паденіи ихъ гарантируютъ толстыя стѣнки *).

Кибитка и ея мебель и посуда представляютъ у калмыковъ собственность семьи или отдѣльнаго хозяйства. При составленіи новой семьи отдѣльныя, точно опредѣленныя обычаями части кибитки, мебели и даже посуда приносятся обѣими сторонами — мужемъ и женою, а затѣмъ уже по мѣрѣ надобности пополняются за счетъ семейнаго хозяйства и трудомъ мужской и женской половины семьи.

Нѣсколько иной характеръ носитъ *одежда* калмыковъ: носильное платье, шапки, обувь и украшенія въ калмыцкой семьѣ составляютъ собственность не семьи, а отдѣльнаго ея члена, и приготовляются, кромѣ металлическихъ украшеній, исключительно женщинами. Кромѣ того, сравнительно съ мебелью и посудой, одежда у астраханскихъ калмыковъ и обильнѣе и разнообразнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ она и менѣе оригинальна, чѣмъ прочій кибиточный инвентарь.

*) Оцѣнка вещей кибитки, ея мебели и посуды, довольно затруднительна, особенно такихъ вещей, которыя производятся въ каждой отдѣльной семьѣ, напр. кожаная посуда, кошмы и т. п. Во всякомъ случаѣ если не принимать во вниманіе предметовъ роскоши и щегольства, какъ дорогія чашки, изящныя «тонхѣ», «бербѣ», «домбо», «сѹлга», а также религіозныхъ принадлежностей, то средняя калмыцкая семья имѣетъ мебели и посуды, вмѣстѣ съ кошмами для постели и перекочевки, рублей на 50.

Мужскую одежду у калмыков составляют: «килик», «шалбур», «камзаль», «бишмит», «лабшик» «үчи», «юрмге», «дебель» разного покрою (бишмид-дебель, цубо-дебель, лабшик-дебель) и «даха».

1) «Килик» (рубаша) шьется из ситца или холста; она коротка, несколько ниже пояса и с разрезом наперед, это скорее ночная кофта, чем рубаша, ворот большой, выходящий из-под ворота верхней одежды, рукава длинные и широкие.

2) «Шалбур» (брюки) делаются из нанки (и особенно синей) или холста; они довольно широки и на пояс придерживаются вздержкой («олкэ»). Состоятельные люди носят еще исподние брюки («дотаджи шалбур») из холста или бязи; тогда уже верхние «шалбур» делаются из шерстяной материи или сукна и украшаются лампасами («тасма») из позумента с наружной и с внутренней стороны. Зимние брюки шьются из овчины, шерстью во внутрь («некэ(я) шалбур») или из кожи без шерсти («илин шалбур»), но чаще шьются так, что верх делаются овчинный, а низ кожаный. Теплые «шалбур» делаются из овечьих и козих шкур.

3) «Камзаль» — это жилет обыкновенного покрою, со стоячим воротником, обшивается (праздничный) по воротнику и где застегиваются пуговицы — позументом серебряным, золотым, или у бедных простым цветным шнурком.

4) «Бишмит» (бешмет) — род казакина, красивая одежда, сшитая всегда в талию, со множеством сборок («шаглур») у пояса, длина его только несколько ниже колена. Воротник у бешмета маленький, стоячий, так что из-за него виден обшитый кантом воротник жилета и широкий отложной ворот «килика», на груди бешмет застегивается только у талии на крючки или пуговицы, от пояса вверх края бешмета образуют треугольную вырезку, через которую выставляются позументы жилета. Впрочем, и бешмет у цеголей обшивается на груди и на плечах позументами. Но особенно оригинальны рукава бешмета: они вшиваются на плечах сборками или буфами («шаглур») и здесь довольно широки, к кисти же постоянно суживаются; длина их далеко больше руки, поэтому их искусно собирают при надевании в красивые сборки или буффы. Богатый бешмет иногда мелко простегивается и тогда уже называется «шагласин бишмит». Подол и подол подбиваются подкладкой («кебе») из яркой материи. Бешмет и камзаль составляют обыкновенно летний костюм взрослого мужчины; старики не носят бешмета, а замещают его

5) «Лабшиком» (халатом) — широкою и очень длинною одеждою без талии; она не застегивается, а просто запахивается на груди, причем одна пола заходит за другую. «Лабшик», как верхнюю одежду, поверх бешмета надевают и не старики, особенно в осеннюю или весеннюю ненастную погоду. От холода мужчины надевают еще:

6) «үчи» (теплый бешмет) на мерлушках или лисах, покрытый сукном или даже драпом (конечно, у богатых), или же его замещает

7) «юрмге» (армяк) из верблюжьего сукна, сшитый в вид халата или же бешмета.

В стужу кроме того надеваются мужчинами шубы из овчины; шьются они по покрою «лабшика» или бешмета и имеют четыре названия:

8) «Бишмид-дебель» шуба, нагольная, короткая, на покрой бешмета

9) «Шуба-дебель», длинная шуба, нагольная

10) «Лабшик-дебель» — это тоже «шуба-дебель», но только крытая, и

11) «Даха» из шкур выкидышей лошадей, сшитых шерстью вверх (у богатых калмыков).

На шею мужчины летом носят — хотя и не всегда — платки, а зимою нашивники — «оргебчи» из лисьего хвоста или из другого меха. Можно еще изрядка встретить зимою, что уши и подбородок подвязываются меховой повязкой «чибчиге».

Преобладающий цвет будничной одежды калмыков — синий; в праздничной же у простолюдины преобладают яркие цвета: зеленый, голубой (но не красный и не желтый — цвет духовенства и женщин) и пестрый, даже с цветами; у зайсангов (дворян) праздничная одежда срая или чаще черная шерстяная, или белая шелковая, хотя изрядка встречаются и яркие цвета.

На голове зайсанги носят летом обыкновенно фуражки черные, с зеленым околышем и с красными кантами, и просто черные; но национальным головным убором всех калмыков, как простых, так и дворян, служит шапка («махла»). В костюмах все калмыки астраханской степи однообразны, но в шапках заметно большее разнообразие, и видов шапок довольно много. Самая распространенная между калмыцкими шапками «хазык махла» (киргизская шапка, фиг. 19 а, б, в) или «торцык махла». Околыш ее делается из черных мерлушек (I), притом так устроена, что нижняя часть шапки совершенно круглая, а кверху заканчивается четырехугольником, отороченным выдрой (II). Верхушка шапки (III) из какого нибудь яркого сукна (но не желтого), обшита позументом или цветным шнурком. В центре верхушки находится кружок («ор») и на нем нашиты пунцового шелка нити в вид кисти или бахрамы — «даган зала». Высота шапки больше 1/4 арш. и соответственного объема. Носить эту шапку так, что один угол приходится на лбу. У хошоновских калмыков (Александровский улус) «торцык махла» отличается своей верхушкой: верх густо выстеган и в центре вместо шелкового «зала» вшита пуговица из шелка, красная бусинка, а иногда крупный коралл (фиг. 20).

В рабочие дни простолюдины носят шапки, сделанные из сукна, нанки и пр., и самых разнообразных форм. В Индыковском улусе (именно

но в степной его части) обыкновенная домашняя шапка делается из черной материи — «торцык». Это невысокая круглая шапочка из одноцветного матерьяла, на круглой верхушке которой нашить или кусочек пунцового сукна, или бусинка.

В Александровском улусе (особенно в Цатановом роде) встречается домашняя шапочка, которая очень напоминает рабочую персидскую шапку — «тумлык махла». Она состоит из выпуклого, низенького барашкового околыша и закругленной верхушки, сшитой из клиньев материи. Такая шапочка встречается и на женщинах, как Александровского, так и южного Мало-Дербетевского улусов.

Между северными дербетами особенно мужская молодежь из простолюдины носит маленькую шапку из темной материи, в форме татарской ермолки.

Все эти три последние вида домашней шапки не представляют чего либо типично-калмыцкого, а потому и не устойчивы: сами калмыки говорят, что они стали носить их еще недавно, и можно думать, что они так же легко замещаются шапками какого-либо нового образца, как и вошли в моду. Совершенно противоположными свойствами отличаются шапки, которые носят старики-калмыки: народная память не знает, когда они вошли в употребление. Такая шапка называется «хаджилга» (фиг. 21 а, б.). Околыш ее, очень выпуклый и невысокий, покрыт мерлушкою утробного ягненка («джулудык»); верхняя часть четырехугольная и сшита из оранжевого или желтого сукна (II), квадрат верхушки покрыт красным сукном (III), а в центре пунцового цвета «зала» (IV), шов между верхним квадратом и желтым четырехугольным верхом обшит серебряным или золотым шнурком (V). «Хаджилга» всегда довольно высокая (больше четверти) и объемистая шапка. Шапка эта одним углом квадрата наглухо пришивается к мерлушечьему околышу и надевается назад пристегнутым углом. Такого вида шапку носят старики и старухи во всех улусах, кроме Александровского. В Александровском или хошоновском улусе «хаджилга» несколько иного вида (фиг. 22); именно, околыш делается из обыкновенной мерлушки и довольно высок, желтый верх тоже выше и прямо стоит, причем он в нижней половине бывает продольно выстеган. Впрочем, хошоновская шапка теперь уже не часто встречается.

Для зимы употребляется калмыками меховая шапка — «бюйлячи», обыкновенно из лисьего меха с наушниками, которые в обыкновенное время торчат вверх, в вид треугольников. Из меха делается только околыш и наушники, причем нижняя часть мехового околыша сделана так, что по надобности может отворачиваться и закрывать лоб и уши; в стоячем виде наушники связываются шнурком или тесемкой; задняя часть шапки, сшитая

тая в вид угла, и верхушка шьются из желтого сукна, а на самой верхушке нашта все-таки «зала». Подкладка («дотор») «бюйлячи» шьется из кошмы, покрытой материей.

Женский костюм гораздо разнообразнее мужского. Нижняя одежда калмычки («килик» и «шалбур») одинакова с мужскою, но только воротник женского «килика» остроконечный, довольно широкий и носится поверх верхней одежды. Верхнюю одежду женщины составляют: «терлик», «цегдык», «хүтцум», «лабшик», «бэрзе» и «дебель» (шуба).

1) «Терлик» (фиг. 23) — это род полукафтаны, наглухо зашитого. Воротник у «терлика» стоячий, верхушка в 1 1/2—2 ширины, рукава длинные (длинные руки) и постепенно суживаются к концу, отчего они, как и у мужчин в бешмете, всегда бывают в сборах; вшиваются они на плечах также сборками. Правая пола на груди почти прямая, с небольшим выступом (пальца в 2) у пояса (I), левая же до пояса вырезана по прямой линии и имеет изгиб на пояс около четверти (II).

Воротник и правая пола до пояса, а левая до конца выступа украшаются нашивными цветными шпурками и позументами («зекг»), а также и обшлага рукавов (III). По левой поле до выступа идет 6 пуговиц, крупных, блестящих, у богатых — серебряных, вызолоченных, с камнями или цветными стеклами, но эти пуговицы служат только для украшения, а для застегивания есть внутренние петли и маленькие пуговицы. Концы рукавов не круглы, а в верхней части, покрывающей ладонь, вырезаны мысом — «нудурма» (кулак). На правом и на левом боку на уровне пояса пришиты две петли («бель», IV) из узкой ленты для платков; в эти же петли, когда нужно, чтобы волосы не мешали, прячется «токок» от косы.

Длина «терлика» всегда такая, чтобы не видно было сапог. Материя для праздничного «терлика» шелк, глазет разных цветов (кроме желтого), а у бедных — кумач. «Терлик» непраздничный такой же формы, только без украшений и называется «хүтцум».

2) «Цегдык» (фиг. 24 а, б.) — это род длинной безрукавки, надевается поверх «терлика» и закрывает его совершенно. По поясу «цегдыка» идут широкие сборки или складки. Вместо воротника «цегдык» имеет продолговатый, широкий четырехугольный вырез, через который совершенно виден расшитый ворот «терлика». На груди полы «цегдыка» скошены от воротника, так что сходятся под острым углом лишь у пояса. Рукава представляют большие треугольные вырезы: сверху, в вид закругленного острого угла, передняя сторона к груди несколько закругленная, нижняя, ровная, а задняя тоже ровная, сходящаяся с нижней под острым углом. Воротник, рукава, грудь, полы, подол и разрез сзади обшиты парчей («чимкаре») и параллельно парчи, несколько отступая, еще

узкимъ позументомъ. Вокругъ пояса, какъ спереди, такъ и сзади, нашиты «бель» и «хаптѳга», родъ карманныхъ клапановъ, изъ которыхъ первые два (по обѣимъ сторонамъ сходящихся полъ) соединены, а также и задніе два «бель», а остальные нашиты отдѣльно. На «цегдыкѣ» ихъ можетъ быть больше и меньше. Сзади у «цегдыкѣ», около четверти отъ «бель хаптѳга» идетъ продольный разрѣзъ, который, впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ ложный. На груди, для красоты, пришиваются четыре блестящія пуговицы и нашиваются фальшивыя петли, но застегивается «цегдыкъ» только у пояса, гдѣ онъ завязывается шнуркомъ («бючи») съ кистями («цацык»). Когда «цегдыкъ» завязанъ, видны остаются грудь и воротникъ «терликѣ». По обѣимъ бокамъ пришиты, какъ и у «терликѣ», петли для платковъ. Матеріалъ для «цегдыкѣ» тоже цвѣтной, но у одной и той же женщины цвѣтъ «цегдыкѣ» всегда другой, чѣмъ цвѣтъ «терликѣ».

3) «Лабшик» или «бѣрзе» — родъ халата изъ цвѣтной шелковой или другой матеріи съ довольно широкими и длинными рукавами; спина прямая, воротникъ и грудь вырѣзываются шалью и отдѣляются иногда позументомъ. «Лабшик» надѣваютъ сверхъ «цегдыкѣ», такъ что полный костюмъ женщины будетъ такой: 1) «киликъ», 2) «шалбуръ», 3) «терликъ», 4) «цегдыкъ» и 5) «лабшик».

Но чаще «лабшик» замѣняетъ собою «терликъ», такъ какъ онъ стоитъ дешевле; если же женщина не имѣетъ средствъ сшить и «цегдыкъ», то довольствуется и однимъ шелковымъ «лабшикомъ», и тогда онъ не украшается позументомъ и запахивается непосредственно у горла, для чего здѣсь и пришивается петля. «Цегдыкъ» и «терликъ» носятъ только замужнія женщины, «лабшикъ» же надѣваютъ и дѣвушки, но у послѣднихъ есть еще и свой особенный костюмъ. Калмыцкая дѣвушка сверхъ «киликѣ» и «шалбурѣ» носитъ еще родъ бешмета («бѣзе»), какъ и мужчина, но только гораздо длиннѣе: онъ почти закрываетъ сапоги; на груди дѣвичій бешметъ плотно закрывается, а рукава его имѣютъ полукруглую, продолговатую вырѣзку («задга» или «тысеркѣ»), начиная отъ подмышекъ и почти до области.

Сверхъ бешмета дѣвушки носятъ поясъ, но только не металлическій, а въ торжественныхъ случаяхъ «бѣзе» надѣваютъ поверхъ «хутцумъ» *).

Одежду женщинъ въ будній день составляетъ одинъ халатъ съ рукавами, чаще краснаго, рѣже синяго цвѣта.

Теплая одежда имѣетъ форму или «цегдыкѣ» или «лабшикѣ» («дердебель»); шьется она на мѣху, оторачивается выдрой, бобромъ, иногда еще сверху покрывается мѣхомъ утробныхъ телятъ, шерстью

*) Подъ бешметомъ калмычки дѣвушки носятъ родъ корсета: это холстинный жилетъ, плотно стягивающій грудь. Сверхъ корсета надѣвается еще куртка изъ китайки, нанки или шелка.

вверхъ. Зимой женщины, какъ и мужчины, носятъ шубы («дебель»), а состоятельныя, пожилыя калмычки сверхъ шубы надѣваютъ широкій шелковый или другой матеріи халатъ («бѣрзе»).

На головѣ калмыцкія женщины носятъ шапки, которыя отличаются украшеніями. Самая обыденная шапка, которую носятъ всѣ женщины повседневно, — это:

1) «томша» (фиг. 25) — круглая шапочка изъ плиса съ оторочкой, или же изъ матеріи съ закругленнымъ дномъ (II). Околышъ черный, оторочка широкая внизу и сверху изъ черной матеріи, верхушка желтая съ пупцовой «залѣ» **).

2) Изъ праздничныхъ шапокъ женщинъ прежде всего встрѣчается «юсюн ѳга халабын» (или просто «халабын» фиг. 26). Это круглая, не очень высокая шапочка; околышъ ея сдѣланъ изъ кошмы, которая съ наружной стороны обтянута черной шелковой матеріей (или парчей) и украшена парчей, позументомъ и шитьемъ въ гладь; эти украшенія нашиты вверхъ (собственно парча) и внизу, такъ что не зашитой остается лишь середина, въ видѣ ленты. Околышъ не одинаковой ширины: передняя половина пальца на два шире задней, послѣдняя преимущественно и украшается золотымъ или серебрянымъ шитьемъ. Верхушка «юсюн ѳга халабын» четырехугольно-выпуклая, покрыта пупцовой шелковой мелкой (нитчатой) бахромой «сугулмыр залѣ», которая нависаетъ на края. Эту шапочку носятъ такъ, что грань между высокой и низкой частью приходится на лбу, а также и одинъ изъ угловъ верхушки и держится шнуркомъ, который подвывается подъ подбородкомъ.

3) «ѳста-халабын» (фиг. 27) — мѣховая шапка. Околышъ этой нарядной шапки дѣлается изъ дорогого мѣха («булгунъ») — соболя, бобра, выдры; вверхъ мѣхъ оторачивается, далѣе идетъ стоячій четырехугольникъ на кошмѣ, довольно высокій, изъ желтаго сукна, золотой или серебряной парчи; внизу около мѣха нашиваются узоры шнурки, а вверхъ разноцвѣтная парча или позументъ; по четыремъ сторонамъ четырехугольника иногда пришиваются двѣ пуговицы (блестящія, коралловыя или жемчужныя), а верхушку украшаетъ большая пупцовая «сугулмыр залѣ». Шапки эти называются еще по мѣху, изъ котораго сдѣланы, напр. «булгун халабын» — соболья шапка и пр.

4) «Джалѳбдык махла» или «хаджилга» (фиг. 28) называется такъ потому, что околышъ ея дѣлается изъ шкурки утробнаго ягненка («джалѳбдык»). Въ этихъ шапкахъ околышъ бываетъ очень высокъ (около четверти) и полукруглой формы; далѣе идетъ мягкій, изъ желтаго сукна кругъ, а верхушка — четырехугольный квадратъ («залѣ»), который заднимъ угломъ прикрѣпляется къ околышу.

**) Въ богатыхъ семьяхъ женщины вмѣсто «томша» носятъ «тегрык махла» или «джатикъ» (фиг. 31) — маленькая кругленькая шапочка изъ темно-малиноваго бархата; околышъ и верхушка вышиты золотомъ въ гладь.

Хошоутовскими женщинами носятъ барашковыя шапки (фиг. 29 а, б, в.), рядомъ съ собольими и почти такой же формы, какъ «юста халабын», но только квадратъ состоитъ не изъ прямыхъ линий, а изъ вогнутыхъ и всегда дѣлается изъ желтаго сукна безъ украшеній; у хошоутовъ носятъ также высокія шапки безъ большого «зала» (фиг. 30), какъ мужчины, но только у женщинъ суконные квадраты не выстегиваются. Околыши этихъ шапокъ дѣлаются нерѣдко изъ соболя и другого мѣха.

Украшенія какъ на шапкахъ, такъ и одеждѣ женщинъ состоятъ изъ нашитыхъ изъ шнурковъ и позумента узоровъ, рѣже вышивокъ въ гладь золотомъ.

Калмыцкія вышивки обыкновенно не бываютъ однородны по матеріалу, а представляютъ комбинацію изъ шитья золотомъ или шелкомъ, вышивки шнурками и нашивокъ изъ тесьмы, позумента и парчевыхъ лентъ или полосъ. Такъ что рисунокъ складывается: а) изъ вышивки шнуркомъ («зекъ»), б) шитья нитками («хат-хамыр»), в) нашивки изъ позумента («кюсьмѣ») или парчи («чимкѣре») и г) обшивки изъ шнурка или сученыхъ нитокъ («ѳтцен»). «Кюсьмѣ», «чимкѣре» и «ѳтцен» въ каждомъ рисункѣ образуютъ какъ бы рамку для вышиванія; вышиванье же состоитъ обыкновенно изъ нашивки шнуркомъ («зекъ») фигуръ, въ которыхъ пустыя мѣста заполняются уже шитьемъ въ гладь золотомъ или шелкомъ. Въ рисункахъ калмыцкихъ вышивокъ нельзя не видѣть той же бѣдности формъ, какою страдаетъ и монотонная степь калмыцкая. Солнце, луна, звѣзды, радуга и зигзаги молніи на небѣ, а кибитка и холмъ на землѣ — вотъ единственные предметы, которые задерживаютъ зрѣніе въ широкой глади степи, гдѣ перспектива не разнообразится ни горами, ни даже деревьями, и гдѣ травяная растительность не выдѣляется изъ общей массы отдѣльныхъ экземпляровъ растений, способныхъ привлечь вниманіе обитателей своими листьями или цвѣтами. Фантазія калмыцкихъ женщинъ въ вышивки перенесла фигуры небесныхъ свѣтилъ и зигзаговъ молніи, да еще фигуры кибитки или холма, и все это окрасила въ яркіе цвѣта радуги. Чаще другихъ на калмыцкихъ вышивкахъ встрѣчается радужная лента, затѣмъ идутъ рисунки въ формѣ буквы Т, холма или кибиточнаго конуса или въ видѣ полулунія; рѣже встрѣчаются рисунки болѣе сложные, состоящіе изъ комбинаціи простыхъ фигуръ. На круглыхъ подушкахъ нашиваются, впрочемъ, рисунки въ формѣ лепестковъ или фигуръ, напоминающихъ сегнерово колесо. Во всей степи намѣченные рисунки выдерживаются въ довольно чистомъ видѣ не одними формами, но и цвѣтами, которые обыкновенно подбираются въ тѣнь. Есть, впрочемъ, вышивки и въ гладь, одноцвѣтныя, — это шитье золотомъ и серебромъ на бархатныхъ женскихъ шапкахъ «махла тегрыкъ» *).

Но помимо вышивокъ калмыки любятъ украшенія другого характера.

*) См. мое соч.: „Астрах. калмыки“. Астрахань. 1892, 80—83.

У мужчинъ главное украшеніе составляетъ поясъ («бюс»): безъ него мужчина неприлично явиться передъ постороннимъ старше его, и поясъ для каждаго калмыка предметъ большихъ заботъ; онъ составляетъ самую цѣнную часть костюма. Калмыцкіе пояса дѣлаются изъ серебра и иногда вызолачиваются; по недостатку серебра замѣняется польскимъ серебромъ или сплавомъ. Названій поясовъ у калмыковъ довольно много, и названіе пояса зависитъ отъ формы составляющихъ его частей. Каждый поясъ состоитъ изъ отдѣльныхъ пластинокъ, которыя нашиваются или нашиваются на серебряную или золотую ленту, заканчивающуюся пряжкой (бюсын — татуръ) съ язычкомъ («келѣн»), а на другой сторонѣ — серебряная пластинка («бюлю»). Самый употребительный у калмыковъ поясъ — «хулсын бюс» (камышовый поясъ), составныя пластинки котораго напоминаютъ камышъ: это продолговатыя пластинки съ выпуклымъ полуovalомъ посрединѣ, и этотъ полуovalъ украшается насѣчками и чернью, или же съ выпуклымъ удлинённымъ трехгранникомъ. Вторымъ видъ пояса — «абдыр бюс» (поясъ сундукъ); пластинка его — удлинённый четырехугольникъ, иногда съ насѣчками. Третій видъ пояса, самый дорогой и особенно любимый зайсангами — «шеркис бюс» (черкесскій поясъ); онъ состоитъ изъ большихъ и малыхъ, выпуклыхъ (внутри полыхъ) пуговицъ или бубенцовъ, покрытыхъ чернью. Тогда какъ у «хулсунъ» и «абдыр-бюс» металлическія части называются такъ тѣсно, что представляютъ сплошную ленту чешуекъ, у «шеркис-бюс» пуговицы нашиваются на широкую золотую или серебряную ленту съ промежутками. Бѣдняки постоянно, а состоятельные въ рабочіе дни надѣваютъ «кенчир бюс» изъ нанки или другой матеріи, а не то и просто кожаный.

При поясѣ мужчины носятъ на лѣвомъ боку ножикъ («утѳга») въ серебряныхъ ножнахъ или кожаныхъ, а сзади, тоже у пояса, огниво («кетѣ»), которое тоже оправляется въ серебро (фиг. 32).

«Кетѣ» имѣетъ форму металлическаго или кожаного ящика или портсигара; къ верхней части его прикрѣплены кожаныя пуговицы и петля, которыми захватывается за поясъ, а на нижней находится кусокъ стали; внутри «кетѣ» хранятся огниво и трутъ. Около пояса же привѣшиваются нѣкоторые принадлежности охоты: а) пороховница («шакшик»), сдѣланная изъ конца воловьего рога; запирается такая пороховница слѣдующимъ образомъ: въ узкомъ отверстіи рога, съ вогнутой стороны, прорѣзывается неглубокій желобокъ и въ него вкладывается выгнутая нѣсколько костяная пластинка и прикрѣпляется съ одного конца такъ, что другой, свободный, проходя черезъ отверстіе, плотно его закрываетъ; но если прижимать пластинку на выгнутомъ мѣстѣ, конецъ ея немного приподымается и порохъ сыплется; б) мѣрка для пороха («эльшикъ») изъ кости въ видѣ цилиндрическаго стакана съ на-

рѣзными узорами; в) наконецъ—дробовница («хап-тага») — кожаный мѣшечекъ.

На пальцахъ мужчины носятъ кольца — «бильцык», именно на безымянномъ пальцѣ лѣвой руки; въ лѣвомъ ухѣ серебряную, золотую или жемчужную серьгу — «сикѣ» (фиг. 33.), форма которой — круглая металлическая пластинка съ металлической же привѣской, и все это на сравнительно большой выгнутой треугольной проволоцѣ. Ношеніе серегъ, видимо, выходитъ изъ употребленія. Какъ украшеніе своего рода мужчины носятъ еще на боку съ лѣвой стороны въ особой петлѣ платокъ («альчур») изъ полотна или матеріи разныхъ цвѣтовъ.

Кромѣ того, у каждаго мужчины есть трубка («кганза») и кисетъ («тунгорцык»), которые держатся въ карманѣ или (трубка) за голенищемъ сапога; трубка составляетъ неотъемлемую принадлежность и женскихъ вещей.

Украшеніемъ для женщинъ служатъ:

1) серьги («сикѣ»). Форма женскихъ серегъ довольно однообразна и разница лишь въ величинѣ и цѣнности металла, камней и украшеній (фиг. 34 а, б.); именно къ одному концу, изъ изогнутой въ видѣ треугольника проволоки — ушка («сикен эмін») припаянъ большой металлическій кружокъ («сикенъ хаптахъ» — карманъ серьга) и къ послѣднему посредствомъ двухъ колецъ привѣшена еще сердцевидная пластинка съ припаянными на концѣ кружочками («сикен дусал»). На большомъ кружкѣ вдѣлываются въ металлическую оправу цвѣтные камни или стекла («сикен нодутъ» — глаза серьги). Камней здѣсь бываетъ или 9 или 5; въ послѣднемъ случаѣ недостающіе камни замѣняются металлическими украшеніями. По краямъ и кружки, и сердцевидная пластинка обводятся вдвое сплетенной тонкой металлической проволокой, которая здѣсь называется «ходжи» (косы).*) и если эти «ходжи» накладываются въ два ряда, то «ходжи» потолще, крайнія, называются «ик-ходжи» (большія косы), а второй рядъ «бичкин ходжи» (маленькія косы). Замужнія женщины носятъ серьги въ обоихъ ухахъ, дѣвушки же только въ правомъ ухѣ.

2) Кольца («бильцык») женщины носятъ на всѣхъ пальцахъ правой руки, дѣвушки — на мизинцахъ обеихъ рукъ.

3) Замужнія женщины на концѣ своихъ двухъ косъ, спрятанныхъ въ чехолъ («шибирликъ») носятъ или сдѣланный изъ своихъ волосъ, или же (состоятельные) изъ серебра особыя украшенія, которыя называются «токок» — это металлические вершка въ два длины, книзу суживающіеся конусы; въ верхнемъ, толстомъ концѣ, они бываютъ толщиной въ женскій палецъ, на нижнемъ, тонкомъ концѣ припавается закрытая коробочка въ видѣ сердца (фиг. 35 а, б.) или въ видѣ трехъ отдѣльныхъ круглыхъ коробочекъ (фиг. 35 в, г.).

Два платка замужняя женщина носитъ по обѣимъ сторонамъ верхней одежды, и притомъ такъ, что

однимъ угломъ платокъ привязывается къ петлямъ, а три угла видны; дѣвушка же имѣетъ только одинъ платокъ на лѣвой сторонѣ, за поясомъ. Дѣвушки носятъ еще пояса: праздничные изъ цвѣтной шелковой матеріи — «торогон бюс», а въ будни — «кенчир бюс» — изъ нанки, ситцу и т. п.

Къ числу женскихъ украшеній нужно еще отнестись упомянутый выше «шибирликъ» — это два длинные черные чехла, въ которые замужнія женщины вкладываютъ свои косы. «Шибирликъ» дѣлается изъ плиса, бархата или атласа. Косы женщины въ «шибирликъ» всегда спускаются по груди къ поясу *).

Калмыцкія дѣти въ первое время не нуждаются въ одеждѣ ни лѣтомъ, ни зимой. Лѣтомъ они бѣгаютъ совершенно нагѣ, а зимою сидятъ въ кибиткахъ, зарываясь въ ^{меха} или согрѣваясь около очага. Только лѣтъ съ 6-ти дѣвочки, а мальчики лѣтъ съ 8—9-ти начинаютъ носить платье. Сначала они носятъ только «киликъ» и «шалбуръ» и лишь позже, когда они дѣлаются рабочими подростками, имъ готовятъ и другія одежды, смотря по полу. Полный костюмъ, т. е. шапку и поясъ, мальчики начинаютъ носить обязательно, когда приближается періодъ женитьбы; дѣвушка же получаетъ весь дѣвичій костюмъ уже съ 14 лѣтъ. Конечно, такая постепенность въ костюмѣ имѣетъ мѣсто лишь у людей небогатыхъ; въ состоятельныхъ же семействахъ, особенно же у зайсанговъ дѣти, какъ только начинаютъ бѣгать, одѣваются въ полный костюмъ взрослыхъ людей. Дѣти калмыковъ обоего пола не носятъ также и украшеній взрослыхъ людей, но есть специально дѣтскія украшенія, которыя скорѣе, впрочемъ, имѣютъ значеніе талисмановъ или амулетовъ, чѣмъ украшеній. Дѣтскіе амулеты бываютъ двухъ видовъ: или монеты серебряныя, а иногда и мѣдныя, или же мелкія морскія раковины («моган-толга» — змѣиный головки). И тѣ и другія вплетаются въ волосы главнымъ образомъ спереди, а потомъ и съ боковъ, и число ихъ различно: можно встрѣтить ребенка съ одной привѣской, двумя, тремя и гораздо болѣе. Начинаютъ навязывать монеты и раковины на головки дѣтей довольно рано, скоро послѣ рожденія, какъ только подростутъ волосы, а снимаютъ въ томъ возрастѣ, когда дѣти наряжаются въ общій костюмъ взрослыхъ. Съ этого же времени и самая прическа мѣняется.

Дѣти калмыковъ носятъ два вида прически: у дѣтей, посвященныхъ хурулу («манжиковъ» — только мальчиковъ) брѣютъ совершенно головы, по образу ламаитскаго духовенства, а у остальныхъ, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, волосы отрастаютъ или на всей головѣ (у богатыхъ зайсанговъ), или только на темени, больше или меньше, смотря по привязанности семьи къ національнымъ

*) Довольно подробное представленіе о костюмахъ мужчинъ и женщинъ астраханскихъ калмыковъ даютъ прилагаемые рисунки съ фотографій (фиг. 36, 37, 38 и 39).

обычаямъ, выстригая гладко вездѣ, причѣмъ амулеты привѣшиваются къ теменнымъ волосамъ. По мѣрѣ отростанія, волосы нѣсколько подрѣзываются, исключая тѣхъ локоновъ, къ которымъ подвѣшены монеты или раковины: эти растутъ свободно и висятъ по бокамъ дѣтской головки. Съ 12—13 лѣтъ дѣвочки снимаютъ подвѣски и начинаютъ носить волосы, подрѣзанные до плечъ, а лишь наступаетъ періодъ половой зрѣлости (обыкновенно съ 14 лѣтъ), волосы дѣвушки, если только позволяетъ ихъ длина, заплетаются сзади въ одну косу, причѣмъ, впрочемъ, собираются въ косу только волосы со лба, темени и отчасти съ затылка, а височные волосы лежатъ незаплетенные по обѣимъ бокамъ головы; коса дѣвушки всегда плетется высоко, такъ что она спускается почти съ половины головы. Когда дѣвушка выходитъ замужъ, то волосы ея раздѣляются на двѣ косы и прячутся въ «шибирликъ», которые спускаются по груди къ поясу; какъ бы ни были коротки волосы, по «шибирликъ» всегда доходитъ до пояса и здѣсь къ нему подвѣшиваются «токок».

Что же касается прически мужчинъ, то она имѣетъ нѣсколько видовъ. Внутри степи пожилые люди заплетаютъ волосы на головѣ въ одну косу, двумя способами: одни сбриваютъ волосы на головѣ, оставляя лишь на темени, и оставшіеся на темени волосы собираютъ въ косу (съ подобной косой, напоминающей прическу китайцевъ, мнѣ пришлось видѣть калмыковъ въ Малодербетевскомъ улусѣ въ Дунду-хурулѣ); другіе же подбрасываютъ волосы лишь незначительно, или совершенно не брѣютъ, а всѣ волосы собираютъ въ косу, причѣмъ короткіе волосы нѣрѣдко остаются незаплетенными (прическу подобнаго рода мнѣ пришлось встрѣтить въ Икнцохуровскомъ и особенно много въ Харахусовскомъ улусѣ). Въ степи всего одинъ разъ пришлось видѣть косу у мужчины въ Мочагахъ, между харахусовскими калмыками. Но обычай заплетанія косъ мужчинами видимо вымираетъ, и большинство пожилыхъ людей даже въ степи носятъ волосы на головѣ не заплетенными, но выбритыми болѣе или менѣе кругомъ, кромѣ темени. Мужчины не старые, и особенно зайсанги, носятъ волосы длинные, подрѣзанные въ кружокъ, какъ ихъ носятъ донскіе и астраханскіе казаки; видимо, что прическа заимствована калмыками отъ этихъ послѣднихъ. Но нойоны и зайсанги, а иногда и простолюдины, чаще соприкасающіеся съ городской жизнью, и особенно побывавшіе въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, измѣнили уже и такому обычаю убранія головы: они стригутъ волосы, хотя и не очень низко. (Лицъ съ такою прическою мнѣ не пришлось видѣть въ Торгоутовскихъ улусахъ, но въ Мало-Дербетахъ и Хошоутахъ вся знать придерживается такой прически). Интересно и то явленіе, что лица съ прической послѣдняго вида носятъ уже и обыкновенныя европейскія фуражки и почти не украшаютъ себя серьгами.

Обувь (сѣзкѣ) у калмыковъ исключительно кожаная — изъ сафьяна и ремня. Мужчины и женщины носятъ башмаки («башмык») только дома, а обыкновенною обувью обоихъ половъ служатъ сапоги («госун»). Национальные калмыцкіе сапоги дѣлаются изъ сафьяна, при этомъ у мужчинъ они бываютъ чернаго цвѣта, а у женщинъ краснаго. Главная особенность калмыцкаго сапога состоитъ въ пришиваніи подошвы: каблукъ нашивается не на подошву, а напротивъ, толстая подошва изгибается у каблука и нашивается сверху на каблукъ.

Лѣтомъ калмыки носятъ чулки («шингм»), родъ шерстяныхъ носковъ, а на зиму чулки дѣлаются изъ кошмы («ишйггѣ омсен»); вмѣсто чулокъ иногда, особенно по Волгѣ, носятъ холщевыя опучи («цугло»).

Въ новолжскихъ мѣстахъ обувь у мужчинъ болѣею частію русская, а въ другихъ мѣстахъ состоятельные люди придерживаются татарской обуви: такъ въ Эрфуртеновскомъ улусѣ богатые калмыки нѣрѣдко носятъ сапоги съ расшитыми задниками и обуваются постоянно въ татарскія же калоши. Впрочемъ, по словамъ самихъ калмыковъ, и употребленіе башмаковъ, особенно среди духовенства, есть вліяніе татаръ.

Къ бытовой обстановкѣ относятся еще *пища*, *) *освященіе* и *топливо*.

Суррогатами пищи у калмыковъ служатъ: мука, кирпичный чай, молоко и мясо, причѣмъ калмыки готовятъ 1) изъ *муки*: «буданъ», «булмукъ», «кгуюръ», «борчокъ» и его видоизмѣненія: «борчокъ целбекъ» и «хамбатъ борчокъ»; 2) изъ *кирпичнаго чаю* — «цѣй»; 3) изъ *молока*: «тосунъ», «бозо», «ѣдѣмыкъ», «ѣдѣмык-усунъ», «шюрмукъ», «хурсунъ», «хоэрмыкъ», «арьяпъ», «чигэнъ», «чюркѣ», «эзге», «арька» и 4) изъ *мяса*: «шулюмъ», «шигисын маханъ», «кѣшкелыксын маханъ», «болхойрюкъ», «борцо», «чикисын маханъ», «берыкъ», «хурсын маханъ».

1. Мучныя кушанья.

а) «Буданъ» — мучная болтушка, родъ запорожской «саламахи». Въ котелъ съ водою, кипящей на таганѣ, засыпаютъ пшеничной или ржаной муки, помѣшивая при этомъ «шанъгой» (уполовникомъ), пока не получится требуемая густота; затѣмъ туда же льютъ молоко, если оно есть, бросаютъ соли, а иногда кладутъ и немного масла. Ыдятъ «буданъ» изъ чашекъ («ага»). Молоко иногда замѣняется «шурмыкомъ» (см. ниже).—б) «Булмукъ» — это кушанье представляетъ только видоизмѣненіе будана. Въ котлѣ съ водою кипятятъ чашки 1½ — 2 масла или сала, бросаютъ въ него чашки четыре муки и немного соли, мѣшаютъ, кипятятъ снова и ѣдятъ горячимъ. в) «Кгуюръ» — родъ прѣсныхъ лепешекъ. Дѣлаютъ въ большой чашкѣ («табык») прѣсное ржаное тѣсто (по окраинамъ тѣсто готовится изъ пшеничной размольной, т. е. съ высѣвками, муки), придаютъ тѣсту круглую сплюснутую форму и кладутъ на сковородку, сверху покрываютъ другой, и

*) См. вышеназв. соч., стр. 187—214.

все это зарывается въ жаръ очага. За неимѣніемъ сковородки, какъ это бываетъ въ большинствѣ семей калмыковъ, «кгуюр» пекутъ прямо въ золѣ. г) «Борчок», «борчок-целбекъ», «хамбат-борчокъ». Тѣсто для него размѣшивается съ бараньимъ саломъ или масломъ и печется въ салѣ на сковородкѣ или въ котлѣ. Разница названій скорѣе относится къ формѣ: для «борчокъ» тѣсто зажаривается отдѣльными кусочками; «борчок-целбекъ» — въ формѣ блина; для «хамбат-борчокъ» въ тѣсто прибавляется прѣсное молоко, и это тѣсто скорѣе варится въ салѣ бараньимъ, чѣмъ жарится.

2. *Кушанье изъ кирпичнаго чая* — «цй». Приготовление «цй» заключается въ слѣдующемъ: котелъ («цайгин хайсын»), налитый водою, ставится на таганъ, подъ которымъ разведенъ предварительно огонь, и, пока вода въ котлѣ согрѣвается, насклабываютъ ножомъ изъ плитки или кирпича нужное количество (смотря по числу душъ) чая и бросаютъ его въ кипящую воду, причемъ кладется щепоть чая на пять — шесть калмыцкихъ чашекъ (ага) воды; затѣмъ котелъ закрывается деревянною крышкою. Чай варится минутъ 20 — 30 не болѣе. Во вскипѣвшій чай вливаютъ молоко (на шесть чашекъ воды — чашку молока) и кладутъ соли по вкусу. Сваренный чай, снявши съ тагана, мѣшаютъ шангой и цѣдятъ черезъ «шюр» (мѣшечекъ изъ рѣдко сотканнаго холста) или, какъ говорятъ калмыки, «снимаютъ шаръ», тщательно выжимая съ помощью «шахлур» (родъ деревянныхъ тисковъ). Въ процѣженный уже чай прибавляютъ немного масла. Иногда въ богатыхъ семьяхъ, особенно въ парадныхъ случаяхъ, въ чай кладутъ еще и пряности: лавровый листъ, мускатный орѣхъ и гвоздику. Чай изъ котла шангой разливается въ чашки («ага»), изъ которыхъ и пьютъ его. Состоятельные люди, у которыхъ кухня помѣщается въ отдѣльной кубиткѣ, предварительно переливаютъ изъ котла чай въ «домбо». Вываренные разъ остатки чая («шар») не выбрасываются, а сушатся и хранятся: ихъ прибавляютъ при слѣдующемъ вареньи къ свѣжему чаю, какъ изъ экономіи, такъ и потому, что кушанье получаетъ болѣе мягкій вкусъ, а вываренный уже нѣсколько разъ чай идетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ степи на кормъ скота. Калмыки пьютъ чай обыкновенно безо всего, но иногда, чаще зимою, пьютъ чай съ сушками («тогош»), съ калмыцкимъ сыромъ («эзге») или съ калмыцкимъ печенемъ.

3. Молочныя кушанья и напитки.

а) «Тосун» (масло). Прѣсное молоко, слитое въ «архатъ», бьютъ долго «билюр'омъ», по времени слегка встряхивая, или помѣшивая его. Черезъ нѣсколько часовъ такой работы получается довольно жидкое масло; помѣшиваніемъ «билюр'омъ» его собираютъ въ комки, которые и извлекаютъ изъ молока шангой. Послѣ того, какъ сыворотка достаточно стечетъ, масло слегка просаливаютъ, складываютъ

въ сдѣланные изъ желудка («кгизен») мѣшечки («тосна саба» — посуда для масла), плотно заматываютъ въ куски старыхъ войлоковъ и въ такомъ видѣ сохраняютъ и въ жарѣ, и въ холодѣ. Но если нужно получить масла немного и скоро, для чаю напр., то черпаютъ въ чашку съ устоявшимся молокомъ сливокъ или съ окисшаго молока («арьян») сметану и бьютъ въ чашкѣ пальцами до тѣхъ поръ, пока не получится жидкое масло. — б) «Бозо», «эдамык», «эдамык усун», «шурмюк», «хурсун» и «хоэрмекъ», — все это продукты перегона въ водку (арьку) окисшаго молока (см. ниже). «Бозо» — это гуща послѣ куренья арьки. Ее вычерпываютъ шангой въ холщевый мѣшокъ, даютъ стечь жидкости («эдамык усун» — сыворотки) и изъ густого «бозо» или «эдамык» дѣлаютъ «шурмюк»: для этого берутъ «бозо» въ руку, продавливаютъ черезъ пальцы на кошму, гдѣ куски «шурмюк'а» разной формы высушиваются. Готовый «шурмюкъ» сохраняется въ мѣшкахъ изъ кошмы. Иногда «бозо» придаютъ форму квадратиковъ, и тогда его называютъ «хурсун», который сохраняется нанизаннымъ на шерсть, какъ крендели. «Шурмюкъ» и «хурсун» могутъ сохраняться цѣлые годы. По виду и тотъ и другой грязновато сѣраго цвѣта, имѣютъ пріятный кисловатый вкусъ, хорошо развариваются въ водѣ и прибавляются зимою въ «буданъ». «Бозо», помимо приготовления изъ него консервовъ на зиму, ѣдятъ и въ натуральномъ видѣ, смѣшивая съ прѣснымъ молокомъ. Это блюдо называется «хоэрмыкъ» и служитъ главнымъ образомъ пищею дѣтей. — в) «Арьянъ» — это окисшее молоко. Калмыки весь удой сливаютъ въ «архатъ», гдѣ молоко окисаетъ. Часть «арьян'а» выпивается калмыками въ натуральномъ видѣ въ теченіе дня; главная масса превращается въ «арьку» и «бозо» — его производное, наконецъ часть сѣдается въ видѣ кушанья «кѳэрцынгъ». Чтобы его приготовить, на «арьянъ» просто поливаютъ или даже надаютъ парного молока, отчего образуется творогъ въ видѣ мелкихъ шариковъ или кашица, которую и ѣдятъ, когда она остынетъ. — г) «Чигэн» (кумысъ) — лучший напитокъ въ степи, хотя и далеко не всѣмъ доступный. Когда подогнанное молоко остынетъ, его сливаютъ въ «архатъ», въ которомъ на днѣ предварительно оставлена закваска («керенгѣ») отъ стараго кумыса, и начинаютъ бить, какъ и при выдѣлкѣ масла, «билюр'омъ». Чтобы хорошо приготовить кумысъ, нужно бить его непрерывно въ теченіе сутокъ, причемъ дѣлается, по мнѣнію калмыковъ, до 40.000 ударовъ; но хозяйственные хлопоты и чрезвычайность труда не позволяютъ калмыкамъ достигать совершенства въ приготовленіи кумыса, и потому обыкновенно у калмыковъ бьютъ молоко, въ теченіе часа — утромъ, среди дня и вечеромъ, причемъ, конечно, дѣлается ударовъ менѣе 10.000, но не менѣе 3.000. Въ калмыцкой степи кумысъ бываетъ съ мая и по сентябрь, и для его приготовления отдѣляютъ особые косяки кобылицъ,

Понятно, что этотъ напитокъ доступенъ лишь богатымъ семьямъ. Въ первый день послѣ приготовления кумысъ называютъ просто «чигэнъ», во 2-й день — «кгууну чигэнъ», въ 3-й «денын чигэнъ» — самый крѣпкій. Калмыки обыкновенно пьютъ «чигэнъ» и готовятъ ежедневно новый запасъ. — д) «Чюрке» — это родъ молочнаго кваса. Его готовятъ изъ «шурмюк'а» или «хурсун'а», разваривая ихъ въ водѣ. «Чюрке» пьютъ лишь за неимѣніемъ «чигэн'а» и «арьян'а». — е) «Эзге» — родъ овечьего сыра *). ж) «Арька» или «тепленкое» — водка изъ молока. Для варенья «арьки» берутся два котла («арькин хайсын»). Въ большой котелъ наливается «арьянъ» (арьин); котелъ закрывается крышкою, которая обмазывается глиной пополамъ съ коровьимъ каломъ, и этотъ котелъ ставится на таганъ. Вдвое меньшій котелъ, также съ замазанной глиною крышкою, ставится въ корыто («арькин онгоцѳ») съ водою или же просто въ выкопанную ямку, вымазанную глиною и налитую водою. Въ большія дыры котловъ вставляютъ «цорго» и примазываютъ глиной. Маленькую дырочку на большомъ таганѣ закрываютъ сдѣланнымъ изъ глины «чомбатъ» (фиг. 16. VI) и разводятъ подъ большимъ котломъ сильный огонь. Черезъ маленькое отверстіе меньшаго котла посредствомъ «амсуръ» пробуютъ, готова ли арька. Пары изъ большаго котла черезъ «цорго» проходятъ въ малый, гдѣ и осаждаются въ жидкость. Весною арьку варятъ въ теченіе 2 — 3 часовъ, а лѣтомъ, въ жаркое время 1—1½ часа. Чтобы можно было варить арьку, нужно не менѣе 2 ведеръ «арька» («арьян'а»), и арьки отъ 2 ведеръ получается около 3 полштофовъ. Лучшая арька получается изъ кобыльаго молока, когда ее уже гонять изъ кумыса. Арька пьется теплой, непосредственно послѣ варенья, и тогда она бываетъ матоваго цвѣта и очень напоминаетъ по вкусу разбавленный спиртъ въ теплой водѣ. Крѣпость арьки не доходитъ до 16 — 18°. Чтобы ее очистить и прибавить крѣпости, перегоняютъ ее во второй разъ, причемъ получается уже «арза». Холодная арька мутна и имѣетъ непріятный запахъ. Изрѣдка арьку троютъ, и тогда получается спиртъ «хорза», но послѣдній не пьютъ, а употребляютъ лишь какъ лѣкарство, считая «хорзо» ядомъ. Когда арьку сварить, въ большомъ котлѣ остается молочная гуща «бозо». Арьку варятъ лѣтомъ, главнымъ образомъ изъ молока коровьяго, но иногда и изъ овечьаго, верблюжьяго и кобыльаго, однако почти всегда въ смѣси съ коровьимъ. **)

4. Мясныя кушанья.

а) «Шулюмъ» — бульонъ мясной. Въ налитый водою котелъ кладутъ разсѣченное на куски мясо, («маханъ»), прибавляютъ немного соли и кипятятъ.

*) Название мѣш. приходилось слышать въ калмыцкой степи, но ни ѣсть, ни видѣть приготовленіе его не случалось.

**) См. мое сообщ. въ „Протокъ. Петровск. Общ. изсл. Астрах. краѣ“. 1888. („Арька“ и пр.).

Сваренное мясо вынимаютъ изъ бульона и раскладываютъ въ большія чашки («табык») и ѣдятъ сначала мясо, а потомъ пьютъ бульонъ («шулюмъ») маленькими чашками («ага»), какъ и чай. — б) «Шикисын маханъ» — сваренное обыкновеннымъ порядкомъ мясо разрѣзывается на мелкіе кусочки, поливается бульономъ и въ такомъ видѣ употребляется. Иногда тоже мясо еще слегка поджаривается. — в) «Кешѣкисын маханъ» — тоже самое, но только мясо не крошится, а разрывается руками на кусочки. — г) «Болхайрюкъ» — это самое лакомое и заманчивое мясное кушанье у калмыковъ, и его приготовляютъ такъ: послѣ того, какъ арька уже получена, въ большой котелъ съ горячимъ «бозо» кладутъ молодого барашка, или другое случившееся мясо, и, закрывъ опять котелъ наглухо, варятъ мясо, такъ что послѣднее пропитывается «бозо»; но понятно, что это блюдо — предметъ роскоши для калмыковъ. — д) «Борцо» — сушеное мясо. Лѣтомъ, когда мясо долго сохраняться не можетъ, его засушиваютъ. Съ этой цѣлью сырое мясо предварительно разрѣзываютъ на тонкія ленты, просаливаютъ и сушатъ. Совершенно высохшее мясо, если оно будетъ убережено отъ сырости — прекрасно на вкусъ и долго сохраняется. Калмыки «борцо» берегаютъ въ толстыхъ мѣшкахъ изъ верблюжьей шерсти. — е) «Чикисын маханъ» — колбасы изъ говядины, бараньяго и конскаго мяса. ж) «Берыкъ» — вареники съ мясомъ и з) «хурын маханъ» жаркое. Эти кушанья рѣдки въ степи, и мнѣ приходилось только слышать о нихъ.

Въ приморскихъ и приволжскихъ мѣстахъ, гдѣ скотоводческое хозяйство въ упадкѣ, и гдѣ калмыки изъ рода въ родъ уже болѣе столѣтія не занимаются скотоводствомъ, мясо замѣнено рыбой, о которой степнякъ-калмыкъ и понятія не имѣетъ. Любимыя рыбы калмыковъ — лебѣзъ, сазанъ и вообще жирныя породы рыбъ.

Вотъ собственно и всѣ калмыцкія кушанья и напитки. Въ послѣднее время у богатыхъ зайсанговъ, особенно у живущихъ на окраинахъ, между блюдами можно встрѣтить обыкновенный супъ, котлеты, жаркое, но ихъ готовятъ лишь для пріѣзжихъ русскихъ.

Болѣе привились между калмыками русскіе напитки: мадера, портвейнъ, хересъ — у полуцивилизованныхъ богачей, и русская водка — у всѣхъ калмыковъ.

По словамъ стариковъ, лѣтъ сто тому назадъ, астраханскіе калмыки совсѣмъ не ѣли мяса, а питались исключительно молокомъ, масломъ, рѣже мукой. Въ то время лакомились «махан'омъ» лишь тогда, когда скотъ падалъ (ѣли падалъ), или когда нужно было при болѣзни пустить кровь животному, то собирали кровь въ сосуды, мѣшали съ молокомъ, масломъ и ѣли. Но теперешніе калмыки не могутъ жить уже безъ «махан'а»; состоятельные люди, особенно зимою, ѣдятъ — мясо два раза въ день, а семьи средней руки и духовенство — разъ, вечеромъ. Не брезгаютъ употреблять въ пищу и мясо падали, не успѣвшей еще разложиться, если животное пало

не отъ заразной болѣзни. (При мнѣ въ Яндыковскомъ улусѣ, при Багутовомъ хурулѣ палъ верблюдъ отъ укушенія тарантула, — мясо его было немедленно же съѣдено). Ъдятъ также калмыки и дикихъ животныхъ и птицъ, за немногими исключеніями, въ число которыхъ не входятъ, напримѣръ, суслики.

Весь годъ, по преобладанію того или другого вида пищи, можно раздѣлить на три сезона: весенне-лѣтній, когда, благодаря обилію кормовъ, въ семьяхъ калмыцкихъ обиліе молока, и тогда преобладаетъ молочная пища и исчезаютъ почти совершенно мучные суррогаты; второй — съ конца лѣта и до осени: недостатокъ молока замѣняется мясомъ, такъ какъ въ это время молодые животныя уже выросли, происходитъ упорядочиваніе стадъ, и на пищу идетъ болѣе скота, чѣмъ въ другое время года. Наконецъ третій періодъ — зимній, въ который преобладаютъ въ пищѣ мучные продукты.

Что касается распредѣленія пищи въ теченіе дня, то обыкновенно наблюдается такой порядокъ: когда встаютъ, то готовятъ сейчасъ чай и пьютъ это «ѣрюнѣ цѣ». Часа черезъ 4—5 бываетъ второй чай — «хоѣне». Послѣ этого часа черезъ 2—3 бываетъ «юдѣн хотѣ» (полуденное кушанье) у зажиточныхъ «маханъ», а у бѣдныхъ опять чай. Передъ вечеромъ у зажиточныхъ слѣдуетъ третій чай. Наконецъ вечеромъ, когда стемнѣетъ, «асѣхани хотѣ»: у состоятельныхъ людей — «маханъ», а у бѣдняковъ — старики пьютъ «цѣ», а прочіе члены семьи ѣдятъ «хѣрмюк» или «буданъ». Въ промежуткахъ между отиѣченными приемами пищи богатые пьютъ кумысъ, главное питье котораго, впрочемъ, всегда бываетъ между первымъ и вторымъ чаемъ, а бѣдняки, если въ состояніи, замѣняютъ кумысъ аръяномъ. Питье аръки происходитъ главнымъ образомъ передъ вечеромъ, непосредственно послѣ приготовленія ея.

Освященіе въ глубинѣ степи состоитъ въ слѣдующемъ: на сковороду или на специально приготовленный желѣзный сосудъ «шумуръ» *) накладываютъ сала («шамъ») и въ центрѣ его, какъ свѣтильню или фитиль — кусочекъ кизяка («аргасунъ»), а не то и просто насыпаютъ золы, смѣшавъ еѣ съ

*) Это четырехугольное желѣзное блюдо на заостренномъ шестѣ, который втыкается въ землю.

масломъ или предварительно пропитавъ саломъ. «Шумуръ» помѣщаютъ во время горѣнія иногда на «тапцѣ» или же на таганѣ. Иногда же въ сало кладутъ тряпицы. У черневыхъ калмыковъ, вблизи промысловъ, сало иногда замѣняется рыбьимъ жиромъ.

Но въ послѣднее время и у калмыковъ начинаетъ входить въ употребленіе керосинъ («лампин тосонъ» — ламповое масло). Вездѣ по Волгѣ, въ «черняхъ» и вблизи поселеній въ кибиткахъ калмыковъ встрѣчаются лампы. У богатыхъ зайсанговъ можно встрѣтить и свѣчи.

Передъ бурханами въ жилыхъ кибиткахъ и въ хурульныхъ горитъ «зула»: въ мѣдную чашечку налито коровье масло, рѣже деревянное, и среди него во дно воткнута деревянная спичка, обернутая въ хлопокъ («зулин кголъ» — фитиль). Кромѣ того, въ хурулахъ, а въ торжественно-религіозные моменты и въ жилыхъ кибиткахъ, передъ бурханами зажигается «кюджи» — родъ курительной свѣчки, приготовляемой изъ разнообразныхъ пахучихъ веществъ, между которыми преобладаетъ можжевельникъ.

Преобладающій матеріалъ для отопленія у калмыковъ составляетъ «аргасунъ» — пометъ рогатаго скота. «Аргасунъ» готовятъ калмыки на топливо въ двухъ видахъ: лѣтомъ женщины ходятъ по степи около кибитокъ и собираютъ естественно высохшій кизякъ въ кожаные мѣшки, и такимъ кизякомъ довольствуются. Для зимы же собираютъ сырой еще кизякъ, разжижаютъ водой, выдѣлываютъ изъ такого тѣста круглыя пластинки, складываютъ въ кучи, и когда кизякъ высохнетъ, обмазываютъ снаружи всю кучу каломъ съ глиной, чтобы защитить его отъ сырости. Кромѣ этого, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ овцы простаиваютъ на одномъ мѣстѣ по долгу, преимущественно ближе къ «чернямъ», вырѣзываютъ кизякъ въ видѣ четырехугольных пластинокъ — это «аргасун-кйтцынъ». Степняки рѣдко пользуются послѣднимъ топливомъ, такъ какъ скотъ, довольствуясь цѣлую зиму подножнымъ кормомъ, не застаивается на однихъ мѣстахъ по долгу; въ случаѣ недостатка «аргасуна» на топливо идетъ бурьянъ («шаральджинъ») и степная колючка («хамхулъ»). Въ «черняхъ», гдѣ скотоводство манѣе развито, топливомъ служитъ еще камышъ («хулсунъ») и въ рѣдкихъ мѣстахъ — дрова («модонъ»).

ОБЫЧНО-ОБРЯДОВАЯ ЖИЗНЬ КАЛМЫКОВЪ.

1. Жизнь семьи или отдѣльной кибитки: Назначеніе отдѣльныхъ частей или пространствъ въ кибиткѣ. Бракъ и свадебные обряды. Родины, нареченіе именъ и заботы о дѣтяхъ. Лѣченіе болѣзней. Похороны. Пирушки, танцы, музыкальные инструменты. Аръкованіе. Гостепріимство.

Въ обрядово-бытовой жизни астраханскихъ калмыковъ основною или первичною ячейкой является отдѣльная кибитка, какъ обиталище единичной семьи, съ проживаніемъ которой связывается главная масса обычаевъ и обрядовъ.

Каждая калмыцкая кибитка, кромѣ кибитокъ духовенства и кибитокъ, назначенныхъ для специальныхъ цѣлей, напр. для пріѣзжихъ, для кухни и т. п. — предназначается для обитанія отдѣльной семьи въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. половой пары и ея непосредственного несовершеннолѣтняго поколѣнія. Сообразно съ такимъ назначеніемъ кибитки происходитъ и распредѣленіе ея на части. Противъ дверей, между изголовьемъ кровати и «барун-баран'-омъ» — уголь называется «бурхани ѳръгѣ», — онъ предназначается для бурхановъ кибитки. Ежедневно и при каждомъ употребленіи пищи первый кусокъ и первая чашка пищи въ «дѣджин цѣкцо» помѣщается въ «бурхани-ѳръгѣ», т. е. предлагается бурханамъ, и эта пища послѣ окончанія трапезы съѣдается дѣтьми. Видимо, что «бурхани-ѳръгѣ» предоставляется въ распоряженіе кибиточныхъ пенатовъ, или покровителей. Изъ постороннихъ въ священномъ углу допускается сидѣть лицамъ изъ духовенства, какъ во время совершенія религіозныхъ обрядностей, такъ и въ случаяхъ обыкновеннаго посѣщенія ими кибитки, изъ обитателей же кибитки здѣсь помѣщается на ночь взрослая (до замужества) дочь. Направо *) отъ «бурхани-ѳръгѣ» находится кровать, которая съ прилегающею къ ней частью кибитки до очага — представляетъ отдѣленіе хозяевъ кибитки: здѣсь семейное ложе, и здѣсь же въ обыкновенное время сидятъ хозяева (мужъ у изголовья, жена у ногъ) и ихъ малолѣтнія дѣти, и здѣсь же помѣ-

*) Сюда также относится примѣчаніе первой главы, что стороны опредѣляются наблюдателями, находящимися у дверей кибитки, тогда какъ сами калмыки обозначаютъ положеніе предметовъ кибитки — отъ кровати, оборотившись лицомъ къ дверямъ, и потому то, что у наблюдателя направо, у калмыковъ обязательно слѣва «зюн», т. е. налѣво и обратно.

щаются мужъ и жена при пріемѣ гостей. На семейной постели могутъ спать только супруги и ихъ малолѣтнія дѣти приблизительно до 8 лѣтъ; они же могутъ и сидѣть на ней, хотя изъ приличія при постороннихъ ни мужъ, ни жена не садятся на постели, а впереди нея. Изъ родственниковъ семьи никто изъ старшихъ, даже отецъ, дѣдъ, братъ, не могутъ не только спать, но даже и садиться на постель, младшимъ же дозволяется только сидѣть; изъ постороннихъ пользоваться семейною постелью могутъ одни духовныя лица. Налѣво отъ «бурхани-ѳръгѣ» до дверей — мужская половина, или правая (барун-бийе), гдѣ спятъ дѣти, помѣщаются всѣ постороннія семьи лица мужскаго пола при посѣщеніи ими кибитки; направо отъ кровати и до порога — женская половина, или лѣвая (зюн-бийе) сторона. Въ серединѣ кибитки помѣщается очагъ, который есть центръ кибиточный и символъ семейной жизни: вотъ почему его нѣтъ ни въ кибиткѣ духовнаго лица, ни въ кибиткѣ для гостей. Очагъ служить не только для изготовленія пищи и согрѣванія обитателей кибитки въ холодъ, но онъ есть виѣстѣ съ тѣмъ и жертвенникъ семьи: въ огонь очага льютъ передъ началомъ питья аръку, чай, бросаютъ куски жира, льютъ масло, но никогда воду. Литье воды, какъ начала уничтожающаго огонь, считается грѣхомъ, приносящимъ несчастье кибиткѣ. Вотъ почему калмыки, которые при куреніи отплеиваются во всѣ стороны, никогда не позволяютъ себѣ плюнуть въ огонь очага. «Я двухъ сотъ рублей не возьму, говорилъ мнѣ одинъ калмыкъ, за то, чтобы плеснуть воды въ огонь». Огонь въ очагѣ зажигается, какъ только поселилась въ кибиткѣ семейная пара; при перекочевкѣ на новое мѣсто и послѣ устройства кибитки жизнь начинается внесеніемъ въ кибитку огня, и въ очагѣ калмыки никогда не тушатъ огня, пока онъ самъ не потухнетъ.

Дверь кибитки должна быть обращена на востокъ, гдѣ обитаетъ Далай-лама, находятся всѣ святости, и откуда явится Майдри, по теперь «закона дер-

житься» только духовенство, и то не вездѣ; калмыки же сдѣлали уступку климатическимъ требованіямъ, и ставятъ кибитку дверью къ югу. На порогѣ двери не только нельзя садиться, но «не хорошо» даже, переступая черезъ него, его касаться. Кошма надъ дверью («ишиге үден») въ семейную кибитку приносится женой и навѣшивается передъ входомъ послѣдней въ первый разъ въ кибитку мужа; когда открывать эту кошму, то нужно подвертывать ее во внутрь, а не загибать наружу: это вредно для счастья и богатства семьи.

Кромѣ «ишиге үден» жена приноситъ съ собою въ кибитку мужа, вмѣстѣ съ одеждой и разными вещами обязательно головную половину («дерендыг») кровати, кошму для кровати «дебескир», которой не бываетъ на не семейныхъ постеляхъ. Такимъ образомъ семейная кибитка получаетъ окончательное свое устройство вмѣстѣ съ входомъ въ нее жены.

Отсюда первый и самый важный актъ въ жизни калмыцкой семьи — бракъ, который связанъ съ выполнениемъ обширнѣйшаго свадебнаго ритуала.

Бракъ («кгер абалган» — приобретение кибитки) у астраханскихъ калмыковъ составляетъ обязанность и заботу родителей, брачующіяся же дѣти являются здѣсь съ пассивными ролями. Сами родители находятъ невесту для сына и послѣднему только объявляютъ о своемъ намѣреніи; такъ же поступаютъ и родители дочери. И здѣсь главное — воля отца, хотя безъ согласія матери бракъ все таки состояться не можетъ. При выборѣ невесты для сына обращается вниманіе на имущественную состоятельность невесты и красоту, на ея нравъ и репутацію родителей ея, но главнымъ образомъ на рабочія способности женщины: физическую силу, умѣнье шить, ткать, вести домашнее хозяйство. «Хотя отецъ и богатъ, говорятъ калмыки, но ояъ всего не дастъ, а важнѣе то, какъ невеста работаетъ». Доминирующее значеніе красота имѣетъ лишь въ исключительныхъ бракахъ по любви (безъ согласія родителей), да еще въ семьяхъ имущественно богатыхъ, напр. у зайсанговъ, у степныхъ богачей. Но обыкновенно главное значеніе въ выборѣ невесты — это ея рабочая способность — жена; по выраженію калмыковъ, это находка». Вотъ почему каждая семья старается поскорѣе женить мальчика, и подольше удержать отъ выдачи замужъ дѣвочку, какъ рабочую силу. Точно установленнаго ни религіей, ни обычаемъ возраста для женитьбы и замужества нѣтъ; все сводится къ половой зрѣлости, которая обыкновенна для дѣвушки въ 15 лѣтъ, а для мужчины — 18 лѣтъ, чаще же послѣдніе женятся съ 19 лѣтъ *). Но въ вопросахъ о лѣтахъ брачующихся принимаютъ еще въ соображеніе «джиль орѣксын» — годъ рожденія, такъ какъ, помимо совершеннолѣтія,

*) Мнѣ пришлось, впрочемъ, слышать въ Эркетеневскомъ улусѣ о женитьбѣ 14-лѣтняго мальчика на 12-лѣтней дѣвочкѣ, которые были сосватаны родителями до рожденія даже у нихъ дѣтей.

браки не могутъ, въ интересахъ счастья семьи, совершаться, когда дѣвушкѣ 16 или 19 лѣтъ, а мужчине 25, 37, 49 и т. д. черезъ каждые 12 лѣтъ, считая лѣта не со дня рожденія, а со дня зачатія. Инициатива брака исходитъ отъ семьи мужчины. Когда юноша достигъ зрѣлости и родители признаютъ нужнымъ его женить, то прежде всего обращаются къ «зурхачи» (астрологу), чтобы послѣдній, въ интересахъ счастья новой семьи, указалъ, можно ли такихъ-то лѣтъ женить сына, какихъ лѣтъ нужно искать невесту для него, и когда и при какихъ условіяхъ найполезнѣе начать сватовство. При подборѣ невесты сыну, согласно указаннымъ признакамъ зурхачи, а также интересамъ экономическимъ и сословнымъ, необходимо имѣется въ виду еще родство, которое опредѣляется уже родителями и родственниками.

Для брака обращается вниманіе только на родство по мужской линіи; родство же по женской линіи не имѣетъ собственно никакого обязательнаго значенія. Можно жениться двумя братьямъ на двухъ родныхъ сестрахъ; бывають случаи, что одно и то же лицо женится по смерти жены на ея родной сестрѣ. По мужской линіи бракъ не возможенъ на самыхъ отдаленныхъ степеняхъ родства, хотя собственно строго не отграничены тѣ степени, на которыхъ бракъ былъ бы возможенъ ¹⁾. Когда чрезъ разспросы знакомыхъ подходящая невеста намѣчена, то передъ самымъ сватовствомъ родители объявляютъ о своемъ желаніи сыну, а иногда и спрашиваютъ еще согласія близкихъ родственниковъ «для совѣта», что дѣлается для соблюденія лишь обычая, такъ какъ мнѣнія родственниковъ рѣшающаго значенія не имѣютъ, и приступаютъ къ сватовству. Въ процессахъ сватовства и свадьбы обрядности калмыковъ Дербетовскихъ не вполне совпадаютъ съ обрядами Торгоутовцевъ. У первыхъ весь брачный процессъ сопровождается такими перепитіями.

Родители жениха снаряжаютъ кого-нибудь изъ надежныхъ родственниковъ или изъ близкихъ знакомыхъ, лицо пожилое, опытное и знающее хорошо національные обычаи, съ однимъ «бортогд» арьки

*) Такъ духовенство Экибагутова хурула Эркетеневского улуса (въ Мочагахъ) объяснило мнѣ, что невозможны браки только до 10-го колѣна, духовенство же Эки-хурула въ Малодербетахъ (бакши и зурхачи) — до 49-го колѣна, но върѣе, что по мужской линіи браки невозможны „до забвенія родственныхъ отношеній“, какъ разъяснилъ гелюнгъ Шаркисовъ въ б. Яндыковскомъ хурулѣ и бакша Бага-хурула въ Малодербетахъ. Подтвержденіемъ такого именно пониманія родства можетъ, между прочимъ, служить слѣдующій фактъ, переданный зайсангомъ Яндыковского улуса Кѣкшиномъ Оргичѣвымъ: одинъ калмыкъ изъ Керетова рода Яндыковского улуса въ восьмидесятыхъ годахъ XIX вѣка хотѣлъ женить сына въ Керетовомъ родѣ Эркетеневского улуса, но родители невесты не согласились, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что они были близкіе родственники и составляли одинъ родъ до удаленія калмыковъ, т. е. до 1771 года.

къ родителямъ невесты; у людей состоятельныхъ посылають и двухъ лицъ. Посланный отправляется въ кибитку родителей дѣвушки, садится согласно обычаю, открываетъ пробку въ «бортогд» и начинаетъ бесѣду. Онъ никогда прямо не говоритъ о цѣли пріѣзда, а придумываетъ какой-нибудь подходящий предметъ, но среди бесѣды такъ или иначе даетъ знать о дѣйствительной цѣли и о лицѣ. Если въ концѣ концовъ хозяева кибитки арьку не приняли (что случается весьма рѣдко), то сватовство этимъ и прекращается, но если водка принята и распита съ гостемъ — знакъ хорошій: этимъ дается право продолжать процессъ сватовства. Однако пріемъ перваго «бортогд» ничѣмъ не связываетъ обѣ сватающіяся семьи. Первый актъ сватовства называется «зѣнке урулган» (дать извѣстіе) или «ниген бортогд» (одинъ бортого).

Послѣ этого родители невесты иногда обращаются къ своему зурхачи, чтобы онъ объяснилъ, будетъ ли бракъ счастливымъ, при извѣстныхъ условіяхъ, — родители же жениха обязательно просятъ зурхачи указать счастливый день для второй послышки сватовъ, что бываетъ черезъ два-три дня, а чаще дней черезъ шесть и болѣе, смотря по разстоянію, семейно-хозяйственнымъ условіямъ и предсказаніямъ зурхачи.

При этой поѣздкѣ, равно какъ и при всѣхъ послѣдующихъ, кромѣ указаній ламаитскаго астролога, принимаются во вниманіе и разные народные примѣты. Счастливымъ признакомъ считается, когда ѣдущимъ къ невестѣ встрѣтится красиво одѣтая дѣвушка или мужчина, везущій масло или водку, или стадо скота, особенно овецъ, а самое лучшее, если пролетитъ птица «цаган хулда» (лунь) такъ, что правое крыло ея будетъ обращено къ ѣдущимъ; къ несчастнымъ же признакамъ относится, если переѣчетъ дорогу змѣя (которую при этомъ обязательно нужно убить), или перебѣжитъ заяцъ (необходимо для отвращенія несчастья въ этомъ случаѣ три раза махнуть плетью или даже рукой въ ту сторону, куда убѣжалъ заяцъ), или когда «цаган хулда» пролетитъ лѣвымъ крыломъ къ проѣзжающимъ; но особенно дурная примѣта, если встрѣтится птица «сапсын гурбулга» (сова). Но, впрочемъ, всѣ подобныя примѣты рѣшающаго значенія не имѣютъ, а вызываютъ лишь такія, напр., послѣдствія: если ѣдутъ свататься, то посланные возвращаются назадъ и по указанію астролога выбираютъ другой «счастливый день», а если везутъ уже подарки, то измѣняютъ направленіе пути, а въ крайнемъ случаѣ выполняютъ лишь символическій обрядъ, парализующій зло предзнаменованія, напр. змѣю убиваютъ, отъ зайца отмахиваютъ и т. д.

Вторая посылка сватовъ носитъ названіе «хоир бортогд» или «хоир саба» (два посуды), потому что въ этотъ разъ посылаются не менѣе двухъ лицъ и обязательно съ двумя бортогд арьки. Второе посѣщеніе аналогично съ первымъ; но только теперь

уже прямо спрашиваютъ согласія родителей дѣвушки, и послѣдніе или отказываютъ, или же приглашаютъ продолжать сватовство. Приглашеніе и согласіе обыкновенно выражаются въ такихъ символическихъ формахъ: при распиваніи привезенной арьки хозяева, какъ и въ первомъ случаѣ, произносятъ «ѣраль» — (пожеланіе) и передаютъ родителямъ жениха «билик» — мушкатный орѣхъ, причемъ просятъ пріѣзжать и условливаются приблизительно о срокѣ 3-го пріѣзда сватовъ. Однако и пріемъ двухъ бортого еще не обязываетъ ни къ чему обѣ семьи.

Въ третій разъ, что обыкновенно бываетъ черезъ мѣсяцъ, ѣдетъ уже не менѣе трехъ лицъ съ тремя бортогд арьки, почему эта поѣздка и называется «горбун бортогд» (три бортого) или «горбун саба» (три посуды); берется, кромѣ водки, въ этотъ разъ еще бѣлый платокъ съ завязанными въ него серебряной монетой и клеємъ или сахаромъ: клей символъ неразрывности союза, а серебро символъ счастья и богатства. Если водка въ третье посѣщеніе выпита, платокъ отдается матери дѣвушки, которая послѣ этого дѣлается уже невестой.

Такимъ образомъ заканчивается первое дѣйствіе брачной драмы — «шагата», или сватовство. Разрывъ послѣ трехъ бортого бываетъ только въ исключительныхъ случаяхъ и иногда ведетъ къ оштрафованію родителей дѣвушки въ пользу семьи жениха стоимостью всѣхъ выпитыхъ бортогд.

Промежутокъ между сватовствомъ и брачными церемоніями бываетъ уже болѣе продолжителенъ, и о днѣ для первой церемоніи всегда спрашивается «зурхачи», и извѣщается предварительно семья невесты, для чего отправляется специальное лицо, а у богатыхъ посылають и нѣсколькихъ.

Въ назначенный день отправляется къ невестѣ самъ женихъ въ сопровожденіи близкихъ родственниковъ, пріятелей и знакомыхъ его, причемъ провожатыхъ не бываетъ менѣе 4-хъ, но всегда болѣе и даже по нѣскольку десятковъ. Поѣздка эта носитъ названіе «күрген үзюнген» или «күрген залиган» (смотрины жениха). Кorteжъ жениха везетъ съ собою водку (не менѣе ведра), минимумъ одного варенаго барана, а состоятельные и цѣлую лошадь, чаю (доску или болѣе), сушки, конфеты, пряники, виноградное вино и немного кумысу или аръяну и вмѣстѣ съ послѣднимъ опять бѣлый платокъ съ серебряной монетой. Богатые люди въ эту же поѣздку ведутъ еще лошадей въ подарокъ невестѣ и разные подарки, условленные при третьемъ бортого: шубы, халаты, деньги и пр., небогатые же люди ограничиваются подарками одеждой. Поѣздъ, не доѣзжая нѣсколько до хотона невесты, останавливается и посылаетъ впередъ посла съ бортого арьки къ родителямъ невесты съ предупрежденіемъ о приближеніи жениха. Когда послѣдній съ гостями прибылъ въ хотонъ, то прежде чѣмъ войти въ кибитку родителей невесты, — у пріѣхавшихъ провѣряють всѣ привезенные подарки, причемъ особенное вниманіе обра-

щается на то, чтобы въ сваренномъ баранѣ были всё съѣдобныя части: недостатокъ одной изъ нихъ можетъ вызвать отказъ или отсрочку. Во время провѣрки подарковъ родителями невесты сюда же являются дѣвушки изъ хотона (но безъ невесты) и стараются что-либо отнять у пріѣхавшихъ, главнымъ образомъ водку; отнятымъ потомъ дѣвушки угощаютъ молодежь. Скоро по пріѣздѣ всё гости обыкновенно разбиваются на двѣ группы — молодежь и пожилыхъ.

Молодежь собирается въ отдѣльной кибиткѣ, гдѣ бываютъ и дѣвушки; здѣсь устраивается пирушка съ танцами и пѣснями и продолжается одну или даже двѣ, три ночи къ ряду; на пирушкѣ присутствуютъ женихъ и невеста и принимаютъ участіе въ весельѣ наравнѣ съ прочими, причемъ жениха садятъ на подушки, и между танцами на него нападаютъ дѣвушки и бьютъ руками, плетью и чѣмъ пришлось. Пожилые гости пируютъ столько же въ кибиткѣ родителей невесты, и здѣсь въ первую же ночь происходитъ поднесеніе подарковъ родителямъ невесты, родственникамъ и самой невестѣ, причемъ послѣдняя обязательно уже получаетъ шубу или халатъ.

На пиру въ эту поѣздку заключается окончательное условіе и сговариваются о подаркахъ со стороны жениха *). Послѣ 4-й поѣздки отказа уже не можетъ быть, и отказъ въ этомъ случаѣ приравнивается отнятію чужой жены.

О двѣ 5-й поѣздки снова спрашиваютъ «зурхачи», и все идетъ въ прежнемъ порядкѣ, а отличіе ея организации заключается въ слѣдующемъ: съ женихомъ теперь ѣдетъ его мать и еще двѣ—три замужнихъ женщины; везутъ съѣстное въ большемъ количествѣ, напр. не менѣе двухъ барановъ, изъ нихъ одного живого, и главное везутъ кошмы и матеріи для шитья приданого невестѣ, именно кошмы для «дебескир», матеріи для полога (кешигѣ) и головной подушки («дербокцо»), коверъ (кебюс) на барунъ-баранъ, ковры для «ута» (мѣшковъ) и сундуки. Названіе поѣздки — «ёмы ишкильгѣн», «хубцан или худу ишкильгѣн» (кройка вещей). Въ эту поѣздку провожатые жениха получаютъ уже подарки и со стороны невесты: халаты матери жениха и старшему изъ его гостей (а у богатыхъ и всѣмъ), а остальнымъ же гостямъ дарятся платки.

Въ хотонѣ невесты въ эту поѣздку происходятъ своимъ порядкомъ пирушки, причемъ въ кибиткѣ родителей производится раздача подарковъ невестой и кроются вещи изъ привезенныхъ матеріаловъ; въ кройкѣ главное участіе принимаетъ мать жениха и пріѣхавшія съ нею женщины. Если послѣ кройки окажется въ чемъ-либо недостатокъ, то мать обязывается къ установленному сроку пополнить недостающее.

*) Въ дни родители невесты требуютъ отъ богатаго жениха больше подарковъ, чтобы можно было ускорить свадьбу, такъ какъ невеста должна имѣть определенное приданое, которое и дѣлается на средства жениха.

Когда наступаетъ отъѣздъ гостей, родители невесты выбираютъ для себя одинъ изъ «бортго», въ которомъ привозилась арыка.

Послѣ этого предстоитъ уже церемонія взятія невесты. Но если въ процессѣ исполненія брачныхъ перепитій прошла зима, тогда бываетъ еще промежуточная поѣздка — «ѳтца» (зимнее продовольствіе), когда невестѣ везутъ съѣстное, напитки и подарки живымъ скотомъ. Передъ взятіемъ невесты зурхачи опредѣляютъ: день выѣзда поѣзда жениха изъ своего хотона, день пира въ хотонѣ невесты, моментъ увоза невесты, лѣта мужчины, который долженъ первымъ коснуться невесты при ея взятіи, лѣта мужчины, который будетъ ожидать невесту при выходѣ ея изъ кибитки и посадить ее впереди себя на лошадь, масть лошади, на которой будетъ увезена невеста и цвѣтъ верхней одежды для невесты, а также когда (т. е. время дня) и съ какой стороны подѣзжать съ невестой къ кибиткѣ жениха. Ради точности исполненія всѣхъ указаній зурхачи, что связывается съ счастьемъ будущей семьи, обыкновенно поѣздъ сопровождаетъ самъ зурхачи. О всѣхъ указаніяхъ послѣдняго предварительно извѣщаются родители невесты.

Въ послѣдней поѣздкѣ «кюкѣн абылган» (взятіе дѣвушки) участвуетъ женихъ («кюрген») съ молодыми мужчинами и зурхачи и везетъ съ собою разные угощенія.

Пирушка устраивается въ кибиткѣ родителей съ пѣснями и танцами и невеста на этой пирушкѣ обязательно поетъ, поднося водку своимъ родителямъ, чѣмъ какъ бы прощается съ ними; пѣсни при этомъ поются болѣе или менѣе подходящія по содержанію. Передъ наступленіемъ взятія невесты, всё дѣвушки хотона собираются въ кибитку родителей и окружаютъ невесту, которая, сидя въ это время на семейной постели, плачетъ и голоситъ.

Первымъ подходитъ къ ней то лицо, которое указано зурхачи, и касается невесты, дѣвушки нападаютъ на него и бьютъ, но тутъ подступаетъ молодежь жениха, схватываютъ невесту, которая хватается за рѣшетку кибитки, дѣвушки плачутъ и бьютъ нападающихъ, поднимается суматоха, во время которой невесту выносятъ или вытаскиваютъ изъ кибитки, быстро сажаютъ на приготовленную лошадь впереди выбраннаго лица, всё поѣзжане разсаживаются по лошадямъ и верблюдамъ, и кортежъ съ невестой поспѣшно удаляется. По удаленіи отъ хотона невеста уже одна ѣдетъ на лошади. Её сопровождаютъ мать и родственники обоихъ половъ и чаще всего, вѣстѣ съ нею везутъ и приданое *).

*) Иногда приданое привозятъ ранѣе прибытія невесты. Въ приданомъ обязательными считаются такіе предметы: тесмы («хошлы») для кибитки мужа, кошмы для двери (ишиге уден), кошма для постели «дебескир», «тугтык» (круглая подушка), «кельбокцо», пологъ и сундуки съ одеждой. Съ собой же невеста везетъ всегда халаты для подарковъ отцу и родственникамъ жениха, «шалбур» (штаны) для матери и одинъ халатъ та-

которое въ такомъ случаѣ навьючивается на верблюдовъ, покрытыхъ разукрашенными кошмами.

Въ пути молодежь устраиваетъ скачки, состязанія въ ѣздѣ («уктул»), а когда подѣзжаютъ къ хотону родителей, то двое верховыхъ берутъ занавѣску отъ полога, обыкновенно краснаго или синяго цвѣта, и везутъ ее впереди невесты, которую подвозить съ указанной зурхачи стороны прямо къ кибиткѣ жениха, всегда бѣлой («цаган кгер») и заново приготовленной для новой семьи. По пріѣздѣ прежде всего развьючиваютъ приданое, вносятъ его въ кибитку, устраиваютъ послѣднюю совершенно для жилья, привѣшиваютъ кошму «ишиге уден» на дверяхъ, и тогда только невеста входитъ въ кибитку, и ее сажаютъ чаще всего на постели; сюда приносится чай, и мать жениха угощаетъ невесту и гостей. Въ это время въ кибиткѣ родителей жениха дѣлаются приготовленія къ свадебному пиру и жертвоприношеніямъ, для чего обязательно рѣжутъ барана, заготавливаютъ арыки и туда зовутъ гостей и невесту. Но послѣдняя не входитъ въ кибитку, а садится вѣ ея у порога, впереди же нея держать занавѣску такъ, чтобы её не видали сидящіе внутри кибитки.

Въ это время къ невестѣ приближается лицо, выбранное зурхачи, и наклоняетъ ей нѣсколько голову, приглашая этимъ поклониться бурханамъ кибитки. Невеста встаетъ, дѣлаетъ три земныхъ поклона по направленію кибитки, говоря каждый разъ «бурхан дү меркгеме». Послѣ этого она входитъ въ кибитку вслѣдъ за внесенною впереди ея занавѣскою, останавливается съ правой стороны отъ двери у порога, и ей подають кусочки бараньяго жира отъ свадебнаго барана; невеста беретъ отдѣльный кусочекъ бараньяго жира, бросаетъ его въ огонь очага, кланяется и говоритъ: за 1-мъ кусочкомъ жира — «бурхан дү меркгеме», за 2-мъ — «шара наран дү меркгеме», за 3-мъ — «бурсун ховорѣк дү меркгеме», за 4-мъ — «галын тенкгир дү меркгеме», за 5-мъ — «имя отца и матери жениха меркгеме», за 6-мъ — «меркгеме тоста» — дядей и тетокъ по отцу и старшаго брата жениха. Когда произносить невеста имя отца и матери жениха и родственниковъ, то она кланяется имъ, а всё находящіеся въ кибиткѣ поздравляютъ, желаютъ счастья, потомства и многихъ лѣтъ. Въ этотъ моментъ, если зурхачи найдутъ нужнымъ, совершается съ участіемъ гелюнга жертвоприношеніе *) «хорим», (которое будетъ описано въ свадьбѣ торгоутовъ), а затѣмъ происходитъ обрядъ разрыванія кожи свадебнаго барана: кожу изъ свѣже зарѣзаннаго барана протягиваютъ подъ порогомъ шерстью внизъ такъ, что половина остается въ кибиткѣ, а другая — снаружи ея. Гости невесты удаляются изъ кибитки

кого цвѣта, какой употребляется въ поколѣніи (родѣ) жениха: этотъ халатъ вѣшаютъ въ кибиткѣ родителей жениха надъ головной подушкой и онъ носитъ названіе «элѣкци».

*) Также жертвоприношеніе совершается и въ хотонѣ невесты въ день ея выѣзда.

и берутся за вѣшній конецъ кожи, а гости жениха за его внутренний и начинаютъ тянуть каждая группа къ себѣ; перетягиванія заканчиваются лишь тогда, когда какая-нибудь изъ сторонъ или вывернетъ кожу, или же кожа разорвется. Чаще всего, кожу предварительно надрѣзаютъ. Болѣе счастливымъ признается исходомъ, если осияютъ гости жениха.

Послѣ этого происходитъ уже пирушка въ кибиткѣ, во время которой непременно угощаютъ кумысомъ или арьяномъ (бѣлымъ напиткомъ «цаган үндүн»), причемъ невеста подноситъ его родителямъ жениха, а при концѣ пира она угощаетъ присутствующихъ табакомъ, а именно приготовляетъ и подаетъ каждому трубку (кганза), и вслѣдъ за этимъ она выходитъ изъ кибитки, но уже безъ занавѣски и въ сопровожденіи гостей идетъ сначала въ кибитку старшаго брата, или дяди жениха, или вообще старшаго родственника и тогда только въ кибитку жениха. Сюда является «зурхачи» или «гелюнг» и совершается религіозный обрядъ, который состоитъ въ чтеніи молитвъ. По окончаніи молитвъ всё мужчины уходятъ, а женщины остаются, зачесываютъ волосы невесты поженски и навѣшиваютъ «шеберлик». Снова приглашаются мужчины и изъ нихъ одинъ, по указанію «зурхачи», беретъ баранью голову отъ жертвеннаго животнаго и выбрасываетъ её изъ кибитки вверхъ черезъ харахи; всё гости удаляются, а въ кибиткѣ остаются мужъ и жена, хозяева «новой» кибитки.

У калмыковъ торгоутовскаго племени свадебный обрядъ, совершенно сходный съ дербетовскимъ въ главномъ, имѣетъ однакожъ достаточно разницы въ подробностяхъ.

Отецъ юноши съ родственниками и знакомыми обоихъ половъ или, за смертью отца, мать — отправляются прежде всего къ родителямъ дѣвушки, которую намѣтили для своего сына, и узнаютъ отъ нихъ согласіе. При благопріятномъ отвѣтѣ, обращаются къ зурхачи, излагаютъ обстоятельства и просятъ указать, возможно-ли сочетаніе бракомъ между такими-то и назначить дни, когда устроить первую поѣздку.

Въ назначенный зурхачи день отецъ или мать съ родственниками обоихъ половъ ѣдутъ къ дѣвушкѣ и везутъ съ собою minimum доску чаю, связокъ 3 — 5 «ветушекъ» (сушекъ), арыку и по мушкатному орѣху отцу и матери дѣвушки. Взамѣнъ получаютъ мушкатный орѣхъ, а иногда еще и чаю на одинъ разъ («нигѣ чанъхъ цѣ»).

Второе посѣщеніе тоже происходитъ по указанію зурхачи, причемъ оно ничѣмъ не отличается отъ перваго.

Оба посѣщенія имѣютъ смыслъ лишь взаимнаго ознакомленія.

Въ третій разъ когда ѣдутъ, то къ прежнимъ подаркамъ прибавляютъ еще варенаго барана, но безъ внутренностей, а также въ платкѣ клей и серебряную монету. Устраивается пирушка (безъ танцевъ),

на которую приглашаются знакомые, съѣдается привезенный баранъ и тутъ уже дается рѣшительный отвѣтъ родителями дѣвушки, а имъ передается клей и серебро. Въ случаѣ отказа послѣ третьяго посѣщенія возвращается стоимость всего, что было истрачено на это посѣщеніе.

Послѣ этого число посылокъ угощенія родителямъ невесты можетъ быть неопредѣленное количество, но только не взять больше барановъ.

Въ 4-й разъ «смотрины жениха» — ѣдетъ уже мать съ сыномъ въ сопровожденіи провожатыхъ, главнымъ образомъ молодежи, и люди состоятельные ведутъ въ это время лошадей «на зимнюю пищу» невестѣ. На устраиваемой въ этотъ пріѣздъ для всего хотона пирушкѣ съ танцами и пѣснями — невеста танцуетъ лишь по желанію матери жениха, женихъ же обязательно танцуетъ, иначе можетъ получить отъ своихъ товарищей удары нагайками.

Послѣ «смотринъ жениха» онъ уже не является къ невестѣ, а ѣздитъ въ гости его родители и каждый разъ берутъ угощеніе и въ это время, по указанію зурхачи, устраивается поѣздка «кройка вещей» безъ жениха, когда везутъ: 1—2—3 и болѣе сундуковъ, 2—3 ковра, матеріи на пологъ, на головную подушку (кельбокцо), на крышку шердыка («ѳнге дерен гадыр») и происходитъ въ кибиткѣ невесты кройка вещей; у богатыхъ въ это время вручаются еще деньги до 1000 рублей и болѣе и лошадей 10—15.

За недѣлю или болѣе до взятія невесты происходитъ еще — «хорим ѳгельган», когда невестѣ везутъ: богатые — вареныхъ корову, лошадей и 3-хъ барановъ, бѣдные только 3-хъ барановъ и лишь въ крайности одного (нельзя 2, 4, 6, 8, 10 и т. д.), водки отъ 1 до 30 ведеръ, доску чаю, вязокъ 10—20 ветушекъ, пряниковъ, конфетъ, напитковъ («ѳндун») разныхъ и проч. Богатые ведутъ верховыхъ лошадей («ѳнылган мѳрен»). Приведенныхъ лошадей отецъ невесты даритъ своимъ родственникамъ и знакомымъ и взаимѣ въ видѣ отдариванія получаетъ деньги или же другіе подарки. Въ коротѣжъ участвуетъ и женихъ, но онъ, послѣ передачи подарковъ, или ѳѣзжаетъ домой или же находится гдѣ нибудь вблизи; приглашенный позже на пиръ, онъ везетъ съ собою около 1/2 ведра водки. Родители невесты по пріѣздѣ жениха раздаютъ отъ себя подарки: жениху дарятъ богатые лисью шубу, а бѣдные бешметъ суконный или шелковый, отцу и матери жениха и ихъ провожатымъ — халаты разныхъ цвѣтовъ и разныхъ матерій, у бѣдныхъ вмѣсто халатовъ даются платки. Мужчины полученные халаты сейчасъ же надѣваютъ здѣсь, а женщины уходятъ для переодеванія въ другую кибитку; разряженныхъ гостей, если свадьба происходитъ въ теплое время года, усаживаютъ на шердыкахъ, возлѣ кибитки и угощаютъ. Затѣмъ всѣ собираются въ кибитку родителей жениха, и начинается пиръ. Съ лѣвой стороны отъ входа женихъ помѣщается за

спинами мужчинъ, а направо, за спинами женщинъ — невеста; отецъ ея сидитъ у самаго «барун-барана», напротивъ него, съ другой стороны у кровати помѣщаются отецъ и мать жениха. Въ танцахъ принимаютъ участіе женихъ и невеста, и послѣдняя, если она очень застѣнчива, выходитъ танцовать не одна, а съ другими дѣвушками, которыя во все время танцевъ закрываютъ ее отъ мужчинъ.

Пиръ длится всю ночь, а иногда и двѣ, и три, и даже болѣе.

По отѣздѣ жениха съ своими гостями, въ хотонѣ невесты устраиваются частыя пирушки, на которыхъ уже невеста танцуетъ безъ всякихъ стѣсненій.

Между тѣмъ родители жениха, отобравъ предварительно свѣдѣнія отъ зурхачи, организуютъ поѣздку за невестой, для чего кромѣ жениха ѣдутъ 1—2 женщины, 5—15 и болѣе мужчинъ и съ ними зурхачи. По пріѣздѣ въ хотонъ невесты первымъ входитъ въ кибитку зурхачи и садится передъ барунъ-бараномъ, ближе къ кровати; за нимъ входятъ женщины и остальные гости, и открывается пирушка. Когда наступитъ счастливый моментъ для взятія невесты и зурхачи произнесетъ — «цак болбо» (насталъ часъ), встаетъ тотъ юноша, которому назначено коснуться первымъ, беретъ невесту за плечо; ему на помощь является еще 2—3 человекъ и схватываютъ дѣвушку. Её обороняютъ родственники и особенно дѣвушки, завязывается драка, поднимается шумъ, слышится возгласъ: «ягя! ягя!» — «охъ! охъ!» — пока наконецъ невесту не вытащатъ изъ кибитки, гдѣ ее сажаютъ на лошадей и увозятъ; но по выѣздѣ изъ хотона она скоро перемѣщается обыкновенно въ арбу *). Невѣста везется въ хотонъ жениха съ лицомъ, закрытымъ покрываломъ, цвѣтъ котораго указанъ зурхачи. Въ первую ночь по пріѣздѣ она идетъ въ кибитку родителей молиться.

Къ ея приходу рѣжутъ барана для жертвоприношенія.

*) Ранѣе невесты или же и виѣсты съ нею везется и ея приданое, которое заключаетъ въ себѣ: всѣ подарки, худлу ѳгельганъ, но только шитые, «дебескир», два сундука съ сластями и другими угощеніями, костюмы: два терлика, два цегдыка, берге, чулки и бѣлье; грешешокъ («сам»), пара «шеберликъ», пара «токок», серыги; платки, подаренные ей родителями и знакомыми; футляръ для чая изъ кожи («дигген тулуд»), ножикъ («балык»), котелъ («хайсын»), шапка, чашки, табыкъ, таганъ, посуда для кумыса и чаю; корыто, футляръ изъ кожи для чашекъ («сабин тунгурчукъ» или «аганкер»), головная часть кровати (дерендык), варежки для выниманія котла («хайсын барул»), «деренъ толга», и «желны толга» (головная и ножная подушки) два «укок», «хошлы» для всей кибитки, «ишйге уден», «эрыкин бючин» (веревки для верхней кошмы), двѣ «ишйге кешйге» (кошмы для зимы); наперстокъ, иглы, ножницы, мыло и даже духи (конечно не всегда), иногда зеркало («черя узудык ктер»). У богатыхъ даютъ еще сѣдло, иногда весьма цѣнное (рублей въ 75—150) и всю верховую сбрую. Вообще же родители невесты даютъ дочери одежды и платья на три года и если не въ состояніи сразу сдѣлать, то потомъ дополняютъ по мѣрѣ изнашивания.

ношенія и кожу его постилаютъ у входа такъ, что одна часть ея находится внутри кибитки, а другая снаружи, и на этой кожѣ въ кибиткѣ сидитъ невеста, закрытая кошмой или ковромъ, пока совершается жертвоприношеніе огню («галгкин или галталген»), которое совершается такимъ образомъ: противъ двери около очага кладутъ изъ палочекъ квадратъ въ родѣ колодезнаго сруба, потомъ отъ свареннаго тутъ же барана берутъ 10 реберъ отъ передней лѣвой ноги и кладутъ на срубъ; сверхъ ихъ грудную кость безъ мяса, завернутую въ шерстяныя нитки, обертываютъ все это полосой мяса, толщиной въ палецъ и длиною въ 1 1/2 аршина, вырѣзанныхъ изъ живота. Затѣмъ квадратъ зажигаютъ, бросаютъ въ него кусочки варенаго мяса и жира и льютъ еще сала столько, сколько получилось при варкѣ этого барана. Во время горѣнія костра кладутъ на него еще берцовую кость отъ правой задней ноги, нижнюю челюсть, сырой жиръ изъ салника и отъ внутренностей, жиръ изъ спины въ видѣ короткаго ремня; бросаютъ также въ огонь серебряную или мѣдную монету и ладонь («сангин ѳден»), льютъ молоко и масло. По четыремъ сторонамъ квадрата ставятъ изъ тѣста чашечки, наполненные саломъ съ фитилями и зажигаютъ ихъ. Жертвоприношеніе совершаетъ отецъ жениха, а духовное лицо въ это время читаетъ молитву. Въ то время, когда жертва горитъ, отецъ спинную часть съ курдюкомъ и голову барана ставитъ въ табыкѣ передъ бурханами; первый шейный позвонокъ кладетъ въ «бурхани оргѣ» за унину подъ кошму; легкія, сердце, почки, печень, заднепроходную кишку, сваренный и наполненный кровью желудокъ («хототѣ цусѳн»), шкуру съ груди съ жиромъ, предварительно опаленную, кладетъ въ какую нибудь посуду (напр.: «табык») или въ овчинную шубу или въ сумку изъ кожи. Когда гелюнгъ прочитаетъ въ первый разъ молитву, отецъ этой сумой дѣлаетъ кругъ возлѣ жертвенника, произнося «хѳрю, хѳрю!», за нимъ повторяютъ тоже и всѣ присутствующіе въ кибиткѣ, имѣя на правой ладони по кусочку жира; послѣ 2-й молитвы мать беретъ сырую правую ногу барана, которая до этого времени висѣла на унинѣ въ «бурхани оргѣ», держитъ её и тоже произноситъ «хѳрю, хѳрю!», послѣ 3-й молитвы отъ нея нога передается послѣдовательно всѣмъ присутствующимъ и каждый, держа ее, произноситъ «хѳрю, хѳрю!». Во время самаго жертвоприношенія — гелюнгъ, читающій молитву, держитъ языкъ барана, всѣ гости — жиръ, невеста — бараньи переднія ножки, наткнутыя на палочки, внутренности — женихъ, а сердце, вынутое изъ мѣшка, держитъ или младшій сынъ хозяина, или же мальчикъ родственникъ; онъ послѣ каждой молитвы кусаетъ сердце три раза и произноситъ «хѳрю, хѳрю!». Когда огонь жертвенника потухнетъ, ногу сырую снова вѣшаютъ въ «бурхани оргѣ», гдѣ она должна оставаться три дня, мѣшокъ съ внутренностями держать спрятан-

нымъ въ сундукъ до другого дня, когда все разрѣзаютъ на куски по числу кибитокъ въ хотонѣ и съѣдаютъ (что называется «далга хубилган»), кромѣ желудка съ кровью, который хранятъ три дня. Черезъ три дня желудокъ и ногу съѣдаетъ семья и родственники жениха, но никогда посторонніе *). Во время свадебнаго жертвоприношенія совершается еще обрядъ «зеберхѳ»: племянникъ или вообще «тѳриль» (родственникъ) кладетъ монету, произносить ѳраль (поздравленіе, пожеланіе), беретъ кусокъ баранины и чашку арыки и уноситъ ихъ въ свою кибитку. По окончаніи жертвы кто-нибудь изъ родныхъ или близкихъ, по указанію зурхачи, беретъ невесту, подводитъ сначала къ отцу жениха и, наклоня ей голову, говоритъ: «кланяйся своему отцу!» она кланяется въ ноги, а отецъ желаетъ ей счастья и благополучія, такимъ же образомъ кланяется она матери и всѣмъ старшимъ родственникамъ жениха, и затѣмъ невеста удаляется въ свою кибитку, а гости жениха по правую; у каждого лица въ рукахъ огниво, а между обѣими группами ставится сваренная грудина барана. Обѣ стороны начинаютъ высѣкать огонь и какая изъ нихъ раньше зажжетъ огонь, той и достается баранья грудь, которую тутъ же съѣдаютъ, и начинается пирушка, хотя уже менѣе обильная и торжественная, чѣмъ была у невесты; между тѣмъ въ кибиткѣ жениха совершается религіозный обрядъ брака, послѣ котораго дѣвушка наряжается въ костюмъ женщины. Съ момента расплетанія дѣвичьей косы женщина во всю жизнь не должна показывать передъ посторонними непокрытую голову и голыя ноги.

Въ первые три дня молодая жена сидитъ въ своей кибиткѣ и выходитъ изъ нея подъ покрываломъ. На другой и много на третій день всѣ гости ѳѣзжаютъ, причемъ имъ раздаются подарки, а на четвертый день жена сына, снявши покрывало, идетъ въ кибитку новыхъ родителей и начинаетъ работать. По желанію родителей или по указанію зурхачи, иногда происходитъ перемѣна имени невесты, но въ своемъ родномъ хотонѣ женщина все-таки называется прежнимъ именемъ; такая перемѣна происходитъ передъ вступленіемъ невесты въ кибитку жениха и сопровождается особеннымъ обрядомъ — «сюрѣ ясалганъ» или «дѳрлгѣ ясалганъ».

Расходы свадебные у калмыковъ бываютъ всегда значительны, и требуется на выполненіе всего свадебнаго ритуала много времени. Можно сказать, что minimumъ свадебныхъ церемоній продолжаются пол-

*) Обрядъ «галталгенъ» совершается еще при рожденіи мальчика, а изрѣдка и дѣвочки, напр. когда рожденіе дѣвочки составляетъ исполненіе желанія семьи, и потомъ еще каждая семья, влаждѣющая баранами ежегодно для счастья семьи и удачъ въ скотоводствѣ исполняетъ такое же жертвоприношеніе 11-го и 23 октября, а бѣдные въ одинъ изъ этихъ дней.

года, но чаще годъ и даже два—три года; особенно долго тянется свадебный процессъ у малосостоятельныхъ людей, средства которыхъ не позволяютъ въ короткій промежутокъ приобрести всѣ вещи, какія требуются обрядностью. Но уже въ данное время замѣтно вліяніе экономическаго начала надъ обрядовымъ: въ послѣднее время, въ интересахъ сокращенія расходовъ, избѣгаютъ иногда большихъ проводовъ времени и продолжительности церемоній, а потому или соединяютъ по нѣскольку обрядовыхъ актовъ въ одинъ, или даже совѣмъ выбрасываютъ. Можно даже встрѣтить въ степи случаи совершеннаго устраненія обрядовыхъ церемоній и связанныхъ съ ними расходовъ путемъ фиктивного похищенія невесты. Изрѣдка среди калмыковъ происходятъ браки по любви между брачующимися: подобные браки, совершаемые всегда противъ воли родителей, устраиваются фактическимъ похищеніемъ невесты и, конечно, не требуютъ особенныхъ расходовъ. Но бываютъ случаи, что одна изъ брачующихся сторонъ или же и обѣ, въ интересахъ устраненія экономическихъ тратъ, соглашаются на фиктивное похищеніе невесты и устраиваютъ его.

Во всякомъ случаѣ, какъ бы бракъ ни заключали, женщина путемъ брака у калмыковъ переходитъ въ другой родъ, но признается въ новомъ родѣ родственницей лишь пока существуетъ семья; если же мужъ умираетъ, не оставивъ дѣтей, или же семья уничтожается путемъ развода, — женщина теряетъ всякую родственную связь съ родомъ мужа и снова возвращается къ своимъ родителямъ. Въ силу этого хотя приданое, принесенное женой, и поступаетъ въ распоряженіе мужа, но составляетъ не его собственность, а будущаго поколѣнія. И если жена умираетъ не родивши дѣтей, то половина приданого возвращается ея родной семьѣ, а половина жертвуется на хурулъ (монастырь). Если же, умирая, жена оставляетъ ея рожденныхъ дѣтей, то приданое не возвращается, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ мужъ передаетъ семьѣ не болѣе $\frac{1}{3}$ кибиточнаго инвентаря изъ принесеннаго въ приданое женой, но не изъ скотоводческаго хозяйства. При жизни же жены у послѣдней отдѣльнаго имущества не бываетъ, а при раздѣленіи семьи, напр. при выдѣлѣ сына, — выдѣляется часть и матери, равная сыновней, но меньшая, чѣмъ отцу. Подобныя же имущественныя комбинаціи происходятъ и въ случаѣ уничтоженія семьи путемъ развода. При добровольномъ, т. е. по взаимному согласію разводъ женщина получаетъ или все или половину приданого изъ кибиточнаго инвентаря, а изъ скота лишь то, что даетъ мужъ; но если мужъ прогоняетъ жену, то онъ обязанъ возратить ей все принесенное ею приданое. Въ томъ же случаѣ, когда сама жена не хочетъ жить съ мужемъ, — ей ничего не дается изъ хозяйства.

Нужно имѣть въ виду, что разводы у астраханскихъ калмыковъ сравнительно легки, особенно для мужа: неплодіе жены, смертность дѣтей, неизлечи-

мая болѣзнь жены, если начало болѣзни было до брака, характеръ ея (напр. неуживчивость), семейныя несчастія, особенно смертность дѣтей, если зурхачи причину несчастій укажетъ въ семьѣ, — все можетъ послужить поводомъ, чтобы мужъ отослалъ жену къ ея родителямъ.

Все это производится въ большинствѣ случаевъ семейно, безъ участія постороннихъ, и только споръ объ имуществѣ собственно влечетъ вмѣшательство въ разводъ бакши и ламы, а иногда зайсанга и даже нойона. Напротивъ же разводы по инициативѣ жены происходятъ лишь въ силу давленія со стороны бакши и ламы, — и для такого развода нужны несравненно болѣе вѣскія причины, чѣмъ при разводѣ по инициативѣ мужа. Въ случаѣ бы жена, не желающая жить съ мужемъ, убѣждала, то ее возвращаютъ къ мужу и предоставляютъ все дѣло суду бакши или ламы, и если по суду послѣднихъ виновной стороной оказался мужъ, тогда только женѣ дозволяется оставить его и выйти замужъ за другого; въ противномъ случаѣ жену принуждаютъ жить съ мужемъ и подобныя семьи отдаются подъ наблюденіе уважаемыхъ людей или одно-хотонныхъ года на три. Когда въ теченіе срока опеки мужъ ведетъ себя хорошо, то жена обязана жить съ мужемъ. Если разводъ произошелъ по бездѣтству или по другимъ серьезнымъ причинамъ, то оба, мужъ и жена, послѣ развода могутъ вступить въ новые браки, въ другихъ же случаяхъ только мужъ не теряетъ права на бракъ. Дѣти при разводѣ остаются при отцѣ, и лишь въ томъ случаѣ, когда виновникомъ распада семьи оказывается мужъ, дѣтей можетъ взять и жена, но при этомъ она уже теряетъ право выйти вновь замужъ.

Народныя воззрѣнія поощряютъ лишь разводы по бездѣтству, въ другихъ же случаяхъ, хотя и не считаютъ зазорнымъ, преступнымъ или грѣховнымъ разводы, осуждаютъ виновниковъ разводовъ. Но вообще сравнительно разводы у калмыковъ рѣдки и являются неизбѣжнымъ регуляторомъ насильственного родительскаго принципа въ устройствѣ семей; при дѣтяхъ разводы почти не бываютъ. Главная причина разводовъ — неимѣніе дѣтей, но и она устраняется путемъ многоженства. По религіи число женъ не ограничено: «сколько кто хочетъ и можетъ содержать»; народное же воззрѣніе не вполне признаетъ многоженство, что рельефно формулируется напр. пословицею: «первая жена отъ Бога, вторая — отъ людей, а третья — отъ черта» («турин бабга бурхана сѣ, хонр декге бабга — улеа сѣ, горбун декге бабга — эрликга сѣ»); но факты двоеженства, хотя и рѣдко, все-таки встрѣчаются *).

*) Мною встрѣчено было два случая: въ Б. Цатановомъ родѣ Яндыковского улуса двухъ женъ имѣли зайсангъ и его аймачный, причемъ въ первомъ случаѣ вторая жена взята съ согласія первой въ виду того, что дѣти отъ нея умираютъ, на разводъ же съ первой женой зайсангъ не согласился въ силу своей привязанности къ ней.

Съ обычаями брака въ связи стоятъ обычаи посѣщенія женою своихъ родителей. Спустя мѣсяцъ или болѣе новобрачныхъ навѣщаетъ мать жены и приглашаетъ послѣднюю къ себѣ, и ее отпускаютъ одну, безъ мужа. У людей малосостоятельныхъ первое посѣщеніе («кююн торчильню») родителей бываетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы, у людей же богатыхъ черезъ годъ и болѣе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (у Малодербетовцевъ) при первомъ посѣщеніи дочь не входитъ въ кибитку родителей, и входъ ей дозволяется лишь при второмъ посѣщеніи.

Каждый изъ двухъ пріѣздовъ дочери къ своимъ родителямъ сопровождается подарками ей, въ которыхъ принимаютъ участіе всѣ ея родственники (тѣриль); если же пріѣзжаетъ замужняя дочь въ свой родъ зайсанга или нойона, то въ подаркахъ участвуютъ въ первомъ случаѣ и аймачные зайсанга, а во 2-мъ также весь родъ и даже улусъ *). Нерѣдко «кююн торчильню» происходитъ послѣ рожденія перваго ребенка, и если родился сынъ, то подарки бываютъ особенно щедры.

Рожденіе дѣтей составляетъ послѣ брака самое выдающееся событіе въ жизни семьи и сопровождается рядомъ обрядностей и повѣрій.

Во время родовъ, по требованію обычая, въ кибиткѣ не бываетъ никого изъ мужчинъ, даже мужа. Если роды трудные и продолжительные, то, послѣ употребленія всякихъ манипуляцій въ родѣ встряски, искусственнаго потягиванія и сжиманія живота родильницы, приглашаютъ гелюнга для чтенія назначенныхъ на такой случай молитвъ.

Когда ребенокъ родится, его, не омывая, завертываютъ во что-нибудь относительно мягкое и теплое и оставляютъ такъ до того дня, который извѣщенный зурхачи укажетъ, какъ «счастливый», не ранѣе во всякомъ случаѣ 3-го дня. Если родился сынъ, то одна изъ присутствующихъ въ кибиткѣ женщинъ отыскиваетъ отца, снимаетъ съ него шапку и уноситъ въ кибитку, чѣмъ и даетъ знать ему, что родился сынъ. Шапку нужно выкупать. Для этого отецъ готовитъ угощеніе для присутствующихъ при родахъ женщинъ: варитъ чай, достаетъ «арьки» (или русской водки), «борчок» и т. п., и послѣ угощенія получаетъ шапку назадъ. Снимаютъ тоже шапки и требуютъ выкупа и съ родственниковъ мужа — мужчинъ. Въ день рожденія и, по возможности даже въ часъ рожденія, отецъ рѣжетъ барана и прино-

*) За однимъ изъ зайсанговъ Кутузовыхъ въ Абганеровыхъ родахъ Малодербетовскаго улуса была замужемъ дочь Харасусовскаго нойона Дугарова, и вотъ когда она сдѣлала «кююн торчильню» въ улусъ своего отца, то получила въ подарокъ, между прочимъ, до 1500 овецъ, хотя и самъ нойонъ не имѣлъ такого количества — это былъ улусный подарокъ. Въ іюль 1886 г. посѣтила свой Ики-Багутовъ родъ Эркетевскаго улуса — родственница зайсанга Менко Убуши жена хошутовскаго нойона, и это посѣщеніе, по словамъ мочажныхъ калмыковъ, сопровождалось подарками со стороны аймачныхъ калмыковъ лошадьми, баранами и пр.

ситъ его въ жертву, т. е. совершаетъ «калгкинъ», какъ на бракъ, что дѣлается «для счастья» и жизни ребенка. Если кто-нибудь изъ присутствующихъ при жертвоприношеніи чихнетъ, то носъ этому лицу намазываютъ саломъ и даютъ кусочекъ жиру проглотить. Чиханье признается хорошей примѣтой.

Такъ какъ фактъ рожденія сына быстро дѣлается извѣстнымъ въ хотонѣ, а близъ кочующіе родственники и пріятели кромѣ того и нарочно оповѣщаются, то въ тотъ же день въ кибитку новорожденнаго являються съ поздравленіемъ родственники, однохотонники и друзья, и для нихъ устраивается пирушка, но безъ пѣсенъ и танцевъ, и безъ молодежи; во время пира присутствующіе поздравляютъ съ новорожденнымъ, желаютъ ему счастья и здоровья и дарятъ серебряныя монеты и только за неимѣніемъ ихъ — мѣдныя.

Въ назначенный «зурхачи» счастливый день ребенка моютъ вмѣстѣ съ тѣми лоскутами, въ которыхъ онъ былъ завернутъ послѣ рожденія. Купаетъ ребенка обыкновенно мать при содѣйствіи постороннихъ женщинъ. Купель въ этомъ случаѣ готовится такъ: въ большое корыто («тебыш ашлу») наливаютъ теплую воду и въ нее добавляют немного соли, молока или аръяну и можжевельныхъ ягодъ. Въ день первой купели (и послѣдней, кажется) въ кибиткѣ новорожденнаго снова устраивается угощеніе родственниковъ и знакомыхъ.

Послѣ отпаденія у ребенка пуповины, обыкновенно на 5—6-й день, (въ хотонахъ далеко находящихся отъ хуруловъ этотъ обрядъ бываетъ и гораздо позже) — приглашается къ новорожденному зурхачи для указанія судьбы новорожденнаго и назначенія ему имени **).

Нельзя при этомъ не указать на оригинальную систему личныхъ именъ у астраханскихъ калмыковъ.

Есть у калмыковъ имена національно-религіознаго происхожденія, но ихъ сравнительно немного; наи-

**) Насколько среди калмыковъ крѣпка вѣра въ предсказаніе зурхачи, можетъ служить слѣдующій рассказъ изъ множества другихъ, записанный со словъ зайсанга Барунова рода Яндыковского улуса, Кѣкшина Оргичкѣва: „У отца моего всѣ дѣти умирали; наконецъ, когда ему было уже 70 лѣтъ, родился я. Былъ тогда въ хурулѣ святой человекъ бакша. Обратился къ нему отецъ, чтобы бакша нарекъ имя новорожденному. Долго отказывался онъ, говоря, что это дѣло зурхачи, но послѣ настоятельныхъ просьбъ согласился и сказалъ: „пусть родившійся назовется Кѣкшинъ (долговѣчный — по имени того урочища, на которомъ кочевалъ тогда мой отецъ), и будетъ онъ счастливъ“. Потомъ, когда отецъ умиралъ, то призвалъ къ себѣ зурхачи и просилъ его объявить судьбу сына. Зурхачи сличилъ годъ рожденія и пр., посмотрѣлъ въ свои книги и сказалъ: „у Кѣкшина будетъ четыре сына и дочь, но въ живыхъ останется одинъ сынъ младшій Эльзете, а самъ онъ проживетъ 62 года. И все уже сбылось теперь, кромѣ смерти: мнѣ теперь 58 лѣтъ и остается еще жить четыре года. Чтобы сберечь жизнь своего послѣдняго сына Эльзете, я посвятить его хурулу, и онъ былъ манжикъ, а теперь, по смерти всѣхъ сыновей, онъ сдѣлался моимъ наслѣдникомъ“.

болѣе употребительныя изъ нихъ слѣдующія: Эрди (сокровище), Убѣши (монахъ), Очиръ (жезлъ), Бадма (лилія), Наранъ (солнце), Саранъ (луна), Бембе (Сатурнъ), Улюмджи (Меркурій), Басангъ (Венера), Мангилъ (Марсъ), Пюрбе (Юпитеръ), Амгулунгъ (спокойствіе), Мацакъ (постъ), Церенъ, Гаря, Лиджи, Зодбо, Сангаджи, Баярылха, Балча, Кишѣтѣ, Дорджи, Тумюртутъ, Балзынтъ, Коцкѣ. Изъ числа этихъ именъ даетъ зурхачи новорожденному, но чаще только первому сыну, и въ исключительныхъ случаяхъ дочери. Слѣдующія дѣти уже называются по имени урочищъ, рѣкъ, озеръ, гдѣ они родились. Но если дѣти умирали, то уже прибѣгаютъ къ имени другого типа: или имя дается по названію животного или же по первому встрѣченному человѣку или предмету. Въ этихъ случаяхъ собственно дѣлается фикція подмѣна лица. По убѣжденію калмыковъ смертность дѣтей происходитъ отъ дѣйствія злыхъ духовъ (чоткир, алмыс и пр.) и вотъ, чтобы ввести въ заблужденіе ихъ даются имена животныхъ, бранныя и проч. Подобное объясненіе имѣютъ напр. слѣдующія имена: Ноха (собака), Чоно (волкъ), Ноханъ-кебюнъ (сукинъ сынъ), Ноханъ басынъ (собачій помѣтъ), Ишйге (кошма), Мога (змѣя), Мекле (лягушка), Ухуръ (ложка), Сюкэ (топоръ), Мукебюнъ (гадкій мальчикъ), Му-кюкюнъ (дурная дѣвочка); Вазьки (Василій), Игнатъ, Цезаръ, Бегели (татарское имя), Ягуръ (Егоръ), Бенке (Ванька), Юбанъ (Иванъ), Іесъкѣ (Іосифъ), Аликса (Алексѣй), Андра (Андрей), Пѣтеса (Петръ), Микула (Николай), Лощинскій (фамилія) и проч. *). Нерѣдко еще бываетъ и такъ, что ребенку, когда у него есть имя, дается случайно прозвище **). Кромѣ дурного имени, какъ средства предохраняющаго отъ смерти ребенка, употребляютъ еще и другія средства. Въ той семьѣ, гдѣ дѣти умираютъ, новорожденного не показываютъ постороннимъ лицамъ, а иногда даже и родственникамъ, словно бы ребенка и нѣтъ; причемъ или ребенка только

*) Насколько въ именахъ калмыковъ играетъ роль случайность, можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ. Въ день рожденія зайсанга Онкорова Багацхуровскаго улуса въ хотонѣ его отца ночевалъ киргизскій владѣлецъ и старшина Бегели, и потому новорожденный былъ такъ названъ (хотя собственно это есть только прозвище). Нѣкоторые изъ Дербетовскихъ калмыковъ были демонстрируемы на Парижской всемірной выставкѣ, и когда отцы были на выставкѣ, у двухъ изъ нихъ родились дѣти: мальчикъ и дѣвочка; мальчикъ названъ „Парижъ“, а дѣвочка „Франція“. Въ 1885 году при ставкѣ Икнцохур. улуса у калмыка Доба Хараева родился внукъ въ то время, когда заплѣдывать улусомъ прѣхалъ чиновникъ Лѣснякъ и ребенокъ былъ названъ „Лѣснякъ“.

**) Напр. депутата калмыцкаго народа всѣ калмыки зовутъ по прозвищу Базька Тугаевъ, хотя его настоящее имя Наранъ; прозвище же дано случайно по имени козла въ хотонѣ, съ которымъ ребенокъ былъ друженъ. У одного калмыка Барунъ-Кетчинерова рода Малодербетовскаго улуса сына звали Шонца; былъ однажды въ кибиткѣ его зайсангъ, ребенокъ повелъ себя при немъ неприлично, и зайсангъ обругалъ его: „му кебюнъ“ (гадкій мальчикъ!), брань эта перешла въ кличку ребенка и теперь его, уже женатаго человѣка, всѣ зовутъ не иначе, какъ „Мукебюнъ Василевъ“.

прятать передъ входомъ постороннихъ лицъ или же послѣднихъ совершенно не допускаютъ въ ту кибитку, гдѣ есть охраняемый ребенокъ. Чаще всего, что такая охрана длится нѣсколько мѣсяцевъ, но иногда годъ и дольше ***). Вотъ почему въ кибитку семейнаго калмыка не всегда возможно войти, и если только дверная кошма опущена, то необходимо предварительно испросить позволенія на входъ: иначе можно внести съ собою большое несчастье въ кибитку. Третье средство сохраненія жизни дѣтей — посвященіе ихъ, хотя фиктивное, хуруу подъ названіемъ манжиковъ. Наконецъ практикуется, какъ предохранительное средство родъ талисмановъ: къ волосамъ дѣтей прикрѣпляютъ или серебряныя монеты изъ числа подаренныхъ ребенку въ день рожденія и омовенія, или же мелкія раковины «моган толга» (змѣиная головка).

Но собственно у калмыковъ заботы вызываетъ первый сынъ, иногда и другіе сыновья, рожденіе же дочери, за исключеніемъ развѣ первородной или же при не имѣніи дѣтей вообще, не радуетъ родителей, и потому только при первенцѣ соблюдаются всѣ церемоніи, при остальныхъ дѣтяхъ зурхачи приглашается развѣ богатыми, а то обходятся безъ него: не гадаютъ о счастья и сами даютъ имя, и вмѣсто пиршествъ — все ограничивается угощеніемъ чаемъ женщинъ, присутствующихъ при родахъ.

Родильницу немедленно послѣ родовъ поятъ холодной водой, и она въ первый же день встаетъ съ постели и начинаетъ исполнять работы по кибиткѣ. Пищу ей по возможности улучшаютъ, рѣжутъ барана и готовить «шулюмъ» въ теченіе 10—15 дней; первые 2—3 дня чай даютъ жидкій, а потомъ уже обыкновенный. Ребенку скоро послѣ рожденія кладутъ въ ротъ немного бараньяго сала и потомъ саломъ прикармливаютъ постоянно во весь періодъ, пока мать его кормитъ своей грудью. По мѣрѣ выростанія дитяти въ 1-й еще годъ даютъ и «бозо», разбалтывая его молокомъ или же просто водой. Малютку пеленаютъ довольно крѣпко привязывая къ доскѣ, и надолго, особенно въ холодное время года, а для испражнений въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ дѣлаютъ отверстіе.

При кормленіи грудью ребенокъ кладется не перпендикулярно къ ногамъ матери, какъ у русскихъ, а наискось и даже прямо между ногъ ея, почему ребенокъ находится всегда въ наклонномъ положеніи съ приподнятою головкою.

Когда ребенокъ уже настолько подросъ, что можетъ держаться рученками, мать носитъ его не у груди, а садитъ себѣ подъ плечо, какъ бы верхомъ на свой правый бокъ, такъ что одна ножка ребенка находится спереди, а другая сзади праваго бока матери, а ручки цѣпляются или за плечо или просто за одежду матери, которая своей правой рукой слегка поддерживаетъ его подъ сѣдалище. Благодаря та-

***). Напр. у зайсанга Бага-Цохур. улуса Сумъяна Аки Манджіева не пускали въ кибитку лицъ изъ другого улуса два года.

кому способу ношенія дѣтей, ноги у нихъ нѣсколько выгнуты и совершенно приспособлены къ верховой ѣздѣ, и, можетъ быть, это отчасти влияетъ на то, что калмыки обою пола съ самаго дѣтства хорошо держатся на лошади и слывуть за лихихъ наѣздниковъ.

Къ сферѣ обрядовъ семейно-кибиточной жизни принадлежатъ еще тѣ, которые сопровождаютъ событія печальнаго характера — болѣзнь и смерть.

Астраханскіе калмыки чрезвычайно жизнелюбивы. Этимъ объясняется между прочимъ почти полное отсутствіе среди калмыковъ самоубійствъ и рѣдкая любовь ихъ къ лѣченію.

Въ данный моментъ въ астраханской степи лѣченіе является съ разныхъ сторонъ и въ разныхъ формахъ къ ихъ услугамъ: а) европейская медицина въ лицѣ официальныхъ докторовъ, фельдшеровъ и оспопрививателей; б) азіатская медицина въ лицѣ калмыцкихъ «эмчи»; в) религія въ видѣ специально приспособленныхъ для этой цѣли молитвъ и обрядовъ; г) знахари калмыцкіе — «удгунъ» и «бѣ»; наконецъ д) знахари сосѣднихъ народностей, особенно татаръ.

И калмыки при болѣзняхъ обращаются ко всѣмъ способамъ врачеванія, то послѣдовательно мѣняя одинъ на другой, то чаще разомъ, совмѣстно: принимая лѣкарство доктора европейскаго, больной калмыкъ пьетъ «шулюмъ» и воду, по назначенію калмыцкаго «эмчи», слушаетъ молитвы отъ болѣзней гелюнга, гадаетъ у «бѣ» и не откажется воспользоваться татарскимъ знахаремъ *).

Лѣченіе и татарскихъ лѣкарей, и національных калмыковъ, между прочимъ, сопровождается отбираніемъ вещей, присутствіе которыхъ и вызываетъ болѣзнь; но у калмыцкихъ знахарей («удгунъ» — мужчины и «бѣ» или «бабга» — женщины) есть и свои приемы. Напр. «бѣ» или «бабга илгин» (въ Яндык. ул. на уроч. Чапчилганъ ок. ватаги Воробьевыхъ), лѣчила такъ: разспрашивала больного о болѣзни и потомъ отсылала домой; ночью она видѣла сны и сообразно уже имъ вновь явившагося больного лѣчила нашептываніемъ, сопровождая сло-

*) На фактъ лѣченія калмыковъ татарскими знахарями, о чемъ можно слышать нерѣдко по окраинамъ степи, мнѣ пришлось натолкнуться въ 1884 г. въ Яндыковскомъ улусѣ. Калмыкъ серебряникъ Керетова р. аймаку зайс. Салтанова привезъ къ себѣ изъ с. Солянки (ок. Калмыцк. Вазара) татарскаго лѣкаря для леченія своей жены, которая сошла съ ума и потеряла способность говорить. Татаринъ явился въ степь въ сопровожденіи еще двухъ лицъ, въ видѣ работниковъ. Практики оказалось много: кромѣ больной жены привезшаго его калмыка, татаринъ лѣчилъ еще дѣвушку, которая лишилась волосъ на головѣ, лѣчилъ старика отъ боли въ спинѣ и многихъ другихъ. Лѣченіе его сопровождалось писаніемъ на бумагѣ по-татарски какихъ-то словъ, которые вручались для храненія больнымъ, и даваніемъ всѣмъ одного и того же лѣкарства изъ привезенной съ собою бутылки, а также отбираніемъ вещей, вредныхъ для больныхъ (ружья, украшенія и пр.). За свое лѣченіе, кромѣ вещей, онъ бралъ овецъ, козъ и даже у одного ваялъ корову.

ва равными манипуляціями рукъ въ родѣ сжиманія больныхъ членовъ и пр. Главная ея специальность женскія болѣзни и между прочимъ сифилисъ («мерес»). Но чаще всего, что «бѣ» и «удганъ» болѣзнь опредѣляютъ, разсматривая серебряную монету, предложенную больнымъ, а лѣчатъ, удаляя изъ кибитки вредоносную вещь. Нерѣдко въ одномъ лицѣ «удганъ» или «бѣ» сливается еще «задчи», вѣдунъ, повелители грома и молніи и вызыватели дождя. Если такого знахаря просятъ калмыки напр. о дождѣ, то онъ выходитъ на бугоръ, нашептываетъ надъ камнемъ, потомъ имъ третъ объ одежду, и, по мнѣнію калмыковъ, въ результатъ подобныхъ манипуляцій «является скоро дождь съ громомъ и молніею». Другіе «задчи» обладаютъ силою управлять змѣями, и когда нужно вызвать грозу и дождь, то такой человѣкъ беретъ змѣю за хвостъ, а голову ея кладетъ въ воду и держитъ такимъ образомъ, нашептывая таинственныя слова нѣкоторое время, послѣ чего «является туча и дождь». Если «задчи» захочетъ, чтобы туча прошла мимо него, то беретъ свѣжій аргасунъ и бросаетъ его вверхъ, по направленію къ тучѣ, произнося при этомъ заклинанія, и «туча раздѣляется на двѣ половины и дождь проходитъ по обѣимъ сторонамъ, минуя знахаря».

Въ разрядѣ народныхъ знахарей калмыковъ находятся еще «одчи» — костоправы, которые лѣчатъ исключительно вывихи, переломъ костей какъ у людей, такъ и у животныхъ; лѣченіе ихъ совершенно механическое. Костоправовъ довольно много въ степи и нѣкоторые изъ нихъ пользуются славой опытности и имѣютъ большую практику **).

Благодаря легковѣрію и любви калмыковъ къ лѣченію, слава лѣкаря, которая всегда вызываетъ и хорошія приношенія, пріобрѣтается очень легко, и любой гелюнгъ, запасшись какимъ-нибудь средствомъ отъ одной болѣзни, въ родѣ хотя бы хины, и окруживъ свое лѣченіе секретомъ и таинственностью — быстро пріобрѣтаетъ пациентовъ. Но собственно услугами знахарей пользуются или бѣдняки, для которыхъ «эмчи» и религіозныя церемоніи не доступны, или же и люди состоятельные, но уже послѣ того, какъ лѣченіе у послѣднихъ не принесетъ пользы. Лѣченіе калмыцкихъ «эмчи» (лекарей) помимо принятія разныхъ свадобій и измѣненій въ питаніи (о чемъ говорится подробно въ отдѣлѣ о духовенствѣ) сопровождается многими обрядностями, изъ которыхъ двѣ носятъ народный характеръ. По воззрѣніямъ калмыковъ самыми радикальными средствами для выздоровленія признается «кюрюмъ» (или «хорюмъ») — выкупъ за жизнь. «Хорюмъ» состоитъ въ богослуженіи, совершаемомъ надъ боль-

**) Въ Яндыковскомъ улусѣ слытъ за умѣлаго «одчи» калмыкъ Керетова р. Маджи Багаевъ, но особенно славился въ Эркетеневскомъ улусѣ опекунъ Цатанова р. Сарранъ Эрдіевъ; практиковала и дочь послѣдняя, вѣходившаяся въ замужество въ Мочагахъ за калмыкомъ Экъ-Багутова р. Аваджи Мунаджіевымъ.

нымъ и сопровождаемомъ обязательно жертвами со стороны семьи больного въ пользу хурула или духовенства части семейнаго имущества. Такое цѣлебное молитвословіе совершается всегда торжественно, съ хурульною музыкою, при участіи многочисленнаго духовенства, (человѣкъ 20 напр.), требуетъ обильныхъ издержекъ (напр. косяка лошадей въ жертву хурулу и платы участникамъ изъ духовенства—рубля по два каждому) и подѣ силу лишь людямъ весьма состоятельнымъ; но для семей, не способныхъ къ подобнымъ издержкамъ, «хоромъ» замѣняется средствомъ не менѣе цѣлебнымъ, но болѣе простымъ—удаленіемъ изъ хозяйства больного какого-нибудь предмета, причиняющаго болѣзнь. Дѣло въ томъ, что въ числѣ причинъ болѣзней, по возрѣнію калмыковъ, видную роль играютъ темныя силы, которыя, избравъ для себя орудіемъ какой-либо предметъ въ хозяйствѣ (напр. цѣнный лапникъ, дорогую чашку, лошадь извѣстной масти и т. д.), причиняютъ комулибо изъ семьи болѣзненные страданія, а потому достаточно удалить такіе вредоносные предметы для данной семьи или лица, и болѣзнь прекращается. Искусство отыскать гибельный для здоровья предметъ и указать способъ удаленія его и принадлежитъ ламаитскимъ «эмчи», и обыкновенно болѣе благотворнымъ способомъ признается пожертвованіе тѣхъ или другихъ предметовъ на хурулъ или духовному лицу. Но когда надѣ больнымъ испробованы разныя средства лѣченія, и они оказались бесполезными,—а спрошенный зурхачи признаетъ, что причина болѣзни—дѣйствіе какого-либо злого духа на больного, тогда совершается еще церемонія выселенія, переселенія или отвлеченія этого духа отъ больного («ясалган» или «дърѣлгә ясалган»). Приглашается въ кибитку больного гелюнгъ, который дѣлаетъ изъ тѣста разныя фигуры—свиней, козловъ, обезьянъ, лошадей и пр., вообще фигуръ 10 и болѣе, разставляетъ ихъ на кошмѣ у изголовья больного, читаетъ молитвы и ведетъ продолжительныя бесѣды съ фигурами, передвигая ихъ въ тоже время съ мѣста на мѣсто, переноситъ имя больного на эти фигуры и въ концѣ концовъ выходитъ изъ кибитки и забрасываетъ слѣпки *).

Средство врачебное, получаемое также отъ представителей религіи, это «бу», которое не столько лѣчитъ, сколько предохраняетъ отъ болѣзней и имѣетъ характеръ талисмана. Гелюнгъ, къ которому калмыки обратились бы за «бу», пишетъ на бумажкѣ священныя изреченія, зашиваетъ въ матерію и надѣваетъ на шею пациенту, и съ того момента «бу» уже не снимается. Видовъ «бу» много—есть «бу» отъ болѣзни, «бу»—отъ испуга, «бу»—отъ грозы и пр.; но только «цакилан» или «цаклаган»

*) «Ясалган» совершается вообще при перемѣнѣ имени (наприм. у невѣсты — «сюръ ясалан»), когда хотятъ оградить человѣка отъ дѣйствія злого духа, напр. новорожденнаго въ семьяхъ, гдѣ дѣти умирали и т. д.

«бу» отъ грозы можетъ принадлежать не лично одному лицу, а всей семьѣ, и потому хранится въ кибиткѣ на ряду и вмѣстѣ съ другими бурханами.

Сходное дѣйствіе съ «бу» имѣетъ и «мирде» (о которомъ говорится въ главѣ о духовенствѣ), ему приписывается цѣлебное свойство, а потому и «мирде» возлагаютъ на больныхъ.

Смерть въ семьѣ калмыка имѣетъ всегда потрясающее дѣйствіе, и мертваго члена семьи калмыки не столько жалѣютъ, какъ боятся. «Мертвецъ самъ не сознаетъ,—говорятъ калмыки,—что онъ умеръ, а чтобы убѣдиться, живъ ли, или умеръ, онъ ступаетъ ногой въ золу очага, и если не окажется слѣда на золѣ, то это значитъ, что онъ умеръ. Онъ все слышитъ, что дѣлается вокругъ него, и если что либо происходитъ непріятное, то сердится и грѣшитъ, а потому-то надѣ умершимъ, пока онъ не похороненъ, читаютъ молитвы», чтобы отвлекать и его и присутствующихъ.

Мертвеца оставляютъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ умеръ, пока не явится зурхачи и не опредѣлитъ по сличенію времени рожденія и смерти, какому виду погребенія слѣдуетъ предать покойника; послѣ этого сверхъ одежды, въ какой умеръ человѣкъ, завертываютъ его въ кошму или коверъ всего и обвязываютъ тесьмами, такъ что трупъ какъ бы зацеленывается. Зурхачи не только опредѣляютъ погребсти умершаго въ водѣ, въ землѣ, въ деревѣ, въ желѣзѣ или же въ огнѣ, но еще назначаетъ въ какую сторону обратить головой, дать ли трупу лежачее, сидячее или другое положеніе, и какъ только всѣ указанія получены, семья спѣшитъ приготовленіями къ похоронамъ, которыя скоро и заканчиваются безъ всякой торжественности. Исключеніе представляетъ погребеніе черезъ сожженіе, но не фиктивное, какое бываетъ у бѣдняковъ, когда въ могилу бросаютъ огонь только, а фактическое, доступное людямъ состоятельнымъ. Погребеніе черезъ сожженіе признается не только почетнымъ, но и особенно полезнымъ для загробной жизни человѣка и потому считается великимъ счастьемъ, если кому выпадаетъ на долю сожженіе. Фактически сжигаютъ только ламъ, бакшей, гелюнговъ, нойоновъ и зайсанговъ.

Церемонія сжиганія состоитъ въ слѣдующемъ. Копаютъ яму вблизи хурула въ сажень глубины и въ ростъ умершаго человѣка длины; по короткимъ сторонамъ этой ямы дѣлаютъ еще двѣ маленькія ямы одинаковой глубины съ первой и соединяютъ ихъ съ средней ямой подземной галлереей. Въ центральную яму ставятъ таганы и кладутъ хлопокъ или вообще что-либо легко-воспламеняющееся и обливаютъ масломъ. До сожженія покойника чисто обмываютъ, одѣваютъ въ особый костюмъ и шапку, съ нарисованными на ней бурханами, облѣпляютъ всего писанными молитвами, сажаютъ на скамейку и, подерживая его въ такомъ положеніи, несутъ, какъ бурхана, въ сопровожденіи духовенства съ хуруль-

ной музыкой и народа, сначала вокругъ хурула, а потомъ и къ ямамъ. Здѣсь покойника снимаютъ со скамейки, надѣваютъ на него мѣшокъ изъ коленкора, который скрываетъ его совершенно и кладутъ въ длинную яму на таганы. Начинается богослуженіе, и при пѣніи опредѣленныхъ молитвъ гелюнги, держа въ рукахъ длинные шесты съ горящею на концахъ ватой, насыщенною масломъ, слегка касаются покойника, наконецъ въ одинъ изъ моментовъ они зажигаютъ хлопокъ въ ямѣ; богослуженіе продолжается, пока покойникъ не сгоритъ. Послѣ того надѣ ямами ставятъ кибитку, и въ ней остается на ночь нѣсколько человѣкъ сторожить. На другой день изъ золы выбираютъ кости, а ямы засыпаютъ; кости пережатые толкутъ и наполняютъ ими сдѣланные изъ тѣста сосуды въ видѣ храмовъ и хранятъ въ ящикахъ какъ святыню, и потомъ раздаютъ этотъ костяной порошокъ, конечно, въ самыхъ минимальныхъ частяхъ ѣсть больнымъ.

Такъ какъ послѣ смерти душа покойника еще 49 дней находится—по возрѣнію калмыковъ—въ пути къ новому своему обиталищу, то, чтобы ускорить и облегчить этотъ путь, а также уменьшить ея грѣхи земные, семья покойника совершаетъ богослуженія и приноситъ дары духовенству и хурулу: обыкновенное явленіе, что въ хурулъ и въ руки духовныхъ лицъ переходитъ за это время все лично принадлежащее покойнику имущество—одежда, украшеніе и пр., а кромѣ того даются еще деньги и животныя: бараны, коровы и лошади.

Въ кибиткѣ покойника тоже предпринимаются пѣкоторыя мѣры для облегченія загробнаго странствованія души покойника, именно, въ теченіе всѣхъ 49 дней въ кибиткѣ горитъ неугасимая «зулу» (лампада) и въ это время семейство старается ничего не дѣлать, кромѣ самаго необходимаго, какъ приготовленіе пищи, уходъ за скотомъ, особенно же избѣгаютъ въ это время шить, плести, ткать, такъ какъ нитки, которыми будетъ производиться работа, «станутъ спутывать ноги покойнику и замедлятъ его путешествіе». Кромѣ того кибитка переносится на другое мѣсто и очищается молитвословіемъ духовнаго лица.

Бракъ, родины, болѣзнь, погребеніе и годовыя жертвоприношенія—все это событія съ характеромъ нормы, неизбѣжности, которыя необходимо уже повторяются въ жизни каждой кибитки; но встрѣчаются конечно еще у калмыковъ и событія экстраординарнаго характера, которыхъ повтореніе въ каждой кибиткѣ болѣе или менѣе случайно, не обязательно, но которыя въ свою очередь имѣютъ уже выработанный обычно-обрядовой ритуалъ.

Къ такимъ явленіямъ относятся: а) *пирушки*, б) *арько-вареніе* и в) *обычай гостепріимства*.

Пирушки у калмыковъ, кромѣ свадебныхъ и родинныхъ, главнымъ образомъ связываются съ посѣщеніемъ гостей, ради которыхъ и устраивается гулянье. Пирушки бываютъ двухъ видовъ: съ танцами

и безъ нихъ; на послѣднихъ обыкновенно присутствуютъ люди пожилые, и всякая пирушка складывается изъ питья арьки, при чемъ произносятся болѣе или менѣе торжественно-вычурныя «ѣрали» (пожеланія), и угощеніе мясомъ, чаемъ, кумысомъ и пр. Гораздо оживленнѣе пирушки съ танцами и пѣснями, гдѣ присутствуетъ и главную роль играетъ молодежь. Такія увеселенія всегда происходятъ ночью, начинаются, когда уже на дворѣ стемнѣетъ и оканчиваются съ разсвѣтомъ. Во всѣхъ частяхъ калмыцкой степи «вечерянки», какъ ихъ называютъ сами калмыки, совершаются настолько по одному и тому же шаблону, что описаніе одной изъ нихъ совершенно вырисуетъ характеръ ихъ.

Когда на дворѣ стемнѣетъ, въ кибитку начинаютъ входить сначала женщины, рѣдко въ одиночку, болѣею же частью группами, а позже являются уже и мужчины, и напротивъ чаще по одному. Гости всѣ располагаются всегда въ одномъ и томъ же порядкѣ. У кровати сидятъ хозяева: мужъ у изголовья, жена у ногъ. Отъ хозяевъ направо къ двери располагаются на постланныхъ шердыхахъ мужчины по старшинству лѣтъ и сословія (духовныя лица и зайсанги ближе къ хозяину), въ одинъ или въ нѣсколько рядовъ, смотря по числу гостей, нѣлво все пространство отъ хозяйки и до дверей въ соответствующемъ же порядкѣ женщины. Около хозяина, или около одного изъ гостей мужчинъ, ставится сосудъ съ арькой и двѣ или одна чашка («ага»); изъ среды же женщинъ выдѣляется музыкантъ на домбрѣ («домбрійч»), который и располагается около порога съ лѣвой стороны. Пирушку открываютъ мужчины. Поднимаются, по приглашенію хозяина, два лица, хорошо въ калмыкомъ смыслѣ поющихъ, берутъ въ руки по чашкѣ, которыя наполняются арькой, становятся передъ почетнѣйшими изъ гостей мужчинами, не выключая и хозяина, и затягиваютъ пѣсню. (Обыкновенно «уту дун», или «шаштыр дун» — длинную, протяжную). Пропѣвши нѣсколько куплетовъ, пѣвцы останавливаются; гости, не вставая, берутъ изъ рукъ чашки, молча выпиваютъ арьку и чашки возвращаютъ, послѣ чего пѣвцы доканчиваютъ уже пѣсню. Вслѣдъ затѣмъ мужчины садятся, передавъ чашки свои предварительно двумъ женщинамъ, вставшимъ по предложенію хозяина. Женщины въ такомъ же порядкѣ, какъ и мужчины, подносятъ арьку сначала всѣмъ мужчинамъ по порядку старшинства, какъ они сидятъ, а затѣмъ и женщинамъ, начиная съ хозяйки или почетной гостьи и подвигаясь къ двери. Если кто изъ гостей не пьетъ арьки, то онъ долженъ отвѣдать («амсху арька»). Когда всѣ гости обнесены разъ, то первую пару женщинъ смѣняетъ другая, но теперь арьку предлагаютъ однимъ мужчинамъ, строго придерживаясь порядка старшинства. Женщинамъ водки уже не предлагаютъ, а вмѣсто того передъ ними ставятъ одинъ или два раза въ вечеръ «сладкія угощенія»—пряники, борцоги и т. п.

Всю ночь съ самыми короткими перерывами про-

исходятъ въ одномъ и томъ же порядкѣ пѣніе и питье арьи. Одновременно съ этимъ происходятъ также непрерывно и танцы, начинаясь послѣ того, какъ обнесутъ арькой всѣхъ гостей въ первый разъ.

Сначала вечера обыкновенно танцуютъ въ одиночку, потомъ по два, и лишь дѣти танцуютъ въ большемъ количествѣ. Только первый танцоръ встаетъ по приглашенію хозяина; остальныхъ же приглашаетъ самъ танцующій: онъ прикасается слегка къ лѣвому плечу одного изъ присутствующихъ, и тотъ смѣняетъ его, и такое приглашеніе носитъ названіе «бѣгѣн оѣгѣнѣ». Танцоръ всегда становится противъ «домбрѣйчѣй» лицомъ къ нему; если же танцуютъ двое, то становятся одинъ за другимъ, лицомъ все-таки къ «домбрѣйчѣй», причемъ если участвуетъ женщина, то она становится впереди, а мужчина сзади ея.

Домбра раздается непрерывно всю ночь, причемъ уставшій музыкантъ смѣняется другимъ, танцующіе непрерывно являются и порядокъ такой нарушается лишь эпизодами въ родѣ, наприм., слѣдующаго: танцуетъ какой-нибудь ребенокъ-сирота или бѣднякъ и онъ, по приглашенію хозяина, протанцовавши передъ домбрѣйчѣй, начинаетъ пѣть какую-нибудь шутиливую или дѣтскую («ахархан-дун») пѣсню и, приплясывая обходить съ протянутыми руками всѣхъ гостей, (держась порядка все-таки старшинства), а гости дарятъ его мелкими монетами.

Женщины сидятъ все время пирушки совершенно спокойно и по виду безучастно къ происходящему: рѣдко проскользнетъ улыбка или раздается сдержанный шопотъ; мужчины же ведутъ себя развязнѣе и, по мѣрѣ выпитой водки, языкъ все болѣе и болѣе развязывается. Сначала пѣніе и танцы происходятъ спокойно, но потомъ въ поощреніе пѣвцовъ и танцоровъ начинаютъ раздаваться возгласы: «хадрысь!» (бодрѣй!) «ѣркѣ!» (выше!) Возгласы сначала прорываются въ одиночку, а потомъ становятся общимъ крикомъ всѣхъ мужчинъ, причемъ каждый кричитъ, что есть силы.

Къ концу вечеринки ряды мужчинъ видимо начинаютъ рѣдѣть; по мѣрѣ того, какъ хмѣль одолеваетъ, мужчины незаметно выходятъ изъ кибитки и уже не возвращаются. Каждая вечеринка заканчивается ужиномъ; рѣдко предлагаютъ чай, а обыкновенно баранину. Причемъ сначала ужинъ подаютъ женщинамъ и только уже остатки отъ женщинъ въ тѣхъ же посудахъ, что ѣли женщины, передаются мужчинамъ. Послѣ ужина встаютъ женщины и уходятъ, и «вечеринка» заканчивается.

Танцы калмыковъ совершенно оригинальны и однообразны: они состоятъ въ движеніи рукъ, притопываніи на одномъ мѣстѣ съ небольшими легкими, мѣрными скачками справа налево и слѣва направо и съ весьма рѣдкими круговыми движеніями. Прежде всего у танцующаго руки поднимаются вверхъ, причемъ у богато одѣтыхъ женщинъ рукава свѣшиваются настолько, что закрываютъ кисти рукъ; у мужчинъ же, напротивъ, кисти открыты и движе-

нія пальцевъ составляютъ одну изъ фигуръ танца. Характерный приемъ въ танцахъ состоитъ въ томъ, что когда одна рука поднимается вверхъ и впередъ, другая опускается внизъ и назадъ, причемъ кисть руки выворачивается нѣсколько впередъ (и вверхъ) и назадъ (внизъ), движеніе происходитъ медленно и едва замѣтными для глазъ прыжками, особенно вверхъ; когда рука поднялась вверхъ, она вытягивается во всю длину и у мужчинъ мускулы сильно напрягаются. По временамъ одна рука берется въ бокъ, а другой въ это время дѣлаются движенія почти круговыя сверху внизъ. По временамъ рука опущенная внизъ загибается назадъ, причемъ танцующая женщина попеременно то правою, то лѣвою рукою, именно верхнюю часть кисти слегка третъ по боковой поверхности одежды, производя особый шелестъ. У мужчины движенія рукъ сопровождаются судорожными подергиваніями то всего стана, но такъ, что нижняя половина корпуса не принимаетъ участія въ судорогахъ, то судорожное движеніе, постепенно возрастающее въ силѣ и скорости, охватываетъ поочередно то правое, то лѣвое плечо, то весь корпусъ слегка наклоняется впередъ, а голова при этомъ впередъ и нѣсколько въ сторону. Пальцы рукъ у мужчинъ, при поднятіи вверхъ, тоже движутся то вмѣстѣ, то порознь. Что касается движенія ногъ, то женщины танцуютъ почти на одномъ мѣстѣ съ едва замѣтными легкими передвиженіями то вправо, то влево, при этомъ обѣ ноги движутся легко, плавно и положеніе всего корпуса женщины при танцѣ ровное, спокойное. У мужчины движенія энергичнѣе, требуютъ болѣе мѣста и изрѣдка бываютъ круговыя.

Однообразіе и бѣдная варіировка частныхъ въ танцахъ калмыковъ связывается теперь уже довольно установившимися приемами, исполненіе которыхъ обязательно болѣе или менѣе для всякаго танцующаго. Главныхъ установившихся приемовъ, или фигуръ въ калмыцкомъ танцѣ собственно пять: 1-я фиг. «тошна», — когда ноги дѣлаютъ поступательныя движенія справа налево и слѣва направо; 2-я фиг. — «сюбеган тѹлнѣ», когда руки берутся попеременно въ бокъ и производятся судорожныя движенія плечами; 3-я фиг. — «дорд орнѣ», когда танцующій нѣсколько пригибается впередъ; 4-я фиг. — «эмен цокна», когда дѣлаются еще особыя движенія плечами — вверхъ, сжимая ихъ, и внизъ, расправляя, и 5-я фиг. «иргимѣ» — обороты вокругъ себя. Самые же танцы не носятъ отдѣльныхъ названій, а называются по мотивамъ игры на домбрѣ: «чикин-ден», «тѹла» (заяцъ) и пр.

Музыкальный инструментъ, подъ игру котораго производятся танцы, — это «домбѣр». «Домбѣр» имѣетъ большую аналогію съ великорусской балалайкой, хотя форма ея болѣе разнообразится, чѣмъ послѣдняя. Устройство ея такое: къ невысокому ящику 3-хъ угольной или закругленной формы (фиг. 40) приделана длинная ручка, такъ что весь инстру-

ментъ въ длину бываетъ болѣе 1 аршина. Струнъ въ домбрѣ двѣ — басъ и прима, настроенныя въ унисонъ: на ящикѣ струны привязываются къ колышкамъ и поддерживаются, какъ въ скрипкѣ подставкой («тепкѣ»), а на ручкѣ натягиваются двумя колышками («чикѣн»); вдоль ручки расположены 8 ладовъ («бернѣ»), навязанныхъ изъ струнъ.

Игра на домбрѣ производится такъ, какъ и на балалайкѣ, т. е. легкими движеніями рукъ слѣва на право ударяютъ по струнамъ и, само собою разумѣется, что звуки получаются глухіе, тихіе, и самая игра совершенно однохарактерна. Только благодаря небольшому пространству кибитки пляска подъ домбѣръ возможна; иначе звуковъ инструмента не было бы слышно; при большихъ собраніяхъ иногда разомъ играетъ 2—3 домбры. Инструментъ настолько не сложенъ, что обыкновенно его дѣлаетъ каждый калмыкъ себѣ и только немногіе покупаютъ. Цѣна хорошей домбры 2 р. Струны для нея выдѣлываютъ калмыки изъ кишекъ овецъ.

Нерѣдко игра на домбрѣ служитъ лишь аккомпанементомъ къ пѣнію пѣсень шутиливыхъ («ахархан дун») и историческихъ («хѹчин цѣган дун»).

Болѣе пріятный, но весьма рѣдко встрѣчаемый уже теперь въ степи музыкальный инструментъ «ятѣгѣ». Этотъ инструментъ скорѣе всего можетъ быть названъ 8-ми струннымъ гуслями. «Ятѣгѣ» (фиг. 41) представляетъ собою длинный ящикъ аршина въ $1\frac{1}{2}$ и даже болѣе, изогнутый въ одномъ мѣстѣ подъ тупымъ угломъ; толщина ящика около $\frac{1}{4}$ арш., а ширина около $1\frac{1}{2}$ четв.; короткая часть изгиба представляетъ собою ножку; на противоположномъ отъ изгиба концѣ ножка («кѣль») сдѣлана въ видѣ подставки. По всей нижней поверхности инструмента сдѣланы небольшія круглыя отверстія, а на верхней — помѣщены металлическія струны, которыя на прямомъ концѣ «ятѣгѣ» укрѣплены колышками («шигширге») неподвижно, а на другомъ, именно на ребрѣ изгиба («дер») натягиваются посредствомъ ключа подвижными колышками («чикин»). Каждая изъ 8-ми струнъ поддерживается довольно высокими деревянными подставками («тепкѣ»), которыя располагаются не в рядъ, а какъ показано на рисункѣ. При игрѣ «ятѣгѣ» ставятъ на землю, музыкантъ, сидя около нея, правой рукою перебираетъ струны близко къ концу ихъ, а лѣвой ладонью руки надавливаетъ ихъ позади подставокъ, чѣмъ и измѣняетъ тоны. Переборъ струнъ бываетъ двухъ родовъ: то струны берутъ пальцами, какъ въ игрѣ на гитарѣ, то ихъ отбиваютъ ногтями пальцевъ. Игра на «ятѣгѣ» довольно мелодична.

Вообще нужно замѣтить, что калмыки любятъ музыку, почти всѣ они играютъ на «домбрѣ», и къ нимъ начинаютъ проникать и русскіе инструменты — скрипка («скрипка»), гармонія («гармонь»); пришлось встрѣтить въ степи у калмыковъ даже рояль («роель»), аристонъ, музыкальный ящикъ. Самую игру на разныхъ инструментахъ калмыки обозначаютъ

разными терминами («цокнѣ», «дельдѣнѣ», «татнѣ»), сообразно съ характеромъ игры, именно: 1) «домбѣръ цокнѣ, хонхо (колокольчикъ) «цокнѣ», и рояль «цокнѣ»; 2) «ятѣгѣ» дельдѣнѣ, также и «кингерге цанг дельдѣнѣ», (религ. INSTR.). 3) «скрипка татнѣ», а равно «гармонь», «бичкюръ», «бюра», «дунг татнѣ».

Второй видъ увеселенія — это арько-вареніе.

Арько-вареніе въ кибиткѣ калмыковъ происходитъ довольно часто: арьку не варятъ только семьи, не имѣющія скота. Особенно сильно идетъ производство арьи весной, когда дойнаго скота много и корма обильны. Тогда рѣдка семья не варитъ арьи ежедневно, семьи же болѣе богатыя скотомъ варятъ въ день по два и по три раза. Но потомъ, по мѣрѣ уменьшенія кормовъ и пониженія удою, сокращается и арько-вареніе, а зимою оно и совершенно исчезаетъ: арьку въ это время можно встрѣтить лишь у степныхъ богачей. Обыкновенно въ кибитку, гдѣ варится арька, собираются пожилыя лица, главнымъ образомъ мужчины со всего хотона, такъ что получается всегда родъ пирушки. Самое питье арьи сопровождается обычно-обрядовымъ церемоніаломъ. Когда арька готова, женщина снимаетъ крышку и ставитъ котелъ передъ хозяиномъ кибитки. Послѣдній прежде всего наливаетъ арьи въ «таклын цѣкцо» (жертвенную чашку) и ставитъ ее передъ бурханами на «таклын ширѣ» (жертвенный столикъ) или на барунъ-баранѣ; а затѣмъ совершается обрядъ «зулѹк—ѣркѣхѣ», который состоитъ въ слѣдующемъ. Хозяинъ льетъ въ чашку немного арьи и выливаетъ ее въ огонь очага, произнося: «нгалын окин тенгыр иршатѣгѣ» (пусть милуетъ насъ огненный Окинъ-тенгиръ); льетъ во второй разъ арьку въ чашку и мечетъ ее въ небо, вверхъ со словами: «деэдын олын бурхан иршатѣгѣ» (пусть милуютъ насъ всѣ боги); третью чашку мечетъ въ дверь и говоритъ: «ѣркнѣсѹ эмелта мѣрин бичикгѣ хоехтеттѣ» (пусть лошадь стоитъ въ сѣдлѣ постоянно); «орши—ортѣгѣ, гарни ботѣгѣ, ѣха гекію обчин ѹгѣ болтогѣ, ѣба икю зарга ѹгѣ болтогѣ» (пусть будетъ приходъ, а не расходъ; да минетъ всякая болѣзнь; да не зовутъ хозяина въ судъ); въ 4-й разъ льетъ арьку на «хапхык» (слѣпокъ изъ глины) со словами: «чингис-бокдо-хан сакѹсын оршаджѣ» (пусть милуетъ сакусынъ Чингисъ Богдо-хана); наконецъ, пятую подаетъ уже или почетному гостю, или же, если такого нѣтъ въ кибиткѣ, самъ выпиваетъ, а потомъ уже питье идетъ по порядку старшинства сначала въ ряду мужчинъ, а потомъ въ ряду женщинъ, пока первая чашка не обойдетъ всѣхъ, послѣ чего пьютъ и внѣ порядка. Каждый изъ пьющихъ первую чашку старается произнести «ѣраль» — пожеланіе, выраженное въ возможно общихъ витиеватыхъ фразахъ, напр.: «пусть сбудется то, что желаютъ старшіе», или «пусть духовенство укрѣпится, а міръ возвеселится».

Описанный обрядъ «зулѹк ѣркѣхѣ» иногда варіируется; напр., къ фразѣ — «пусть милуетъ духъ хра-

нитель Чингисъ Богдо-хана», прибавляют «и насть», въ рѣчи при литіи за порогъ вставляютъ еще фразу: «если кто спроситъ, чья это кибитка, то это кибитка такого-то» (имя и отчество хозяина). Въ улусахъ владѣльческихъ, гдѣ нойоны живутъ въ улусахъ, при литіи на «хапхык» упоминаютъ и имя владѣльца. Иногда, если въ кибиткѣ находится русскій чиновникъ или русское лицо вообще, то калмыки прибавляютъ слова «цаган хан» (бѣлаго царя). Но нерѣдко уже среди калмыковъ весь сложный обычай «зудук ергехѣ» практикуется въ сокращенномъ видѣ, именно, при литіи арки въ прежнемъ порядкѣ каждый разъ произносится одна и та же фраза— «цок керхен».

Арка, какъ видно изъ обрядовъ брачныхъ и родинныхъ, играетъ важное значеніе въ бытѣ калмыковъ, но она, кромѣ этого, приносится въ подарокъ и важному гостю, и зайсангу, и нойону, и «бортого арки» считается довольно почетнымъ подаркомъ. Но еще болѣе цѣнятся въ бытѣ калмыковъ арка, какъ угощеніе, непринятіе котораго не только обидно, но и грозитъ несчастіемъ кибиткѣ. Если посторонній входитъ въ кибитку въ то время, когда варится «тепленькая» или только дѣлаются приготовления къ ея варенію, онъ уже не долженъ уйти раньше, какъ напитокъ будетъ готовъ и гость выпьетъ или хотя отвѣдаетъ его. Относительно другихъ кушаньевъ обычаи менѣе требовательны: зашедшему въ кибитку при вареніи, напр., мяса или чаю, нельзя уѣзжать, не отвѣдавши пищи; но если только дѣлаются приготовления къ ихъ варенію, то онъ можетъ ограничиться тѣмъ, что броситъ «аргасун» (кизякъ) въ огонь очага, а затѣмъ выйти. Въ такихъ требованіяхъ калмыцкой семьи къ посѣтителю ея кибитки выражается гостепрѣимство калмыковъ, чѣмъ вообще отличаются астраханскіе калмыки.

Кибитка калмыка, кромѣ экстра-ординарныхъ случаевъ, какъ болѣзнь, роды и т. п., всегда открыта для постороннихъ, и каждый калмыкъ, знакомый или незнакомый, заходитъ въ любую кибитку. Онъ входитъ, спокойно садится на мѣстѣ согласно національному этикету, закуриваетъ трубку, принимаетъ участіе въ разговорѣ, какъ у себя въ кибиткѣ; хозяева, если только это лицо не изъ важныхъ, нисколько не нарушаютъ своего порядка въ жизни; но если они станутъ ѣсть или пить что-либо, они

обязательно предложить и вошедшему. При угощеніи гости всегда угощаютъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ сѣлъ. Обыкновенно пищу наливаютъ въ чашку, если это чай, или хозяйка кладетъ въ табыкъ мясо, а хозяинъ или слуга держатъ чашку и подаютъ гостю, если онъ старше ихъ; если же онъ моложе, то самъ держитъ чашку, пока хозяйка наливаетъ. Изъ рукъ подающаго гость беретъ чашку лѣвой рукой, а правой передъ зайсангомъ, старухой и вообще передъ уважаемымъ лицомъ дѣлаетъ особый знакъ почтенія, который будетъ описанъ ниже, и начинаетъ пить или ѣсть. Выпивши, онъ молча подаетъ чашку и ему снова наливаютъ; когда же хочетъ отказаться, то произноситъ только «болхо» (довольно). Рѣдко гости упрасиваютъ еще ѣсть или пить, произнося «адельтынъ» (кушайте), и въ свою очередь гость не благодаритъ за угощеніе—это неприлично, равно какъ неприлично и отказаться отъ пищи, когда ее предлагаютъ: нужно хотъ отвѣдать («амсху») и затѣмъ передать кушанье меньшему. Угощаютъ калмыки тѣмъ, что у нихъ подъ руками; но при пріѣздѣ и особенно отъѣздѣ важному гостю стараются предложить «бѣлаго напитка»—кумыса или аръяну: пріѣхавшему лицу «бѣлымъ напиткомъ» («напитокъ дружбы и мира») хозяева выражаютъ свой привѣтъ, а отъѣзжающему желаютъ счастливаго пути.

И относительно гостепрѣимства калмыки мало различаютъ своего отъ инородца: и русскому, и татарину, и армянину хозяева равно предлагаютъ пищу и въ свою очередь никогда не откажутся отъ угощенія инородца или вообще пріѣзжаго, разъ послѣдній принялъ угощеніе хозяевъ. Вотъ почему калмыкъ не всегда согласится взять или назначить плату, напр., съ чиновника или путешественника за взятое въ его кибиткѣ мясо или молоко; но онъ приметъ въ видѣ подарка не только что-либо съѣстное, или вещь, но даже и деньги.

Гость, по возвращенію калмыковъ, важное лицо въ кибиткѣ и на обязанности хозяина лежитъ не только ограждать его личность, но и охранять имущество, и хозяинъ обязывается по требованію обычаевъ даже вознаградить, если бы у его гостя, т. е. лица, находящагося въ его кибиткѣ, уворована была какая-нибудь вещь. И дѣйствительно, у калмыковъ случаи воровства изъ кибитокъ чрезвычайно рѣдки, а еще рѣже—воровство у пріѣзжихъ.

главнымъ образомъ онѣ встрѣчаются въ такихъ болѣе дикихъ улусахъ, какъ Эркетеневскій, Харахусовскій и Икицохуровскій улусы. По мнѣнію самихъ калмыковъ, подобныя кибитки служатъ именно передаточными пунктами для воровъ скота. Изъ кибитокъ-особняковъ тоже рѣдкія остаются отдѣльно на зиму, а то и онѣ примыкаютъ къ группамъ кибитокъ.

Вообще же кибитки калмыковъ собираются въ группы, или «хотоны». Какъ можно уже было видѣть изъ свадебнаго обычая, вновь создающаяся путемъ брака кибитка примыкаетъ сразу же къ хотону отца мужа. Такое присоединеніе не чисто механическое, но болѣе внутреннее: новая кибитка есть лишь отдѣльная единица бытовая, но не хозяйственная. Въ хозяйственномъ отношеніи она не стоитъ отдѣльно отъ кибитки отца, братьевъ, а иногда и дяди и племянниковъ, но входитъ въ это хозяйство лишь, какъ составная его часть: невѣстка съ четвертаго дня отправляется уже въ кибитку отца мужа работать, и здѣсь же она и ея мужъ имѣютъ и столъ. Такъ что кибитка отца или старшаго брата, дяди, замѣняющихъ отца, является центромъ для всѣхъ кибитокъ семьи: въ ней происходитъ работа женщинъ, въ ней готовится пища для всѣхъ кибитокъ семьи, изъ нея же исходятъ распоряженія по всему хозяйству. Только по волѣ старшаго, ради спокойствія, иногда кибитка его не служитъ общою кухней, или же въ богатыхъ семьяхъ, гдѣ для кухни назначается отдѣльная кибитка. Такимъ образомъ калмыцкая семья лишь въ исключительныхъ случаяхъ отождествляется съ отдѣльною кибиткою, обыкновенно же ее составляютъ нѣсколько кибитокъ, стоящихъ въ разныхъ степеняхъ родственнаго старшинства. Сообразно съ этимъ у калмыковъ выработались обычаи расположенія кибитокъ семьи (фиг. 49): центромъ служитъ кибитка отца (а) или старшаго въ семьѣ, кибитка сына ставится сзади кибитки отца или по лѣвую сторону отъ нея (б); если есть двѣ кибитки сыновей, то кибитка старшаго сына ставится хотя нѣсколько сзади и направо отъ кибитки отца, а второго—сзади и лѣво отъ нея; кибитка замужней дочери (вдовы) выдвигается впередъ кибитки отца направо (в), кибитка сестры (вдовы) ставится рядомъ направо и нѣсколько всетаки впередъ (г), кибитка брата рядомъ лѣво¹⁾. Нерѣдко впрочемъ дѣлается отступленіе въ расположеніи хотонныхъ кибитокъ отъ требованій родственнаго этикета, но лишь какъ уступка хозяйственнымъ потребностямъ: кибитки располагаются такъ, чтобы скотъ ночью былъ огражденъ какъ мож-

но плотнѣе и со всѣхъ сторонъ, и тѣмъ получалась бы защита отъ волковъ и воровъ.

Кромѣ того, обычай установилъ требованія и въ отношеніяхъ отдѣльныхъ членовъ семьи, причемъ особенное вниманіе обращено на женщинъ, которыя входятъ всегда въ семью изъ чужихъ семей. Невѣста, входя въ семью мужа, не называется по имени родителей его, дядей съ женами, старшаго брата и вообще старшихъ родственниковъ, а даетъ имъ всѣмъ собственные названія, («хадмыхъ» нерынъ), или «хадмык нерынъ»), напр. Маджи называется Шибѣ, вмѣсто Убуши—Соколта и проч.; это почтеніе распространяется иногда и на собаку семьи, которую невѣстка въ такомъ случаѣ называетъ не «ноха», а «даган». И своими дѣйствіями невѣстка должна выражать уваженіе къ старшимъ: она не можетъ сидѣть, когда отецъ или старшій изъ семьи мужа стоитъ, развѣ только въ это время она займется работою. Входя въ кибитку старшаго, она садится лишь по приглашенію, а выходя, переступаетъ порогъ, оборотившись лицомъ внутрь кибитки. Если ей приходится идти вмѣстѣ съ старшимъ, то она идетъ не рядомъ, а сзади его. Подобнымъ требованіямъ обычая слѣдуютъ и всѣ члены семьи, наблюдая во всемъ старшинство. Напр., при старшемъ лицѣ никто изъ младшихъ, даже его жена одновременно съ нимъ не пьютъ чаю, кумысу и проч., а начинаютъ пить, когда отвѣдаетъ старшій, и пьютъ опять его по старшинству; при равныхъ членахъ въ семьѣ могутъ пить разомъ всѣ, кромѣ жены.

Благодаря такому этикету уваженія, въ калмыцкой семьѣ обыкновенно посуды бываетъ не много, напр. одна, двѣ, три чашки, и затрудненій не происходитъ, потому что чашка послѣ старшаго переходитъ къ младшему.

Семейно-родственное начало составляетъ главное основаніе для группировки кибитокъ въ хотонъ, и родственныи хотонъ можно назвать первымъ и основнымъ видомъ хотона, хотя въ чистомъ видѣ эту форму теперь можно рѣдко наблюдать. Но и въ группировкѣ хотона не изъ родственныхъ кибитокъ нельзя не замѣчать слѣдовъ родственнаго принципа, хотя бы только въ видѣ фикціи. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще строго сохраняется обычай, что въ составъ хотона посторонняя кибитка принимается послѣ того, какъ хозяинъ ея дастъ согласіе подчиниться обычаямъ хотона, чѣмъ онъ какъ бы дѣлается родственникомъ. Только родственностью основаній еще не вполне отжившихъ можетъ объясниться такой фактъ, что въ хотонѣ совершенно не родственномъ къ старшему между ними относятся какъ бы къ старшему по родству¹⁾. Далѣе, каждый хотонъ среди калмыковъ, какъ родственныи, такъ и

2. Жизнь хотоновъ. Группировка кибитокъ и виды хотоновъ. Повседневная жизнь. Перекочевки. Игры и забавы.

Отдѣльная калмыцкая кибитка никогда не стоитъ особнякомъ, за исключеніемъ единичныхъ случаевъ. Особняки-кибитки—это или кибитки пастуховъ, которые передвигаются за стадами по мѣрѣ вытравливанія ими корма, или кибитки рыбаковъ въ чер-

невыхъ мѣстахъ, сидящихъ отдѣльно ради улова, или, наконецъ, изрѣдка кибитки, промышляющія воровствомъ; послѣднія сидятъ или въ степныхъ низинахъ, или прячутся за возвышенными холмами, вдали отъ дороги; ихъ количество ничтожно и

¹⁾ Сообразно съ такими требованіями обычая, располагаются и всѣ прочія родственныя кибитки. Кибитки калмыковъ, кромѣ перекочевковъ, мѣняютъ часто, недѣли черезъ двѣ, мѣста на одномъ и томъ же пунктѣ, и при этомъ соблюдается правило, что младшій не ставитъ своей кибитки на томъ мѣстѣ, гдѣ была кибитка старшаго, отца, дяди, старшаго брата.

¹⁾ Напр. въ Мало-Дербетов. улусѣ на урочищѣ Амга Бургуста въ хотонѣ Барунъ-Кетчинперова рода изъ 18 кибитокъ калмыка Баслея (отца Мукелена Баслеева) всѣ хотонные называютъ или — «ава» (близкіе родственники) или «дава» (остальные) и никто по имени.

неродственный, всегда носить название по старшему въ немъ. На принципъ родства въ организации всякаго хотона указываетъ и обычай принятія въ хотонъ сиротъ.

Если, напр., сирота безродный избираетъ себѣ опредѣленный хотонъ для жизни, то даетъ клятву — «Анда Варин тѳрилъ», иначе принимаетъ какъ бы присягу на родство и поступаетъ подъ защиту покровителей хотона — «ѳдже абын сакусен», или «уртыксын сакусен», т. е. умершихъ предковъ. Въ клятвѣ, посредствомъ которой пристаетъ къ хотону сирота, дается обѣщаніе, что клянуційся, его дѣти и дальнѣйшіе потомки будутъ уважать всѣ обычаи и установленія хотона и родства, наприм. жена приставшаго къ хотону не будетъ показывать непокрытой головы передъ старшими хотона, не станетъ называть поименно старшихъ хотона и т. д. На родственное начало въ организации хотона указываетъ и обычай помощи однохотоннымъ.

Въ случаяхъ свадьбы, родинъ или несчастія кого-либо, обѣднѣвшій калмыкъ за помощью обращается обыкновенно къ своимъ родственникамъ («тѳрилъ»), а также наравнѣ съ родственниками — къ однохотонникамъ. Для этого онъ покупаетъ водки (или достаетъ аръки) и раздаетъ по бутылкѣ на кибитку, прося помочь ему или поддержать его, и взаменъ получаетъ по барану, коровѣ, такъ что составляетъ цѣлое хозяйство. Такой второй видъ хотона можно назвать составнымъ или смѣшаннымъ или даже сброднымъ.

Въ третьемъ типѣ хотоновъ уже къ родственному принципу примѣшивается начало сословности — это хотоны духовенства, зайсанговъ и нойоновъ. При нойонахъ и зайсангахъ, кромѣ обѣднѣвшихъ, всегда живутъ калмыки въ видѣ прислуги, и послѣдніе носятъ названіе «цохоръ». Кибитки ихъ, хотя располагаются нѣсколько поодаль отъ семейства зайсанговъ или нойоновъ, но составляютъ одинъ хотонъ съ ними. Такимъ образомъ подобный хотонъ будетъ состоять изъ кибитокъ родственныхъ и кибитокъ крѣпостныхъ людей. Подобное же соединеніе происходитъ и въ хотонахъ хурульныхъ, но только здѣсь «цохоръ» составляетъ не изъ подвластныхъ кибитокъ, а изъ кибитокъ призрѣваемыхъ хуруломъ и рабочихъ; («цохоръ» составляютъ также хотоны при ставкахъ улюсовъ).

Четвертый типъ хотона организуется уже на принципѣ хозяйственно-экономическомъ: въ составъ такого хотона входятъ родственныя кибитки человѣка состоятельнаго и его рабочихъ, которые здѣсь уже не называются «цохоръ».

Наконецъ, въ калмыцкой степи подъ вліяніемъ заработковъ на сторонѣ выработался еще пятый типъ хотона — промышленный, гдѣ кибитки группируются въ силу того, что работаютъ на одного хозяина; это хотоны при рыбныхъ промыслахъ, при соляныхъ озерахъ и проч.

Жизнь внутренняя хотона, по какому бы типу

онъ ни сложился, всегда одинакова и однообразна. Она складывается изъ занятій въ кибитки по скотоводческому хозяйству, изъ работъ въ кибиткѣ по сооруженію одежды и изъ приготовленій и приемовъ пищи.

Калмыки, какъ мы уже сказали въ первой главѣ, готовятъ себѣ пищу въ нормальное время три раза въ теченіе сутокъ. Время, остающееся отъ затратъ на пищу и набиваніе трубокъ, идетъ уже на хозяйственные занятія, которыя у женщинъ всегда кропотливѣе, сложнѣе и показнѣе.

Едва наступилъ день, еще до восхода солнца, поднимаются женщины и идутъ къ скоту, доятъ коровъ и отряжаютъ скотъ на пашу, здѣсь же вблизи хотона; не отпускаются одни телята, которыя остаются привязанными. Наступаетъ часъ «урюни» — завтрака: женщины готовятъ пищу, и къ этому времени встаютъ уже и мужчины и остальные члены семьи. Ыда у калмыковъ всегда производится по одному приблизительно такому шаблону: всѣ собрались, пища готова, старшій наливаетъ въ «дѣджин цѣкцѣ» (жертвен. чашку) чаю, или кладетъ въ нее кусокъ мяса или другой пищи, которая сготовлена, и ставитъ ее передъ бурханами («дѣджин берху»), а потомъ пьетъ самъ чай, а за нимъ и другіе; если же сготовленъ «маханъ», то онъ хозяйкою предварительно раскладывается въ два «табынъа»: одинъ для мужчинъ, а другой для женщинъ. Когда пища съедена, дѣти поѣдаютъ и то, что ставилось передъ бурханами.

Послѣ завтрака подростки обоихъ половъ отправляются къ скоту, мужчины идутъ поить скотъ, очищать худуки, копать новые, или же отправляются по дѣлу на сторону, осѣдлавъ лошадь, а не то сидятъ по кибиткамъ и курятъ трубки, а женщины идутъ готовить аргасунъ (кизякъ). Рогатый скотъ всегда ночуетъ въ одномъ мѣстѣ, вблизи кибитокъ, и оставляетъ пометъ; женщины пользуются этимъ, собираютъ его еще свѣжимъ руками, складываютъ въ кучки и, примѣсивши къ нему немного земли, скатываютъ въ вальки, которые, по мѣрѣ накопленія, стаскиваютъ въ одно мѣсто около кибитокъ, гдѣ есть растительность и гдѣ менѣе всего ходитъ скотъ и ѣздитъ люди. Здѣсь тѣсто кизяка раздѣляется на катышки; катышки расплющиваются въ лепешки, продавливаются пальцами, и такія лепешки раскладываются тутъ же на травѣ для просушки.

Промежутокъ между работою на приготовленіе кизяка и обѣдомъ уходитъ на битье масла, варенье аръки и на работы по кибиткѣ: шитье и починка одежды, тканье «хоншымъ» (тесмы), пряденье шерсти, плетенье веревокъ и пр. Послѣ обѣда женщины и подростки-дѣвушки, взявши «ѳта» (кожаные мѣшки) отправляются въ степь собирать сухой аргасунъ на топливо и возвращаются съ полными мѣшками къ тому времени, когда наступаетъ уже пора прихода съ пастбища скота, вечернее доеніе коровъ, устройство его на ночь. Остатокъ времени затрачи-

вается на складываніе утромъ разложенныхъ для просушки плитокъ аргасуна: ихъ складываютъ въ круглыя кучи и сверху отъ сырой погоды замазываютъ глиной съ свѣжимъ каломъ; на другой день на ту же кучу кладутъ новыя плитки, и такъ куча растетъ до того времени, пока хотонъ не откочуетъ. Передъ выкочевкой кучи окончательно замазываются сверху и оставляются на мѣстѣ: это топливо для зимы, и его свезутъ потомъ постепенно въ мѣста, гдѣ будетъ зимняя кочевка.

Мужчины послѣ обѣда обыкновенно спятъ, а тамъ наступаетъ время вечерняго водопоя, когда они отправляются къ худукамъ. Вмѣстѣ со скотомъ возвращаются подростки-пастухи, и къ вечеру собирается вся семья.

Наступаетъ время ужина, и затѣмъ въ хотонѣ воцаряется мертвая тишина. Лѣтомъ калмыки не зажигаютъ огня и съ наступленіемъ полныхъ сумерокъ жизнедѣятельность хотона затихаетъ съ тѣмъ, чтобы съ зарей снова пробудиться.

Зимой картина жизни хотона нѣсколько мѣняется; женщины болѣе сидятъ съ дѣтьми въ кибиткѣ, а зато мужчинамъ въ это время работы прибавляется: на нихъ уже лежитъ забота о скотѣ, бродящемъ въ степи, о сохраненіи его во время шургановъ, объ очисткѣ мѣста отъ снѣга для ночевки верблюдовъ и проч.

Тамъ монотонно проживаетъ хотонъ день за днемъ до новой перекочевки; перекочевка оживляетъ все населеніе. Когда мѣсто для новой кочевки хозяевами хотона осмотрѣно, приступаютъ къ ломкѣ кибитокъ и навьючиванію верблюдовъ. Приводятъ вьючный скотъ и начинаютъ разбирать кибитки, что у торговскихъ калмыковъ выражается словомъ — «разбирать кибитку», а у дербетовскихъ — «ломать кибитку».

Прежде чѣмъ уложить верблюда для навьючиванія, кладутъ подъ нимъ два неравной длины аркана, сшитые вмѣстѣ на серединѣ такъ, что скрѣпленіе, обшитое кошмой («кистѣ аргамджѣ») приходится подъ брюхомъ верблюда. На спину улегшагося верблюда кладутъ прежде всего кошму, выкроенную сообразно съ горбами и самые горбы обертываютъ кошмами, а середину между двухъ горбовъ заполняютъ шубами, овчинами, кошмами. По обоимъ бокамъ верблюда кладутъ или «тѳрмѣ» (рѣшетки) съ надѣтыми по обоимъ концамъ «термин дукту» (мѣшки въ $1\frac{1}{2}$ арш. длины, изъ чернаго, краснаго или бѣлаго сукна, бѣдняки обходятся и безъ нихъ), или привязываютъ по связкѣ уннѣ, вложенныхъ въ кошменды небольшіе мѣшки (дукту), или, наконецъ, части кровати. Все наложенное обвязываютъ первымъ арканомъ, лежащимъ подъ верблюдомъ, болѣе короткимъ, и образуютъ такимъ путемъ первый нижній вьюкъ, который носитъ названіе «хомъ». Сверхъ него кладутъ короткій арканъ и потомъ привѣшиваютъ связанные вмѣстѣ или два сундука равнаго вѣса, или два «ѳкюк», связываютъ ихъ арканомъ и на спинѣ скручиваютъ палочкой («тек»); да-

лѣе кладутъ вещи со стороны головы и хвоста и образовавшееся на спинѣ углубленіе — заполняютъ мягкой рухлядью. Все это покрываютъ или большимъ ковромъ, или пологомъ, или кошмой и обвязываютъ по разнымъ направленіямъ длиннымъ арканомъ («эки аргамджи»). Этимъ заканчивается навьючиваніе, и получается «темен апан» (навьюченный верблюдъ). Въ томъ же порядкѣ навьючиваютъ и остальныхъ верблюдовъ. Когда всѣ верблюды навьючены, ихъ заставляютъ встать и привязываютъ одного сзади другого всѣхъ верблюдовъ семьи. На верблюдовъ при кочевкѣ навьючиваютъ не болѣе 15 пудовъ, такъ какъ вещи громоздки. Для средней кибитки нужно 8—12 верблюдовъ, а для бѣдной 3, и только полукибитка навьючивается на двухъ животныхъ. Такимъ образомъ всегда получается довольно большой караванъ. Впереди каравана ѣдетъ верхомъ на лошади (а у бѣдныхъ идетъ пѣшкомъ) хозяинъ кибитки и ведетъ за «бурунтукъ» (поводъ) 1-го верблюда, или же се замѣняетъ работникъ, и въ такомъ случаѣ хозяинъ ѣдетъ рядомъ съ верблюдомъ, гдѣ находится дѣти, или же сидитъ вмѣстѣ съ ними; на навьюченныхъ верблюдахъ помѣщаются также старики и старухи.

У достаточныхъ людей всѣ члены семьи, которые могутъ ѣздить, т. е. кромѣ малолѣтнихъ дѣтей и глубокихъ стариковъ, и самъ хозяинъ ѣдутъ на лошадяхъ. Рядомъ съ караваномъ гонятъ и скотъ или работники, или подростки, или самъ хозяинъ. Караванъ идетъ шагомъ, но молодежь, ѣдущая на лошадяхъ, устраиваетъ на пути родъ скачекъ, забавляется, веселится, поетъ пѣсни.

На пути, если переходы большіе, караванъ останавливается. и населеніе его подкрѣпляетъ себя взятиями съ собою на этотъ случай продуктами — молокомъ, кумысомъ, аръкой. Если вблизи дороги каравана встрѣчаются хотоны родственниковъ или знакомыхъ, то хотонные приглашаютъ къ себѣ въ кибитки и угощаютъ кочующихъ аръкой, кумысомъ, а главнымъ образомъ чаемъ.

На новое мѣсто прежде всѣхъ прискакиваютъ верховые, снимаютъ сѣдла, тренуютъ лошадей, разводятъ огонь и закуриваютъ трубки; тѣмъ временемъ подходятъ верблюды и ложатся; вьюки съ нихъ снимаютъ, а ихъ пускаютъ пастись. Начинается немедленно постройка кибитокъ. Если на мѣстѣ кочевки есть уже раньше осѣвшія кибитки, то хозяева послѣднихъ приносятъ прикочевывшимъ чай, кумысъ, аръянъ, поздравляютъ съ новосельемъ. Въ случаяхъ же осѣданія на урочищѣ, гдѣ нѣтъ сидѣвшихъ кибитокъ, то, построивши кибитку совершенно, вносятъ въ нее огонь и прежде всего варятъ чай.

Такимъ порядкомъ совершаются всѣ перекочевки въ калмыцкой степи, исключая первой кочевки послѣ зимы, когда совершается еще такая обрядовая церемонія: послѣ того, какъ навьюченныхъ верблюдовъ поднимутъ на ноги и выравняютъ въ одну линію, на пути, куда предполагается идти каравану,

разводить в два ряда огни, бросают в них соль, и караванъ проѣзжаетъ между огней.

Но есть уже и отступленія отъ типичной формы перекочевки. Въ черневыхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ и верблюдовъ и сухопутной дороги, калмыки кочуютъ на лодкахъ; по окраинамъ степи, гдѣ явился уже въ калмыцкихъ хозяйствахъ рабочий скотъ, кочуютъ и на арбахъ, запряженныхъ верблюдами, и на воловьихъ телѣгахъ. Бѣдняки при недалекихъ перекочевкахъ за неимѣніемъ верблюдовъ вьючатъ лошадей и коровъ.

Въ разныхъ мѣстахъ степи, въ разное время года и при разныхъ условіяхъ погоды, переходы при перекочевкахъ бываютъ далеко не сходны. Весною, когда кормовъ много, переходы небольшие; лѣтомъ же, при засухахъ, напротивъ, пространства, проходимыя при перекочевкахъ, увеличиваются.

Но вообще въ разъ, за одинъ день кочующій караванъ никогда не проходитъ болѣе 25 верстъ, обязательно уже почувствъ и даже дѣлаетъ дневку. По проходимому пространству перекочевки обыкновенно самими калмыками дѣлятся на три типа: большая кочевка—около 25 верстъ, средняя—около 20 и малая—около 15 верстъ; эти перекочевки и служатъ собственно у калмыковъ мѣрою вообще пространства подъ именомъ «бері».

Что же касается условій, которыя вызываютъ перекочевки и регулируютъ ихъ, то они довольно многоасложны. Существенныя причины, управляющія кочевками астраханскихъ калмыковъ, безъ сомнѣнія, чисто хозяйственно-экономическія и топографическія, но примѣшиваются къ этимъ причинамъ и побужденія обрядовыя, суевѣрныя. Какія бы условія хозяйственныя ни являлись для ускоренія перекочевки, но калмыкъ не послѣдуетъ за ними, не справившись предварительно о тяжелыхъ дняхъ, а такихъ дней не мало бываетъ въ году.

Вотъ списокъ тяжелыхъ дней: каждый мѣсяцъ «ноха эдыр» (дни собакъ), которые въ одинъ мѣсяцъ повторяются два раза, т. е. въ годъ 24 дня «ноха»; день кочевки годового хозяина; 3, 13 и 23 каждого мѣсяца въ дни «сарын горбун горбундѣ», или 36 дней въ году; въ большой черный день «ики хара эдыр» или «кгамба-кюндзык», каждого мѣсяца, именно: 7 декабря, 4 января, 21 февраля, 8 марта, 16 апрѣля, 24 мая, 9 июня, 18 июля, 27 августа, 10 сентября, 20 октября и 30 ноября, или въ годъ 12 дней; дни специально запрещающіе кочевки, именно: 11 и 12 декабря, 8—9 января, 4—5 февраля, 4—5 марта, 2, 3 и 10 апрѣля, 7 и 28 мая, 25—26 июня, 23—24 июля, 20—21 августа, 18—19 сентября, 16—17 октября, 13—14 ноября, т. е. еще 25 дней. Такимъ образомъ въ году бываетъ 98 дней тяжелыхъ, или правильнѣе около 90 дней, такъ какъ въ нѣкоторые дни сходятся и по два запрещенія. Это только дни, обязательные для руководства всѣмъ калмыкамъ. Но есть еще дни тяжелые частные для рода и даже семьи. Напр: въ

Шабинеровомъ роду Яндыков. ул., кромѣ общихъ дней, существуютъ еще особые дни: а) «сарай горбун дербен дѣ горчй эбдык ѳга», именно 4, 14 и 24 каждого мѣсяца, когда нельзя выѣзжать даже изъ хотона; б) дни «кюндца», когда самъ хозяинъ не удаляется отъ хотона и не даетъ лошади и верблюда для поѣздки другому. Однимъ словомъ, не менѣе 1/3 года нельзя кочевать. Если же какая-нибудь крайность вынуждаетъ въ одинъ изъ назначенныхъ дней кочевать, то хозяинъ долженъ предварительно наканунѣ снять съ кибитки верхнюю кошму, покрывающую харахи. Очевидно, сниманіе кошмы съ кибитки наканунѣ откочевки въ тяжелый день есть уступка хозяйственно-экономическимъ требованіямъ.

Въ степи въ періоды засухъ, когда хозяйство калмыковъ терпитъ и отъ недостатка кормовъ и водопоевъ, одинъ дождь производитъ буквально перестановку кибитокъ; послѣ дождя уже на другой день нерѣдко нельзя найти ни одной кибитки на томъ урочищѣ, гдѣ ихъ было много наканунѣ дождя¹⁾. При засухахъ кибитки толпятся около худуковъ и колодезевъ ради водопоя, и потому здѣсь въ окружности кормы истреблены, но лишь выпалъ дождь, кибитки немедленно снимаются, идутъ въ глубь степей, гдѣ образовались «цандыкы» (дождевыя лужи) и гдѣ корма, благодаря недоступности степи по безводью въ сухое время, сохранились. Пропускъ въ этомъ случаѣ даже одного дня для хозяйства калмыцкаго имѣетъ весьма серьезное значеніе, и вотъ на такіе-то случаи и сдѣлана уступка, позволяющая перекочевки и въ неположенные для этого дни, при условіи снятія верхней кошмы наканунѣ запрещеннаго дня. Хозяйственно-экономическія причины, вызывающія и регулирующія перекочевки, сводятся къ корму и водопою. Степь калмыцкая въ данный моментъ, при примитивныхъ способахъ ея кочевыхъ обитателей добывать почвенную воду, не равно доступна въ разныхъ своихъ мѣстахъ для эксплуатаціи ея кормовъ: тѣ мѣста степи, гдѣ есть поверхностная вода, или гдѣ подъ силу отдѣльному хотону или группѣ хотоновъ выкапывать себѣ «худук» (копань), обитаемы въ теченіе круглаго года; но есть не мало мѣстъ въ степи, гдѣ поверхностной воды нѣтъ, а почвенныя воды залегаютъ глубоко, — и такіе мѣста населяются лишь зимою, или же въ дождливые періоды въ другое время года. Отсюда раз-

¹⁾ Вотъ нѣсколько примѣровъ: на урочищѣ Ёбсыръ кичи-хуров. ул. при худукахъ до дождей 14—15 августа 1885 г. сидѣли 10 хотоновъ и болѣе тѣмъ сто кибитокъ Зюнгар рода калмыковъ, а послѣ дождя, который образовалъ по степи «цандыкы» (лужи), здѣсь остался одинъ хотонъ въ 8 кибитокъ. На урочищѣ Шолда (Икиц. ул.) 9 августа того же года было 8 хотоновъ, но вода въ худукъ испортилась, и 14 августа остался только одинъ хотонъ въ 7 кибитокъ. На уроч. Хорто (Эркетев. ул.) 24 іюля 1885 г. сидѣло болѣе 200 кибитокъ около цандыковъ, разбиваясь на хотоны по 3, 5, 8, 9 и 10 кибитокъ: всѣ они скочевали сюда послѣ выпавшаго здѣсь дождя.

селеніе калмыковъ по степи, группировка ихъ по урочищамъ и по хотонамъ совершенно различны, смотря по состоянію кормовъ и водопоевъ.

Зимою и въ дождливое время года калмыки сидятъ большими хотонами и распределяются по урочищамъ довольно равномерно, сообразно отношенію наличнаго скота къ корму и водѣ; въ сухое время года картина другая: хотоны раскалываются, мельчаютъ и стекаются въ мѣста худучныя, и цѣлыя пространства степи обезлюдѣваютъ совершенно. Въ годы благоприятныя по количеству выпадающей влаги кочевки регулярны, послѣдовательны: съ весны калмыки удаляются отъ зимовки въ глубь степи, а къ осени приближаются къ зимовкѣ, послѣдовательно вытравляя кормъ; тогда-то практикуются малые и средніе переходы—въ 15—20 верстъ за разъ; въ годы же засухъ калмыки мечутся по степи, идутъ зигзагами, скачками, то уходя быстро впередъ, то возвращаются назадъ,—переходы понятно увеличиваются.

Но рядомъ съ хозяйственно-экономическими причинами топографическаго типа вліяютъ на кочевки и причины чисто экономическія; иначе въ степи кочуютъ бѣдняки, иначе среднія хозяйства, иначе богачи,—все зависитъ отъ числа скота и вида скота—лошадей, овецъ, верблюдовъ и рогатаго скота. Бѣдняки, для ничтожнаго количества скота которыхъ не требуется особенныхъ запасовъ корма, тѣмъ болѣе, что рогатый скотъ и верблюды ихъ мирятся и съ скудными кормами, наименѣ подвижны, и перекочевки ихъ вращаются въ сравнительно небольшихъ районахъ; тутъ, конечно, вліяетъ и недостатокъ вьючнаго скота для дальнихъ перекочевковъ. Совершенную противоположность составляютъ степные богачи; ихъ табуны лошадей и стада овецъ быстро истребляютъ подножный кормъ и требуютъ много воды, отчего и является громадность проходимыхъ ихъ стадами пространствъ и частая смѣна кочевковъ. Собственно семьи богачей всегда остаются въ предѣлахъ излюбленныхъ, насиченныхъ мѣстъ, а двигаются непрерывно лишь ихъ стада съ семьями пастуховъ. Въ благоприятное для скота время, скотъ богачей бродитъ огромными стадами и табунами, и пастухи двигаются за ними съ семьями, осаживаясь небольшими хотонами; въ періоды безкормицы и засухъ стада разбиваются, не останавливаются подолгу на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, и тогда пастухи уже слѣдуютъ за ними безъ семей, налегкѣ. Подъ вліяніемъ часто повторяющихся безкормицъ и засухъ въ Астраханской степи выработался и особый типъ кочевки пастуховъ—«хош»: пастухи идутъ за стадами безъ кибитокъ, имѣя при себѣ только вьючнаго верблюда, на которомъ сложена необходимая одежда, съѣстные припасы и посуда, и верховыхъ лошадей подъ себя; вьючный верблюдъ замѣняется иногда арбой. Нельзя не замѣтить, что крупныя хозяйства въ степи являются въ свою очередь регулирующими условіями для пе-

рекочевки менѣе состоятельныхъ семей: гдѣ есть крупныя скотоводы и гдѣ идетъ ихъ скотъ, тамъ уже нѣтъ мѣста для обитанія среднихъ кибитокъ, только бѣдняки кое-какъ могутъ прожить.

Въ данное время, хотя неодинаково точно и не равно строго, калмыцкая степь уже подраздѣлена фактически не только между улусами калмыковъ, но и ихъ родами и даже болѣе—аймаками, а кое-гдѣ и еще меньшими единицами.

Обитаніе на опредѣленныхъ мѣстахъ съ разными топографическими условіями по вопросамъ о кормѣ и водѣ отражаются и на системахъ кочевковъ по разнымъ мѣстностямъ; тогда какъ степные калмыки въ годъ обязательно проходятъ сотни и тысячи верстъ, калмыки черневые, или приэргенскіе дѣлаютъ десятки и много сотни.

Въ промежуткахъ между перекочевками монотонная жизнь хотона нарушается пирушками по случаю свадьбы, родинъ, пріѣзда гостей, такъ какъ въ увеселеніи одной кибитки принимаютъ участіе и всѣ кибитки хотона. Но существуютъ и другія развлеченія у каждого хотона—это игры въ шахматы, въ карты и игры-забавы молодежи.

Рѣдкій хотонъ не имѣетъ шахматъ («шатыр») и мало калмыковъ мужчинъ неиграющихъ въ нихъ. Система игры калмыковъ и распредѣленія отдѣльныхъ фигуръ не носитъ ничего оригинальнаго; особенность составляютъ развѣ названія фигуръ: король—«хан», королева или «визъръ»—«бирсын» (вельможа), офицер—«темен» (верблюдъ), лошадь—«мѣринъ», слонъ или башня—«тергенъ» (арба), солдатъ, пѣшка—«кебюнъ» (мальчикъ, солдатъ).

Что касается до формы фигуръ, то въ большинствѣ случаевъ шахматы калмыковъ представляютъ просто маленькія деревянные кругляшки, одноцвѣтныя; черныя же отъ бѣлыхъ отличаются только тѣмъ, что въ одни изъ нихъ вбиты маленькіе гвоздики. Между собою фигуры отличаются то величиною, то числомъ вбитыхъ гвоздей или сдѣланныхъ нарѣзовъ; но иногда попадаются шахматы, гдѣ фигуры отличаются и своею формой (фиг. 43); у богатыхъ зайсанговъ можно встрѣтить пошныя шахматы. При игрѣ въ шахматы двухъ лицъ обыкновенно собирается цѣлая группа зрителей, и каждый изъ нихъ своими замѣчаніями и совѣтами принимаетъ участіе въ игрѣ.

Но за шахматами не замѣчается у калмыковъ того возбужденія, которое охватываетъ ихъ въ карточныхъ играхъ. Карты есть заимствованіе у соседей русскихъ, и потому всѣ названія фигуръ, за немногими исключеніями, тоже русскія, только фонетически измѣненныя нѣсколько: тузъ—«тузъ», король—«күруль», королева—«керл», валець—«китетъ», десятка и т. д. называются по числу очковъ («нүденъ»); бубны—«буменъ», трефы—«сартыкъ», черви—«кезлѣ», пики—«шетынъ». Игрѣ въ карты довольно много и всѣ онѣ азартныя. Вотъ болѣе упо-

требительны изъ нихъ: «кезырь» — игра въ 7 картъ, «геркю» — въ 4 карты и «рэмиз» — въ 3 карты. Играютъ калмыки въ карты съ страшнымъ увлеченіемъ. Калмыцкій архивъ въ Астрахани заключаетъ въ себѣ цѣлую литературу по развитію въ степи карточной игры и по борьбѣ администраціи съ этою язвою въ теченіе цѣлаго столѣтія, но и теперь еще среди калмыковъ не мало случаевъ проигрыванія не только денегъ, но и скота.

Молодежь калмыцкая, кромѣ шахматъ, картъ, борьбы, имѣетъ еще свои особенныя развлеченія, доступныя къ тому же обимъ поламъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: 1) «Шага надылган» — дѣтская игра въ «альчики» или кости, ничѣмъ не различающаяся по процессу съ повсюду распространенною игрою русскихъ ребятъ. 2) «Цаган модон хаалган» — игра почная, въ темнотѣ. Предварительно наматываютъ изъ шерсти клубокъ, потомъ играющіе (взрослая молодежь и подростки) раздѣляются на двѣ группы; одна изъ группъ, которой достался по жребію или по соглашенію клубокъ, бросаетъ его въ степь въ направленіи, напередъ условленномъ, и потомъ всѣ играющіе бѣгутъ отыскивать; нашедшій торопится прибѣжать съ клубкомъ до назначеннаго мѣста, на него нападаютъ участники игры изъ другой партіи, а свои защищаютъ; за какой группой останется клубокъ, та его и бросаетъ. 3) «Хорьмэ хотэ надоху» — требуетъ много лицъ и напоминаетъ собою русскую игру въ ворона. Всѣ играющіе становятся одинъ за другимъ, кромѣ одного, который становится противъ этой вереницы; они стараются поймать кого-нибудь изъ играющихъ и увести, а стоящій первымъ защищаетъ, обороняетъ ихъ. Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ лица, кромѣ впереди стоящаго, не будутъ отбиты. 4) «Долан ходжур, неге тоджигир». Изъ числа играющихъ выбирается два лица — сирота и старшина; сирота становится въ сторонѣ, а старшина со всѣми играющими садится на землю; подходит сирота къ старшинѣ и говоритъ: «моя мать родила на льду семь голыхъ мальчиковъ и одного плѣшиваго, и проситъ мяса на варево». Старшина указываетъ одного изъ числа играющихъ, говоря: «возьми барана». Сирота приближается къ барану и, закрывъ ему лицо, ударяетъ пальцами въ голову, показавъ предварительно всѣмъ играющимъ, какимъ именно пальцемъ онъ касается; закрытый полонъ

игрокъ долженъ назвать этотъ палецъ, и если не узнаетъ, то уходится сиротой. Такимъ же образомъ уходитъ и второго. Обимъ уведенымъ онъ даетъ свои вымышленныя названія. Послѣ этого, явившись и испросивъ позволенія у старшины на уходъ кого-нибудь, закрываетъ послѣдняго полонъ и вызываетъ по вымышленнымъ именамъ одного изъ двухъ уведенныхъ раньше, а покрытый долженъ узнать, кто именно явился, и если не узнаетъ, то уходится и получаетъ свое названіе вмѣстѣ съ двумя прежде уведеными. Затѣмъ является еще за 4, 5, 6, 7 и т. д., при чемъ всѣмъ уведенымъ каждый разъ дается прозвище. Когда уже уведены всѣ, кромѣ старшины, то послѣдній отправляется къ сиротѣ и говоритъ ему: «у меня пропалъ теленокъ, — не выдалъ ли его сирота»? Послѣдній отвѣчаетъ: «видѣлъ, что твой теленокъ пошелъ за арбой» (или «телѣгой»), — и при разговорѣ выпускаетъ одного изъ уведенныхъ, говоря: «вотъ твой теленокъ». Всѣ пускаются догонять бѣглеца, ловятъ его, и игра заканчивается. 5) «Сар дарагур кюудык кебюн». Двѣ равныхъ группы играющихъ становятся другъ противъ друга и каждый изъ нихъ крѣпко держится рука за руку. Одинъ изъ играющихъ выкрикиваетъ такія фразы: «Сар дарагур кюудык кебюн, сяахен бичкюр татадык кебюн! Нарын дарагур кюудык кебюн, нарын бичкюр татадык кебюн! Орун дарагур кюудык кебюн, оночита бичкюр татадык кебюн! Надахахен кебюн наргѣ!» (Подъ луной бѣгающій мальчикъ, играя на прекрасномъ бичкюрѣ (музык. INSTR. родъ трубы)! Подъ солнцемъ бѣгающій мальчикъ, играя на тонкомъ бичкюрѣ! Подъ постелью бѣгающій мальчикъ, играя на отличномъ (особливо) бичкюрѣ? Съ ближняго края мальчикъ, бѣги сюда!) Крайній изъ противоположной партіи бѣжитъ и натискомъ старается разорвать въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ руки своихъ противниковъ, и если оторветъ, то отбитая имъ часть уходится въ свою группу и т. д.

Подобныхъ игръ не мало у калмыковъ; есть еще игра денная — «бюснапцан», вечерняя — «бильцык бултулган» и пр.

Большинство игръ лѣтнія, производимыя на дворѣ, зимою же все населеніе сидитъ по кибиткамъ и развлекается главнымъ образомъ картами, шахматами и игрою на домбрѣ, если только и это дозволяетъ температура кибитки.

3. Жизнь общественная: Сословныя группы. Церемоніи при здорованіи и встрѣчѣ. Народные праздники.

Между явленіями обычно - обрядоваго быта калмыковъ, которыя не могутъ уже быть приурочены ни къ жизни отдѣльной кибитки, ни къ жизни хотона, вниманіе привлекаютъ прежде всего явленія изъ области сословныхъ отношеній калмыковъ.

У астраханскихъ калмыковъ существуетъ три сословныхъ группы: 1) высшее по происхожденію, владѣльческое сословіе, нойоно-зайсангское («сеэдут»), 2) низшее по происхожденію, крѣпостное, масса, чернь («харчут»), и 3) сословіе духовное («ховрык»), которое стоитъ внѣ первыхъ обимъ по своему положенію и связано равно съ обими по своему происхожденію.

Въ возрѣніяхъ калмыковъ отношеніе крѣпостнаго къ своему владѣльцу носитъ еще много слѣдовъ отношенія раба къ своему владыкѣ. Но оригинальности степной жизни во многомъ сглаживаютъ на практикѣ все это: одинаковая степень развитія, однородность обстановки, тождественность занятій сближаютъ въ повседневной жизни господъ съ ихъ рабами. Особенно въ этомъ отношеніи сближающимъ образомъ дѣйствуетъ обстановка проживанія калмыковъ. Кочевки калмыковъ разбросаны на такомъ огромномъ пространствѣ и такъ безпрестанно перетасовываются, что въ степи уже не можетъ быть и рѣчи о сплоченіи, единеніи и изоляціи высшаго сословія: всѣ семейныя торжества, празднества и печальныя церемоніи высшаго сословія непременно вводятъ чернь въ жизнь его и единятъ ихъ, такъ какъ во всѣхъ этихъ случаяхъ чернь является гостями и дѣятельными членами семейныхъ церемоній зайсанговъ и нойоновъ. И брачныя церемоніи, и торжества при родинахъ и простыя пирушки для высшаго сословія только и возможны подъ условіемъ допущенія въ свою среду всѣхъ своихъ однохотонныхъ, такъ какъ семьи одинаковаго положенія кочуютъ далеко. И обратно, семейное торжество однохотонной кибитки черни сопровождается участіемъ и семьи зайсанга, такъ какъ послѣдняя имѣетъ возможность дѣлить свой досугъ только среди своихъ близъ-живущихъ простыхъ калмыковъ.

Отчасти такому сближенію помогаютъ и взаимныя браки обимъ сословій, хотя пока у калмыковъ смѣшанные браки случаются въ одномъ направленіи: зайсанги женятся нерѣдко на простыхъ калмыкахъ, вводя ихъ въ свою семью, но не выдаютъ своихъ дочерей въ среду простолюдиновъ.

Но особенно сглаживаніе между-сословныхъ отношеній происходитъ и должно возрастающимъ образомъ усиливаться, благодаря зарожденію среди

калмыковъ довольно сильнаго и теперь уже независимаго класса калмыцкой имущественной аристократіи. Богатство экономическое въ степи есть теперь такая уже сила, передъ которою блѣднѣютъ и исчезаютъ преимущества по рожденію: степной богачъ изъ крѣпостнаго сословія въ данное время среди калмыковъ не только стоитъ независимо отъ сословныхъ предразсудковъ, но на него калмыцкая масса во многомъ перенесла формы прерогативъ нойоно-зайсангскаго сословія, и передъ нимъ небогатый зайсангъ стоитъ наравнѣ со всѣмъ экономически подвластнымъ ему населеніемъ. Собственно говоря, теперь сословныя привилегіи зайсанговъ только прибавка къ ихъ экономической состоятельности и юридическому праву.

Нельзя не замѣтить еще одного фактора, разрушительно дѣйствующаго на разложеніе сословныхъ предразсудковъ, — это внесеніе въ калмыцкую среду вмѣстѣ съ грамотою европейскихъ возрѣній на жизнь и положеніе личности: всѣ калмыки, получившіе образованіе даже въ астраханскомъ калмыцкомъ училищѣ или въ уѣздномъ училищѣ, не говоря уже о побывавшихъ въ гимназіяхъ, фельдшерской школѣ, въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, или же занимавшихъ какое либо служебное положеніе въ родѣ переводчиковъ, депутатовъ и пр., — являются въ сословныхъ традиціяхъ отрицательнымъ началомъ, и ихъ положеніе несомнѣнно такъ или иначе отражается и въ средѣ невѣжественнаго калмыцкаго населенія.

Такъ какъ уже и теперь сословныя привилегіи зайсанговъ есть только плюсъ къ ихъ экономической состоятельности и юридическому праву, которое исчезнетъ скоро съ отмѣною послѣдняго, то и обычаи и обряды, выражающіе ихъ сословное положеніе, находятся въ періодѣ отживанія. Къ числу такихъ отживающихъ обычаевъ нужно отнести обрядъ «дѣджи», который состоитъ въ слѣдующемъ: ежегодно выборные отъ каждаго рода отправляются порознь къ своему нойону на поклонъ; при этомъ ему несутъ сваренныхъ барана и лошадь и нѣсколько «бортого» аръки. Въ Малодербетовскомъ улусѣ, по показанію калмыковъ, «дѣджи» прекратилось по желанію самого нойона. Также прекратился въ Малодербетовскомъ улусѣ и другой обычай чествованія нойона тѣмъ, что ему доставлялось изъ каждаго 10 кибитокъ по одному барану. Такимъ образомъ въ Малодербетовскомъ улусѣ изъ 10000 кибитокъ къ столу владѣльца ежегодно преподносилось цѣлое стадо въ 1000 головъ. Не практикуется

въ Малодербетовскомъ улусѣ также обычай, что въ случаяхъ чествованія нойономъ гостей изъ другихъ улусовъ ему предоставлялось обычаемъ право брать первую попавшуюся скотину и рѣзать на угощеніе. Но всѣ эти отмыны убыточныхъ для подвластныхъ калмыковъ обычаевъ, впрочемъ, есть дѣло личныхъ взглядовъ теперешняго владѣльца, и они еще могутъ возродиться, такъ какъ существуютъ въ воззрѣніяхъ массъ. Теперь можно наблюдать лишь чествованіе въ видѣ «беликтѣ загелган» — посѣщеніе съ подаркомъ при проѣздѣ нойона, или же и дома къ нему являются калмыки на поклонъ съ «бортого» арьи и бараниной, при чемъ несутъ самые почетные куски.

Нойонъ, по воззрѣнію калмыковъ, въ отношеніи остальныхъ является какъ бы хозяиномъ стада: онъ можетъ распоряжаться калмыками, какъ хочетъ, воленъ продать, промѣнять, нанять каждаго простого калмыка. Онъ происходитъ не отъ людей, а отъ боговъ — «тенгигир изюрта», и есть воплощеніе божества («хутилган»). Обмануть, оскорбить нойона — все равно, что оскорбить бурхана. Если бы даже нойонъ и сдѣлалъ несправедливость, то и это ему не будетъ поставлено въ вину: богъ спасаетъ его отъ грѣха. Даже нарушеніе нойономъ обычаевъ народныхъ составляетъ не грѣхъ и не преступленіе нойона, а несчастіе народа. Нойонъ воленъ распорядиться не только простымъ человекомъ, но и зайсангомъ и духовнымъ лицомъ. Безъ разрѣшенія нойона не можетъ произойти даже посвященіе манжика въ гецулы, а гецула — въ гелюнг. Вотъ почему, когда теперешнему малодербетовскому нойону было всего 8 лѣтъ, то и тогда испрашивали его позволенія на посвященіе въ іерархическій санъ. Нойонъ же можетъ гелюнга собственной волей обратить въ гецула и даже ниже.

Зайсангство же — это только боковое, родственное поколѣніе нойонскаго рода, или же чаще — служилое сословіе, и потому оно является само подчиненнымъ нойону. Такимъ происхожденіемъ зайсангства объясняютъ калмыки и переходъ на него части прерогативъ самихъ нойоновъ. Прерогативы между прочимъ выражаются не только въ сборѣ въ свою пользу денегъ съ извѣстной части крѣпостныхъ, но и въ полученіи обязательныхъ приношеній къ столу ихъ. Въ данное время среди калмыковъ еще въ довольно большой силѣ обычай доставлять къ столу своего аймачнаго зайсанга продукты, и можно еще и теперь встрѣчать зайсанговъ, которые совершенно не трогаютъ своихъ стадъ для своего стола, а получаютъ барановъ отъ аймачныхъ. Существуетъ также по отношенію къ зайсангамъ и обычай — «биликтѣ загелган».

Весьма характерно выражаются между-сословныя отношенія у калмыковъ въ церемоніяхъ и приемахъ здраванія. Здраванье съ нойонами носитъ названіе «цаган берѣлган» и состоитъ въ слѣдующемъ: гелюнгъ при встрѣчѣ съ нойономъ

приближается къ нему поспѣшно и подставляетъ локоть правой руки, за который слегка беретъ нойонъ; зайсангъ же, а иногда и простолюдинъ, подходя къ нойону, становится на правое колѣно и подставляетъ правое плечо, къ которому прикасается нойонъ; но чаще простолюдины при здраваньи, стоя прямо, дѣлаютъ особый знакъ вѣжливости и покорности рукой: сблизивъ на правой рукѣ, приложенной къ груди, конецъ большого пальца съ среднимъ и указательнымъ, отводятъ быстро руку отъ груди впередъ и двигаютъ пальцами такъ, какъ если бы хотѣли щелкнуть. Здраванье между остальными калмыками называется просто «цагалган»; при этомъ зайсанги между собою при здраваньи соприкасаются ладонями, гелюнгъ тоже, но только черезъ спущенный рукавъ верхней одежды, просто-народье же съ зайсангами здоровается такъ, что или, ставъ на колѣни, подставляетъ правую руку, которой зайсангъ касается выше локтя, или же, стоя прямо, дѣлаютъ описанный выше знакъ рукой; такимъ же жестомъ просто-народье здоровается и съ іерархическимъ духовенствомъ, кромѣ ламы, которому воздаются почести бурхана, т. е. передъ нимъ надаютъ на колѣни, наклоняютъ голову, и онъ касается рукою головы.

Если обращаются съ рѣчью къ нойону или ламѣ, то произносятъ «зергесѣ», «нойона заргѣ», «лама заргѣ», къ зайсангу или гелюнгу — просто «зайсангъ», «гелюнгъ», и только знатныхъ изъ нихъ величаютъ «заргѣ», но никогда никого изъ нихъ не называютъ въ глаза по имени, а употребляютъ соответственный титулъ («кюнден перын») — нойонъ, лама, зайсангъ и пр.

Привилегированныя сословія у калмыковъ всегда окружаются слугами, носящими особые названія: калмыки, живущіе кибитками при нихъ, называются «итопирмутъ»; личные слуги при духовенствѣ называются — «сѣбүни», при нойонахъ и зайсангахъ — «яльчи», «яльчирмутъ», а остальная прислуга, мужчины и женщины — «кетѣчи»; съ послѣднимъ же названіемъ бываютъ слуги и при простыхъ калмыкахъ. Нойонъ, зайсангъ и члены ихъ семей не только ѣздятъ въ сопровожденіи слугъ, но слуги сопровождаютъ ихъ, идя на почтительномъ отдаленіи, сзади всегда, куда бы они ни шли; при этомъ за мужчинами идетъ мужская прислуга, а за женщинами женская; у болѣе почетныхъ и важныхъ, особенно въ торжественныхъ случаяхъ, сзади ихъ находятся по два лица.

При посѣщеніяхъ кибитокъ не только нойоны и лама, но также зайсанги и гелюнгъ чествуются какъ почетные гости и старшіе, помимо ихъ лѣтъ; для угощенія ихъ всѣ семьи, кромѣ крайнихъ бѣдняковъ, держатъ особые чанки, которые въ остальное время лежатъ спрятанныя. Относительно же вообще посѣщенія кибитокъ и приема гостей обычаями калмыковъ устанавливается цѣлый рядъ обри-

довыхъ требованій, въ которыхъ все формулируется отношеніемъ старшаго къ младшему.

Когда входитъ въ кибитку младшій относительно хозяина, то онъ останавливается у порога (мужчины съ лѣвой стороны, а женщины съ правой отъ входа) и ждетъ привѣтствія хозяина: «мендѣ бѣта» (здоровъ ли?). Отвѣтивъ «мѣнде» (здоровъ) и сдѣлавъ описанный выше знакъ рукою, (если хозяинъ зайсангъ или іерархическое духовное лицо), вошедшій садится, отступя немного отъ порога послѣ приглашенія хозяина — «сѣ» (садись). Въ присутствіи старшаго младшій садится на оба колѣна; дозволяется иногда садиться и на одно колѣно, но только съ тѣмъ, чтобы подогнуто было колѣно, ближайшее къ старшему. Разговоръ начинается старшій обыкновенно разспросомъ: откуда? кто? за какимъ дѣломъ? и такимъ образомъ подходитъ своими вопросами къ изложенію цѣли посѣщенія. Сдѣлавъ все, что нужно, младшій встаетъ; на пожеланіе хозяина «дѣрта харзыне» (благополучно встрѣтиться) отвѣчаетъ «мендѣ баятен» (будьте здоровы) и уходитъ безъ поклона, при чемъ порогъ переступаетъ, оборотившись лицомъ въ кибитку.

При входѣ въ кибитку равнаго, вошедшій произноситъ, «мендѣ бѣта» и послѣ «мѣнде» хозяинъ садится, смотря по полу, на правой или лѣвой сторонѣ, какъ ему заблагоразсудится, только этикетъ не позволяетъ ему прилечь; при разговорѣ и прощаніи первенства не наблюдается, и первѣе пришедшій поднимается и уходитъ совершенно молча.

Старшаго, особенно зайсанга или гелюнга, хозяинъ выходитъ встрѣчать внѣ кибитки, у дверей, и если старшій пріѣхалъ, то хозяинъ беретъ лошадь подъ уздцы, помогаетъ сойти съ сѣдла и убираетъ лошадь. Старшему въ кибиткѣ гостю предоставляется первенство и при здраваньи и при прощаніи, а также и при разговорѣ, и только съ незнакомыми все-таки начинается разговоръ хозяинъ. Прежде чѣмъ почетное лицо сядетъ, ему постилаютъ «шердыкъ» (кошму) у «барун баран'а» — для мужчины, и у «зюн баран'а» — для женщины.

Садится вошедшій, какъ вздумается, — старшій обыкновенно по-турецки, поджавши ноги, но и старшее лицо не можетъ протянуть даже одной ноги, и лишь ближайшимъ родственникамъ дозволяется прилечь на локоть. Хозяинъ садится въ этомъ случаѣ лишь послѣ гостя и встаетъ разомъ съ нимъ, а если явился нойонъ или старшее духовное лицо, то хозяинъ можетъ сѣсть только по приглашенію гостя.

Если въ кибиткѣ нѣтъ мужчины, а женщина, то здѣсь обращается вниманіе на то, кто старше и по лѣтамъ и по сословію; если же входитъ женщина при хозяинѣ, то, кромѣ зайсангшъ и нойоншъ, всякая женщина считается младшею и идетъ на женскую половину. Зайсанги при приемѣ посѣтителей, особенно важныхъ, всегда сидятъ у ногъ постели на шердыкѣ или на возвышеніи, поджавши

ноги по-турецки. Если пріѣхала женщина, то ей помогаетъ слѣзть съ лошади и сѣсть на лошадь младшій мужчина, у зайсанговъ — мужская прислуга.

Въ разговорахъ младшіе не называютъ старшихъ по имени, а употребляютъ: «кюнден перынъ», «нойонъ», «зайсангъ», «лама», «бѣкши», «гелюнгъ», старшихъ изъ просто-народья называютъ «эвгенъ» и т. д.

Къ событіямъ обще-народной жизни калмыковъ должны относиться нѣкоторые праздники. Сравнительно съ праздничными днями другихъ народовъ у калмыковъ ихъ бываетъ довольно мало, да и обычай проживанія въ праздничные дни совершенно оригиналенъ. Въ самые большіе праздники нарушаютъ повседневную норму жизни только тѣ лица семьи, которые въ это время отправляются въ хурулы: они одѣваются въ лучшія одежды и остаются праздными; остающіеся же въ кибиткѣ члены производятъ всѣ тѣ работы, которыя дѣлаютъ и въ будніе дни. Такое отношеніе калмыковъ къ праздникамъ объясняется самымъ характеромъ кочевого быта и скотоводческаго хозяйства, при которомъ невозможно сдѣлать ни одного перерыва, или отдать праздности хотя одинъ день: скотъ требуетъ постоянного и непрерывнаго ухода и присмотра.

Нѣкоторое исключеніе среди праздниковъ составляетъ «Цаган сара», когда значительная часть калмыковъ собирается при хурулахъ, и калмыцкія семьи одѣваются вообще по праздничному, улучшаютъ пищу, заготавливаютъ печенье и принимаютъ гостей. «Цаган сара» бываетъ ранней весной, въ первыхъ числахъ марта, и есть собственно праздникъ весны, послѣ котораго калмыки бросаютъ зимнія кочевки и начинаютъ весеннія, самыя веселыя перекочевки, при достаткѣ кормовъ, обилии молока и арьи. Но ламаизмъ стремится и этому празднику придать колоритъ узкой религіозности. Ему предшествуетъ чисто церковный праздникъ — «хучин хурул», длящийся съ 24 февраля по 1-е марта по ламаитскому исчисленію, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр. въ Икинхуровскихъ хурулахъ) всего одинъ день. Согласно религіозной легендѣ, ассимилировавшейся съ народнымъ воззрѣніемъ, въ это время воспоминается моленіе народа объ освобожденіи «Окон-тенгир-бурхун'а» изъ плѣна у мангусовъ, а «Цаган сара» — это празднованіе побѣды «Окон-тенгир'а» надъ этимъ чудовищемъ, и продолжается праздникъ 7 дней. Съ этого времени и по 15-е марта калмыки при здраваніи касаются пальцами правыхъ рукъ взаимно другъ друга повыше кисти, говорятъ «мендѣ» и дарятъ другъ другу мускатные орѣхи («билик») и круглыя печенья въ родѣ лепешекъ — «цельбекъ». Съ 8 марта и по 15-е праздникъ заканчивается постомъ — «бурхани дюцинъ» (божій день).

Второй праздникъ, тоже весенній — «Урсин хурул», или «Урус саран хурул», бываетъ въ теченіе

7 дней съ 8 по 15 мая, когда воспоминаются три момента изъ земной жизни Бурхана-Бакши или Сакія Муни: 8-го рождение его и обращение на 35 году жизни въ святого, а 15-го смерть его послѣ 80 (60) лѣтъ жизни.

Третій праздникъ, лѣтній, 4 июля, называется «Денын шинен дюенъ», или просто «дюенъ», день выхода «Шакджи-Муни» на проповѣдь. Этотъ праздникъ представляетъ собою день особенно полезный для жертвъ и приношеній въ хурулъ: кто пожертвуетъ въ этотъ день копейку, учить духовенство, то она будетъ равняться рублю, потому что тогда и добро, равно какъ и зло, воздается сторицею.

Осенній праздникъ, 15-го августа (въ Хошоут-улусѣ 15-го сентября) — «Майдри хурул», праздникъ въ честь будущаго Мессии, и въ это время совершается торжественный выносъ бурхана Майдри изъ хурула на возвышенное мѣсто; къ этой религиозной церемоніи стекается много народа.

Поздно осенью, 24 октября, празднуется «Дюченъ» — большой постъ въ воспоминаніе Шакджи-

Муни, который въ это время вернулся отъ своей матери изъ «Гадын-тенгѣри», куда онъ отправлялся по случаю ея болѣзни; но это праздникъ церковный по преимуществу.

Наконецъ, зимою, около 25 декабря, бываетъ «Шин Джилъ», или «Зула» — Новый годъ.

Однако всѣ исчисленные праздники все-таки приурочены къ требованіямъ ламаизма и отмѣчаются религиозными церемоніями и богослуженіями; болѣе же запечатлѣны народнымъ характеромъ два праздника калмыковъ: въ декабрѣ — «Джилин эзын-тоудын эдыр», т. е. день кочевки хозяина года, и въ концѣ августа или въ началѣ сентября — «Усун Ыршан», праздникъ освященія воды, когда калмыки собираются у ближайшихъ рѣкъ, озеръ, ручьевъ, прудовъ, или даже «худук'овъ» (степныхъ колодцевъ) или «цандык'овъ» (дождевыхъ лужъ) и послѣ освященія воды духовными лицами устраиваютъ общее угощеніе, но безъ напитковъ. Оба эти праздника подвижные и ежегодно опредѣляются ламаитскими астрологами («зурхачи»).

Глава III-я.

ЛАМАИТСКОЕ ДУХОВЕНСТВО У АСТРАХАНСКИХЪ КАЛМЫКОВЪ.

Ламаитскій монастырь — „хурулъ“. Кибитки - храмы. Изображенія „бурхановъ“ и священныхъ предметовъ. Молельные инструменты. Священные сосуды. Жилыя кибитки духовныхъ лицъ. Одежда духовенства. Священно-служительскія должности. Хурульные должностныя лица. Обученіе ламаитовъ при монастыряхъ. Обрядовая сторона богослуженія. Хозяйственная организація хуруловъ. Религиозныя и экономическія отношенія духовенства къ народной массѣ. Хурульные зданія. Численность духовенства.

Астраханскіе калмыки, за исключеніемъ ничтожнаго количества калмыковъ-христіанъ, по религіи — ламаиты, и ихъ безбрачное духовенство («хуврык», или по народному, «хара махла», т. е. желтая шапка) живетъ въ монастыряхъ, которые всегда кочуютъ отдѣльно отъ остальныхъ калмыковъ. Монастырь астраханскихъ калмыковъ обыкновенно называется «хурул», и ихъ во всѣхъ семи улусахъ считается въ настоящее время 63.

Во всякомъ ламаитскомъ монастырѣ всегда бываетъ три рода кибитокъ: а) кибитки-храмы или священные кибитки («хурля кгер», или «эргкѣ») б) кибитки духовенства («ктелинг-эргкѣ») и в) кибитки простыхъ калмыковъ («ишкге-кгер»), въ которыхъ живутъ призрѣваемые на хурульный счетъ бѣдняки, хурульные пастухи, и иногда покровители хуруловъ, какъ бы старосты — зайсанги съ своей прислугой.

По вышнему виду кибитка-храмъ («хурля кгер») отличается отъ обыкновенной калмыцкой кибитки обязательно бѣлымъ цвѣтомъ кошмъ, а отъ кибит-

токъ духовенства — центральнымъ положеніемъ среди прочихъ кибитокъ монастыря и величиной: она дѣлается на 10, 12, 16 и даже болѣе рѣшетокъ («тѣрмѣ») и самая «тѣрмѣ» всегда почти больше обыкновенныхъ по размѣру. Внутри же кибитка храмъ имѣетъ такой видъ: противъ дверей весь сегментъ круга (фиг. 44) занимаетъ возвышеніе («ширѣ») для литыхъ изображеній бурхановъ («шутенъ» или «цутхумур бурханъ»). Это возвышеніе устраивается изъ сундуковъ и шкафиковъ, покрывается ковромъ и бываетъ двухъ типовъ: или «джанкша» съ уступомъ или ступенькою впереди, или вмѣсто послѣдней впереди ставятся отдѣльные столики. На верхней площадкѣ «джанкш'и» помѣщаются «шутен'ы», а сзади нихъ ящики съ «дарцик'ами» — живописными изображеніями бурхановъ, или же послѣднія лежатъ сзади всего возвышенія, такъ что ихъ не видно за коврами. Впереди возвышенія въ однихъ случаяхъ на уступѣ, а въ другихъ случаяхъ на отдѣльныхъ столикахъ (фиг. 44, I. II) помѣщаются сосуды и приспособленія для жертвопри-

ношеній бурханамъ, для куренія имъ омѣама, для возжиганія свѣтильника и для «аршана» — священнаго напитка.

Отъ жертвенныхъ столиковъ и почти до самой двери въ два ряда идутъ сидѣнья для духовенства при богослуженіи («джабда» — фиг. 44, III), именно: разостланы «шердык'и» и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (не во всѣхъ хурулахъ въ одинаковомъ количествѣ и не въ однихъ и тѣхъ же пунктахъ «джабда») сдѣланы изъ кошмъ четырехугольныя возвышенія для сидѣнья уважаемыхъ, почетныхъ или должностныхъ лицъ изъ духовенства. Направо отъ «джабда», у стѣны, помѣщается иногда постель (фиг. 44, IV) «бурхачи» — лица, которому поручена забота и обереганіе священныхъ предметовъ «хурля кгер»; обыкновенно же въ этихъ мѣстахъ, равно какъ и на лѣвой сторонѣ (фиг. 44, V), стоятъ сундуки съ хурульнымъ имуществомъ и помѣщаются нѣкоторые хурульные инструменты, напр. барабаны. Въ промежуткахъ между «джанкша» и рѣшеткой кибитки (фиг. 44, VI), или же, при широкомъ «джанкша», впереди нея, стоятъ «кюрдѣ» — молитвенные барабаны. Въ проходѣ между сидѣнными духовенства (фиг. 44, VII) помѣщаются во время богослуженія крошечные столики; въ другое же время эти столики стоятъ около стѣны кибитки. Въ нѣкоторыхъ «хурля кгер» справа, около жертвенника, устраивается «ширя» (постель) — помѣщеніе для разныхъ реликвій святыхъ мужей хурула.

Къ религиознымъ предметамъ «хурля кгер» принадлежатъ: а) *изображенія бурхановъ*, б) *священные сосуды* и в) *богослужебные инструменты*.

Изображенія бурхановъ (божествъ) въ хурулахъ астраханскихъ калмыковъ бываютъ трехъ видовъ: 1) «Шутенъ» или «Цутхумур бурханъ», 2) «Дарцикъ» или «Керикъ шутенъ» и 3) «Мирдѣ».

«Шутенъ» или «Сергу шутенъ» — это литыя изображенія бурхановъ. Обыкновенно шутены бываютъ вылиты изъ мѣди или бронзы, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ изъ серебра (наприм. «Аюша» около 1/2 аршина высоты въ Большомъ Цатаповомъ хурулѣ Индыковского улуса) или золота («Далай-Лама» нѣсколько болѣе 1/4 аршина въ Тюменевскомъ хурулѣ Александровскаго улуса). Шутены представляютъ всегда одну фигуру божества на круглыхъ пьедесталахъ безъ всякихъ почти аксессуаровъ¹⁾.

1) Астраханскими калмыками съ конца прошлаго столѣтія шутены выносятся изъ Монголіи черезъ Петербургъ, въ рѣдкихъ случаяхъ вывозятся самими калмыками отсюда же, а иногда приобрѣтаются просто по случаю. Такъ, нѣсколько лѣтъ назадъ зайсангъ Индыковского улуса Кекшинъ Оргичкѣвъ купилъ въ Петербургѣ, при посредствѣ доктора изъ бурятъ В., у какого-то любителя рѣдкостей бронзовый вызолоченный шутенъ бурхана Махагала не болѣе 1/4 арш. высоты за 600 руб., но по словамъ самого зайсанга, теперь хурулъ, которому онъ подарилъ шутена, не отдаетъ его и за 6000 руб. У калмыка Джанкшѣва на Калмыцкомъ Базарѣ бронзовый вызолоченный бурханъ Бакша менѣе 1/4 арш. вывезенъ недавно изъ Монголіи и стоитъ 100 руб. Все это

Благодаря трудности приобрѣтенія и высокой цѣнѣ литыхъ изображеній бурхановъ, послѣднихъ не бываетъ много при хурулахъ: обязательно въ каждомъ «хурля кгер» есть одинъ шутенъ, бываетъ и болѣе одного. Болѣе девяти въ одномъ храмѣ не приходилось встрѣчать²⁾.

Вообще же число бурхановъ, ихъ величина и даже видъ — чисто условное, случайное явленіе, собственно же въ «хурля кгер» обязательно бываетъ одинъ шутенъ, именно съ изображеніемъ того бурхана, которому посвященъ храмъ. Шутены, закутанные въ шелковые лоскутки желтаго или краснаго цвѣта, помѣщаются въ специально приспособленныхъ для каждаго деревянныхъ ящикахъ или кіотахъ — «шутен-хобулъ» или «ордохарши»; но въ хурулахъ, помѣщаемыхъ не въ кибиткахъ, а въ специальныхъ зданіяхъ, для шутеновъ устраивается иногда общій «хобулъ»³⁾.

Второй видъ священныхъ изображеній — это живописныя изображенія бурхановъ на четырехугольныхъ кускахъ матеріи — «дарцикъ», родъ хоругвей. Вверху «дарцикъ» прикрѣпляется къ древку, на которое онъ наматывается и хранится при перекошѣ и въ несправаженіе время въ ящикахъ; во время же праздниковъ «дарцик'и» развѣшиваются вездѣ по стѣнамъ «хурля-кгер», а самые большіе изъ нихъ привѣшиваются даже къ «уини'амъ» и свѣшиваются въ срединѣ кибитки. Величина «дарцик'овъ» самая различная: отъ 1/2 арш. до сажени и даже больше. Приготовленіемъ «дарцик'овъ» въ стени занимаются специалисты — живописцы изъ ду-

наглядно показываетъ, какъ не легко приобрѣтаются астраханскими калмыками шутены. Въ самое ближайшее къ намъ время стали дѣлать для калмыковъ литыхъ бурхановъ, по заказу, въ Москвѣ у Постникова и въ Ростовѣ на Дону, хотя, впрочемъ, русскими мастерами пока пользуются главнымъ образомъ хурулы Мало-Дербетевскаго улуса; подновленіе же шутеновъ, въ видѣ новаго золоченія, производится ювелирами гор. Астрахани. Шутены строго и тщательно оберегаются духовенствомъ; въ нѣкоторыхъ хурулахъ можно встрѣтить литыхъ бурхановъ, вывезенныхъ изъ Тибета въ началѣ XVIII столѣтія, а нѣрѣдка попадаются даже и такіе, которые были принесены съ собою еще предками астраханскихъ калмыковъ, прикочевавшихъ въ предѣлы Волги въ XVII вѣкѣ.

2) Вотъ нѣсколько примѣровъ: 1) въ Большомъ Багутовомъ хурулѣ Индыковского улуса въ одной кибиткѣ находится бурханъ Шакджи-Муни, а въ другой — Дарька. 2) Въ Большомъ Эрденіевомъ хурулѣ Харахусовскаго улуса въ главной кибиткѣ — бурханъ Шакджи — Муни. 3) Въ большомъ Цатаповомъ хурулѣ Индыковского улуса — четыре: Манза Ширри, Б. Аюша, Нюбѣр узюкчи и Окби-Тенкгер. 4) Въ большомъ Омчиновомъ хурулѣ въ одной кибиткѣ четыре шутена. 5) На Калмыцкомъ Базарѣ въ хурулѣ находится девять бурхановъ.

3) Наприм., въ хурулѣ на Калмыцкомъ Базарѣ девять шутеновъ помѣщаются въ одномъ шкафикѣ, разбитомъ на кѣточки: въ срединѣ бурханъ Дарька — самый большій по величинѣ шутенъ, около 1/2 арш.; надъ нимъ Зонкуа, подъ нимъ Аюша, справа (сверху внизъ) два Зонкуа, изъ нихъ одинъ самый маленькій, и Манза Ширри; слѣва (сверху внизъ) — Шакджи-Муни, Парамит-Вилик и Малай — Кегген.

ховенства—«зурачи». Иногда «дарчик» представляет одну фигуру божества, справа которого сверху нарисовано солнце, а слева—луна, но гораздо чаще можно встретить, что на «дарчикѣ» изображены или бурханъ и вокруг него цѣлый рядъ изображений изъ его земной жизни, или символы. Такъ, вокруг центральной фигуры Шакджи Муни (Будда) рисуются весьма часто картины изъ его жизни—отъ рожденія до смерти; на «дарчикѣ» бурхана Абидва рисуется 8 «субурган'овъ» (часовень). Бываютъ «дарчик'и» съ изображеніемъ нѣсколькихъ бурхановъ, которые располагаются вокруг центрального божества «дарчика» ¹⁾. Но можно встретить въ хурулахъ астраханскихъ калмыковъ «дарчик'и» и съ 50 фигурами ²⁾. Есть еще «дарчик'и» съ картинами нравственного или символическаго значенія ³⁾. Всѣ «дарчик'и» рисуются красками,

¹⁾ Наприм., схематическій рисунокъ дарчика Майдри: въ центрѣ представляет въ сравнительно большемъ размѣрѣ бурханъ Майдри, сверху справа—Дарька, слева Чакшиба, съ боку справа—Лама, Аюша, Одже-бурхан, слева—Юм, Мавза Ширп, Абидва; внизу—Далай Лама, Зонкуа и Ваньчен—Эрдни.

²⁾ Напримѣръ, въ Большомъ Ульдучиновомъ хурулѣ (въ южныхъ Мало-Дербетскѣхъ) есть два дарчика, на каждомъ изъ которыхъ нарисовано по 50 „хубилган'овъ“ (воплощеній) Шакджи Муни.

³⁾ Напримѣръ, на одномъ „дарчикѣ“ земля представлена въ видѣ четырехъ concentрическихъ круговъ: первый кругъ—наружный, сравнительно тонкій, раздѣляется на 12 равныхъ частей; онъ называется „демберлинъ“ и представляет 12 картинъ—олицетвореній той или другой нравственной сентенціи. Такъ, наприм., въ первой клѣткѣ нарисованъ человекъ, который ведетъ за палку слѣпца: это означаетъ, что знающій человекъ управляетъ невѣждой; во второй клѣткѣ изображенъ каминный домикъ, въ домикѣ одинъ человекъ дѣлаетъ камни, а внутри другой разрушаетъ сдѣланное: „безполезный трудъ не приводитъ къ цѣли“; въ третьей клѣткѣ нарисовано дерево, на которомъ сидитъ птица, подъ деревомъ трава и на ней лисица мечется: „не должно разсѣиваться мыслями“ и т. п. Второй кругъ, болѣе широкій, безъ раздѣленій, представляетъ рядъ изображеній изъ жизни земной и загробной; внизу картины изъ земной жизни: доеніе коровъ, земледѣльство, сверху—царство „тенгри“, свѣтлыхъ гениевъ: рядъ домиковъ съ садиками, и около нихъ „тенгри“ пьютъ кумысъ; между землей и „тенгри“ помѣщены картины разныхъ мученій въ загробной жизни: „таму“ (адъ), гдѣ нарисованъ огонь и мучащіеся грѣшники; „беритъ“—чудовище, въ которое обращаются тоже люди; „адусенъ“—міръ животныхъ, какъ слѣдующая стадія перехода душъ; „асриъ“—въ видѣ голыхъ существъ, сражающихся конями—переходная ступень къ „тенгри“. Третій кругъ раздѣленъ пополамъ: правая половина черная, а лѣвая бѣлая; въ лѣвой половинѣ, въ видѣ „гелюнга“ (духовнаго лица) ведетъ другого человека съ земли въ рай, а въ правой половинѣ человекъ тащитъ цѣпью въ адъ. Четвертый кругъ—зеленый, съ такими рисунками: внизу—свинья („гаха“), сверху—курица или пѣтухъ („така“), а ихъ соединяетъ слѣва змѣя („мокта“), что означаетъ: свинья—глупость, змѣя—злоба, а пѣтухъ (или курица)—зависть,—три главныя порока людей. Вверху этого „дарчика“, выше всей фигуры круга, нарисованъ цѣтокъ „Моктусъ—эделекчи“; ниже его, около середины круга, человекъ на корточкахъ, съ опущенными глазами,—это праведникъ (Дани Дараксен), а справа, вверху бурханъ Шакджи Муни, въ стоячемъ положеніи: онъ указываетъ рукой на правоученія картины, какъ бы приглашая къ исправленію.

золотомъ и серебромъ, но встрѣчаются «дарчик'и» бурхана Майдри, которые вышиваются шелкомъ, золотомъ и серебромъ. Вышивание производится калмыцкими женщинами (главнымъ образомъ дѣвушками и вдовами), требуетъ много времени и стоитъ дорого ¹⁾.

Третій видъ изображеній—«мирдѣ» («шутенъ») или «менкгу»; это миниатюры, хранящіяся въ металлическихъ (серебряныхъ) ящикахъ, такъ что «мирдѣ»—это родъ медальона съ религиознымъ значеніемъ. Ящичекъ для «шутен'а» («орда хѣрши» или «менкгу») имѣетъ разную форму, смотря по формѣ самого бурхана, но обыкновенно состоитъ изъ коробки, которая закрывается двумя дверками («хасибчи»), на внутреннихъ сторонахъ которыхъ бываютъ изображенія бурхановъ прислужниковъ; наприм., у Дарьки они держатъ слѣва «аршанъ», а справа «талянъ», и потомъ закрѣпляются длинной булавкой, вдѣтой въ отверстія, находящіяся вверху и внизу (фиг. 45). Обыкновенно «мирдѣ» носятъ на шеѣ, для чего привязываются къ нему тесемки. Самый бурханъ—миниатюра имѣетъ видъ какъ бы камня: на пластинкѣ—круглой, квадратной или продолговатой, находятся рельефныя изображенія бурхана. Самая пластинка обыкновенно окрашена въ красный цвѣтъ, а изображеніе бурхана нерѣдко покрывается золотомъ и серебромъ. «Шутенъ» лежитъ въ ящичкахъ всегда завернутый въ шелковую матерію («торкгон»). Сдѣланы «шутен'ы» довольно искусно; дѣлаются они изъ смѣси песку и глины («шора»—пыль), а изъ песку, по ученію ламантовъ, состоитъ и тѣло человека. «Мирдѣ» имѣетъ смыслъ не то лѣкарства, не то талисмана, и ему приписывается способность избавленія посягающаго отъ всякаго вреда, даже отъ пули. Ихъ вывозятъ изъ Монголіи и высоко цѣнятъ.

На медальонахъ «мирдѣ» можно встрѣтить изображенія какъ отдѣльныхъ бурхановъ, такъ и цѣлыя картины ²⁾.

¹⁾ Напримѣръ, въ Эки-хурулѣ Мало-Дербетовскаго улуса есть «дарчикъ», который вышитъ 112 лѣтъ тому назадъ, при чемъ вышивался три года, такъ что вышивание началось 115 лѣтъ тому назадъ. Въ Большомъ Баруно-Керетовомъ хурулѣ Индыковскаго улуса есть два «дарчик'а» бурхана Майдри—старый и новый, и послѣдній сдѣланъ лѣтъ 10 назадъ. Работа производилась подъ руководствомъ и по указаніямъ «зурачи» (живописцевъ) хурула калмыцкими дѣвушками и женщинами, при чемъ замужнія женщины брали работу на домъ, а дѣвушки и вдовы жили при хурулѣ, гдѣ для нихъ поставлены были двѣ кибитки. Исполнена работа съ технической стороны замѣчательно искусно: не сразу разберешь, что бурханъ вышитъ, а не нарисованъ блестящими красками, такъ хорошо подобраны цвѣта и такъ тонка работа во всѣхъ деталяхъ.

²⁾ Вотъ, напримѣръ, описаніе нѣкоторыхъ миниатюр: 1) на круглой пластинкѣ отлиты два изображенія: внизу бурханъ Сакшиба съ четырьмя руками; двѣ подняты вверхъ, а двѣ сложены на груди; на головѣ «тетимъ»; наверху бурханъ Абидва. 2) На такой же пластинкѣ представленъ Эрлик-ханъ въ сидячемъ положеніи, съ тремя глазами, изъ которыхъ одинъ на лбу; видъ страшный и свирѣпый; пра-

въ хурулахъ, равно какъ и въ частныхъ кибиткахъ, находятся часто и другіе предметы, которымъ придается религиозное значеніе, наравнѣ съ «шутен'ами», «дарчик'ами», и «мирдѣ»; это—а) портреты ламъ, б) символическія буквы и в) священныя реликвіи.

Очень часто можно встрѣтить рядомъ съ «шутен'ами» фотографическую карточку официального ламы всѣхъ астраханскихъ калмыковъ, который жилъ въ 1885—87 гг. въ Багацохуровскомъ улусѣ. Въ Мало-Дербетовскомъ улусѣ, главнымъ образомъ въ сѣверной его части, рядомъ съ «шутен'ами» помѣщается фотографическій портретъ Кебюн-Ламы, или официально извѣстнаго подъ именемъ Кебюн-бакши (въ Дунду-хурулѣ), который умеръ лѣтъ 12 тому назадъ; онъ снятъ въ священной одеждѣ ламы ¹⁾.

На «джанкш'ѣ» иногда находятся рисунки буквъ (фиг. 46 а и б) это, по объясненію бакши Бага-хурула Мало-Дербетовскаго улуса, символическія индійскія буквы, вмѣщающія въ себѣ множество молитвъ; этихъ символическихъ буквъ нѣсколько, и онѣ называются: Линзе, Бу-Асри, Седым-бу и пр.

Къ числу вещей, удостоиваемыхъ поклоненія, принадлежатъ еще разныя реликвіи, въ видѣ одежды, постели и другихъ предметовъ, оставшихся послѣ святыхъ мужей—ламъ, бакшей ²⁾.

Къ одному разряду съ символическими буквами нужно отнести символическія фигуры, которыя ри-

вой рукой онъ замахивается скелетомъ человека, а лѣвой страстно прижалъ къ себѣ женщину. Эрлик-ханъ сидитъ на бѣлѣ, насилующемъ женщину.—3) На золотомъ фонѣ отлита Дарька; она сидитъ на „дебескир'ѣ“ (кошмѣ); правая рука опущена, волосы распущены и связаны въ концахъ пучками, на головѣ „тетимъ“, вокругъ головы расположены въ видѣ кольца бурханы, на шеѣ—ожерелье, на лѣвой рукѣ два пальца соединены, слѣва—цѣтокъ „гунда-цецкиъ“.—4) На синемъ фонѣ представленъ золотой Шакджи Муни; правая рука опущена, а лѣвая покоится на животѣ.

¹⁾ Портретъ Кебюн-Ламы, нарисованный красками однимъ „гецуломъ“, и встрѣтилъ въ Ики-хурулѣ, въ кибиткѣ одного гелюнга: онъ помѣщался на алтарѣ, вмѣстѣ съ „шутен'ами“.

²⁾ Вотъ нѣсколько примѣровъ: 1) Въ Эрденіевомъ хурулѣ Харахусовскаго улуса, въ священной кибиткѣ „Эки-хурула“, съ правой стороны, около бурхановъ, стоитъ „Ламин-шире“ (столикъ Ламы) подъ постоянно опущеннымъ краснымъ балдахинномъ. Около „Ламин-шире“ лежитъ подушка, покрытая платкомъ, а на платкѣ „ула-махла“ (шанка изъ желтаго перелобляго сукна, низъ красный), около шанки шелковой платокъ фиолетоваго цвѣта; эти вещи принадлежали Анджа-тен-Ламѣ, основателю хурула. Въ другой кибиткѣ того же хурула—„докшинтен-хурула“, справа, около бурхановъ тоже находится „Ламин-шире“, который принадлежитъ гелюнгу Чимбил-Ламѣ; это былъ второй Лама, послѣ котораго сохраняется только простой „цецкиъ бадма“ (цѣтокъ).—2) „Ламин-шире“ есть и въ Большомъ Баруновомъ хурулѣ Индыковскаго улуса, и 3) въ Большомъ хурулѣ Икицохуровскаго улуса. Вообще, рѣдкій изъ хуруловъ, особенно большихъ, не имѣетъ „Ламин-шире“ или какой-нибудь вещи, оставшейся послѣ святыхъ мужей. Въ однихъ хурулахъ эти вещи сохраняются въ общихъ священныхъ кибиткахъ, въ другихъ же для нихъ существуютъ отдѣльныя кибитки или постройки, называемыя „Ламин-шира“.

суются или вырѣзываются на жертвенныхъ столикахъ. Всѣ такія фигуры носятъ названіе «эрдни» (драгоценность), и всѣхъ ихъ 16, въ двухъ порядкахъ, по 8 въ каждомъ порядкѣ.

Первый порядокъ—Немен эрдни (8 эрдни) или Немен Кюсмин такал (фиг. 47): а) Эрдни Цереннойон (рисунокъ представляетъ нойона), б) Мерин-эрдни (лошадь), в) Зан-эрдни (слонъ), г) Тошмил-эрдни (вельможа), д) Хатын-эрдни (нойонша), е) Мани-эрдни (молитва?), ж) Кюрдѣ-эрдни (молитвенный барабанъ) и з) Дзиндымин-эрдни.

Второй порядокъ—Немен эрдни (фиг. 48). а) Кюрдѣ, б) Чимикъ (украшеніе), в) Алтын утцын (золотая нить), г) Дунгъ (раковина), д) Бадма-цецкиъ (цѣтокъ), е) Алтын бомбо (золотой бомбо), ж) Алтынъ заксын, з) Шукюр (зонтикъ).

На этихъ же столикахъ еще рисуется или вырѣзывается «Лу»—злое существо въ видѣ змѣи съ огромною головой (обыкновенно изображаются двѣ змѣи) и «Кюнен-толга»—человѣческая голова, съ отвратительными чертами лица, которая помѣщается всегда въ центрѣ рисунковъ. Изъ двухъ порядковъ «эрдни» чаще встрѣчается второй: ими кромѣ столиковъ украшаютъ и хурульныя постройки съ наружной стороны.

Къ другимъ принадлежностямъ хурульныхъ кибитокъ нужно отнести прежде всего «Кюрдѣ»—молельный барабанъ (фиг. 49). Онъ дѣлается въ степи самими калмыками и состоитъ изъ полаго цилиндра, на наружной сторонѣ котораго вырѣзаны символическія буквы. Черезъ центръ цилиндра проходитъ желѣзный стержень, на который наматывается внутри цилиндра столько свитковъ съ молитвами, что они заполняютъ всю полость цилиндра. Внизу стержень изогнутъ въ видѣ колѣчататаго вала такъ, что посредствомъ привязанной къ изгибу тесьмы («хошлымъ») цилиндръ свободно вертится. Цилиндръ «кюрдѣ» вставляется въ деревянный станокъ, который устраивается такимъ образомъ: два деревянныхъ креста (одинъ верхній, другой нижній) связываются между собою четырьмя брусками, образуя родъ клѣтки, внутри которой и помѣщается цилиндръ, при чемъ стержень его вставляется (подвижно) въ верхній и въ нижній крестъ. При богослуженіи духовенство всегда, а въ праздники и простолюдины, приводятъ въ движеніе цилиндръ, что и замѣняетъ молитву. Такіе же цилиндры ставятся и въ молельныхъ, выстроенныхъ на могилахъ или въ честь умершихъ. Величина «кюрдѣ» самая различная: есть четверти въ двѣ-три въ діаметрѣ, но есть и громадные, имѣющіе въ діаметрѣ сажень. Иногда «кюрдѣ» помѣщается на открытомъ воздухѣ, и тогда онъ приводится въ движеніе вѣтромъ, для чего сверху стержня прикрѣпляется четыре крыла. Посредствомъ самовращающихся «кюрдѣ» совершается непрерывная молитва.

Вторая принадлежность хурульной кибитки—«бомбо»—сосудъ съ аршаномъ (фиг. 50), въ который

вставленъ пучекъ павлиньихъ перьевъ («бомбон эдын»). «Бомбон» всегда стоитъ на жертвенномъ столикѣ, передъ бурханами, и изъ него даютъ аршанъ приходящимъ поклониться. Для приготовления аршана, что происходитъ во время богослуженія «укал», употребляются еще двѣ принадлежности: «манра» и «толи». «Манра» — это родъ небольшого таза. На стѣнкахъ «манра» снаружи вырѣзаны 8 эрди второго порядка, а на днѣ представлено схематическое изображеніе вселенной: въ центрѣ — го-ра — «семер-ѹла», въ видѣ квадрата, вокругъ нея 8 эрди первого порядка, а по краямъ — «тыб» (міры). «Толи» (зеркало) — металлическій гладкій кружокъ, такого размѣра, что совсѣмъ легко вкладывается въ «манра»; одна его сторона полирована, а на другой находится ручка, за которую и держатъ «толи». «Бомбо», «манра» и «толи» дѣлаются всегда изъ серебра, иногда вызолачиваются¹⁾.

Что касается жертвенныхъ столиковъ, то они нерѣдко бываютъ очень искусно и изящно сдѣланы: отчетливая и красивая рѣзьба «эрди», «кюней-толга» и «лу» раскрашиваются зеленою и красною краскою, а иногда покрываются и позолотой, а весь столикъ окрашивается обыкновенно въ красный цвѣтъ.

На жертвенныхъ столикахъ постоянно находятся, кромѣ «бомбо», слѣдующіе предметы: а) цѣлая группа металлическихъ, чаще всего серебряныхъ, чашечекъ («тѹклин цѣкцѣ») обыкновенной калмыцкой формы, съ хлѣбными зернами, пряниками, деревяннымъ масломъ и печеньями особой формы; б) оригинальный подсвѣчникъ для куренія «кюджи» — благовонной свѣчки, приготовляемой въ хурулахъ изъ смѣси разныхъ благовонныхъ смолъ и растений, но преобладающая составная часть — можжевельника ягоды; в) «зула» для возжиганія лампы.

Необходимую принадлежность «хурля-кгер», или правильнѣе хурула, составляютъ музыкальные инструменты, употребляемые при богослуженіи. Число инструментовъ во всѣхъ хурулахъ не одинаково, но видъ ихъ всегда тождественъ: это — «дунг», «кген-кгеркѣ», «докѹр», «бичкѹр», «кган-домѹ», «бюрѹ», «цанг», «денкшѹ», «селѣн», «каранкга», «хонхѹ», «яркѹ», «очѹр» и «арамбрѹ».

1) «Дунг» — крупная, обыкновенно бѣлаго цвѣта, морская раковина, изъ семьи трубороговыхъ (*Buscinida*) и шишачковыхъ (*Cassida*); такая раковина всегда по концамъ оправляется въ серебро.

2) «Кгенкгеркѣ» — родъ турецкаго барабана (фиг. 51 а). Онъ состоитъ изъ барабана, сдѣланнаго изъ выдѣланной козлиной кожи, натянутой на деревянный обручъ (около 1 арш. въ діам. и ок. 1/4 шир.), въ срединѣ выпуклый и разрисованный изображеніемъ змѣи («лу»); иногда эта змѣя и другіе символическіе знаки просто вырѣзаны на деревѣ. Кожа — бѣлаго цвѣта, а ободокъ красного съ зеленой змѣей.

¹⁾ Обыкновенно ихъ готовятъ калмыцкіе мастера, но въ послѣднее время стали заказывать въ Москвѣ и въ Ростовѣ на Дону.

Барабанная палочка («докѹр»), которую ударяютъ по кожѣ, представляетъ родъ молотка, довольно оригинальной конструкціи: къ деревянной рукояткѣ придѣланъ мѣдный или желѣзный проволочный полу-обручъ, заканчивающійся деревяннымъ круглымъ молоточкомъ, обтянутымъ кожей (фиг. 51 б). Послѣ игры барабанъ за петлю вверху привѣшивается къ стѣнкѣ кибитки.

3) «Бичкѹр» — это деревянная труба (фиг. 52 I, II), которая оправляется въ серебро; серебряныя оконечности соединяются обыкновенно серебряною цѣпочкой. «Бичкѹр» — труба разборная и состоитъ изъ пяти частей: первая (фиг. 52 а) склеена изъ двухъ желобковъ, которые обтянуты семью кольцами; тонкій конецъ обдѣланъ на глухо въ серебряное кольцо, а на толстомъ находится широкое подвижное кольцо; вторая часть (фиг. 52 б) — широкій металлическій наконечникъ трубы, въ который продѣвается часть а и натягивается плотно на подвижное кольцо; третья часть металлическій наконечникъ, съ тонкаго конца представляющій какъ бы два спаянныхъ бубенца (фиг. 52 в); четвертая часть — это какъ бы металлическая розетка, которая натягивается плотно на тонкую трубку (фиг. 52 г), и пятая часть — сдѣланный изъ чакана наконечникъ или пищикъ (фиг. 52 д), который привязывается къ тонкому концу в ниткой.

4) «Кган-домѹ» — серебряная, или же только вы-серебренная труба, оригинальной формы, со сдвинутыми стѣнками; она издаетъ пронзительные, однотонные звуки и требуетъ ужаснаго напряженія при игрѣ, почему на ней играютъ только моментами. Обыкновенно ихъ бываетъ двѣ. По своему виду «кган-домѹ», или «кган-клин», напоминаетъ берцовую кость, и нерѣдко по всей длинѣ густо обвивается человѣческими волосами.

5) «Бюрѹ» — громадная мѣдная труба, около сажени длинны и болѣе 1/4 въ діаметръ толстаго отверстия, издающая при игрѣ густые басовые звуки, которые постепенно то повышаются, то понижаются. «Бюрѹ» состоитъ изъ трехъ почти равныхъ отрѣзковъ, которые входятъ одинъ въ другой (фиг. 53).

6) «Цанг» — родъ двухъ литавръ или тарелокъ, сдѣланныхъ изъ особаго сплава; игра на нихъ заключается въ томъ, что тарелки ударяются одна о другую то какимъ-нибудь изъ краевъ, то всею ихъ плоскостью, при чемъ вызываются звуки то отрывистые, то долгіе, дребезжащіе. При игрѣ на «цанг» ихъ держать за привязанные къ верхнему концу лоскутки матеріи.

7) «Денкшѹ» — родъ «цанг'а», но гораздо меньше, около четверти въ діаметрѣ.

8) «Селѣн» — тоже родъ «цанг'а», но выпуклость меньше и ниже, и края нѣсколько загнуты наружу.

9) «Каранкга» употребляется только въ мало-дербетовскихъ хурулахъ. Инструментъ этотъ представляетъ металлическій тазъ безъ выгнутой части; въ него бьютъ, какъ и въ барабанъ, молоточкомъ.

10) «Хонхѹ» — колокольчикъ, менѣе четверти вышины, заканчивающійся вверху палочкою («очѹр» — желѣзъ). «Очѹр» — особаго рода металлическая палочка, которую лицо, звонящее въ «хонхѹ» правой рукой, всегда держитъ въ лѣвой (фиг. 54).

11) «Яркѹ» — это три маленькіе бубенца, связанные вмѣстѣ и прикрѣпленные серебряной цѣпочкой къ серебряной ручкѣ въ видѣ «очѹр'а» (желѣза) или другой формы.

12) «Арамбрѹ» — мало распространенный инструментъ; его совершенно нѣтъ въ мало-дербетовскихъ хурулахъ, а у торгоутовъ онъ употребляется едва ли не въ зюнгарскихъ только родахъ, куда онъ вывезенъ былъ изъ Зюнгариі. «Арамбрѹ» представляетъ продолговатый четырехугольный деревянный ящичекъ, со сдвинутыми въ срединѣ стѣнками, а по краямъ съ обоихъ концовъ обтянутый кожей; къ нему прикрѣпленъ на ремешкѣ шарикъ, который и ударяетъ при движеніи руки то по одной, то по другой кожаной плоскости (фиг. 55).

Не всѣ изъ описанныхъ инструментовъ имѣются при каждомъ хурулѣ. Кромѣ «арамбрѹ» и «каранкга», которые вообще мало распространены и употребительны, при многихъ хурулахъ нѣтъ и «бюрѹ». Остальные инструменты бываютъ при всѣхъ хурулахъ, хотя и не въ равномъ количествѣ, что зависитъ отъ богатства хурула и численности его персонала; но во всякомъ случаѣ трубъ всегда бываетъ парное число. Всѣ почти инструменты, кромѣ «дунг», «цанг», «денкшѹ» и «селѣн», которые черезъ Петербургъ пріобрѣтаются изъ Монголіи, прежде дѣлались внутри степи самими калмыками; но теперь въ степи найдутся мастера, которые только могутъ починить инструменты, а новые пріобрѣтаются по заказу, внѣ степи.

Всѣ перечисленные выше предметы составляютъ принадлежность каждаго «хурля-кгер», но въ отдѣльныхъ хурулахъ можно встрѣтить еще рядъ предметовъ, относящихся уже къ украшеніямъ. Напримѣръ, въ Большомъ Багutowомъ хурулѣ Индыковскаго улуса Эки «хурля-кгер» обита внутри чернымъ сукномъ, а по швамъ обшита парчей и трехцвѣтнымъ шелкомъ; сверху, впереди «джанкша», спускаются лоскутки желтаго цвѣта — «хорбусха» и изъ шелковой же матеріи сдѣланы украшенія: 1) «Чимик-джалцын» — широкія шелковыя ленты, висящія сверху до низу, и 2) «бадма-чимик» — тоже ленты, но составленные изъ кистей и нашитыхъ кусочковъ опредѣленной формы. Иногда ленты «чимик» укрѣпляются вверху на маленькихъ ободкахъ, и тогда изъ нихъ образуется родъ висячихъ изъ матеріи столбовъ «чемик-кгол», или «дуктѹ». Такъ сдѣланы украшенія въ хурулѣ на Калмыцкомъ Базарѣ.

«Хурля-кгер» всегда занимаетъ болѣе или менѣе центральное положеніе среди жилыхъ кибитокъ духовенства. При этомъ въ однихъ хурулахъ двери всѣхъ кибитокъ обращены на востокъ, что дѣлается въ силу религіознаго убѣжденія, что всѣ святости находятся

на востокѣ, и будущій правитель міра явится съ востока; въ другихъ хурулахъ двери открыты на югъ, въ чемъ нельзя не видѣть уступки климатическимъ условіямъ; наконецъ, въ третьихъ двери кибитокъ духовенства обращены къ священнымъ кибиткамъ, какъ религіозному центру монастыря. Все пространство внутри монастырскаго круга священо; въ него, напримѣръ, неприлично вѣзжать на лошадяхъ, идти по немъ съ кнутомъ или съ палкой въ рукахъ, курить и т. п. Въ нѣкоторыхъ хурулахъ внутри хурульнаго круга, кромѣ священныхъ кибитокъ, располагаются еще кибитки почитаемыхъ за святую жизнь лицъ изъ духовенства, кибитка официального ламы, кибитка ламъ частныхъ, а также кибитки бакшей и начальниковъ хуруловъ¹⁾.

Число собственно «хурля-кгер» въ разныхъ хурулахъ не одинаково и обуславливается почти исключительно богатствомъ хурула: есть хурулы съ одной «хурля-кгер», съ двумя, тремя, четырьмя, пятью, шестью и даже болѣе. Изъ нихъ, кромѣ «ламин-ширя», посвященныхъ отдѣльнымъ лицамъ, прочія «хурля-кгер» называются или по именамъ бурхановъ, въ честь которыхъ основаны, наприм. «Аюши-хурля кгер», «Малин-хурля» и проч., или по совершаемому въ нихъ богослуженію, напримѣръ, «докшитен-хурля», т. е. кибитка, въ которой происходитъ богослуженіе «докшит», или же по главенству: «ики-хурля» (большой хурулъ) и «бага-хурля» (малый хурулъ²⁾).

¹⁾ Такъ, наприм., въ Эркетеневскомъ улусѣ внутри круга расположена кибитка хурульнаго бакши. Этотъ бакша слѣдуетъ между калмыками строгимъ исполненіемъ монастырскихъ требованій и извѣстенъ по всему улусу своимъ благочестіемъ. Въ Ики-хурулѣ М.-Дербет. ул. внутри круга расположены кибитки «старога бакши» (или правильнѣе, хурульнаго ламы) и начальника хурула, но кибитка перваго стоитъ ближе къ священнымъ кибиткамъ, чѣмъ второго.

²⁾ Вотъ нѣсколько примѣровъ: 1) Въ Ики-хурулѣ Мало-Дербетовскаго улуса изъ 5 хурульныхъ кибитокъ одна называется «Далай-Ламин-эргѣ» — въ честь Далай-Ламы, «шутен» котораго привезенъ съ Алтая еще до основанія хурула нойономъ Далай-Тайшаемъ, и при основаніи хурула эта кибитка поставлена первою. Вторая кибитка — «Ики-хурля-эргѣ», третья — «Докшитен-эргѣ», или «Бага-хурля»; четвертая — «Малин-эргѣ», названная въ честь бурхана Малинъ, «шутен» котораго привезенъ съ Алтая, а пятая — «Цембе-Ламтин-ширя» — въ честь ламы Цембе. — 2) Въ Дунху-хурулѣ Мало-Дербетовскаго улуса первая кибитка называется «Зонкусин-эргѣ» — въ честь бурхана, которому посвященъ и монастырь; вторая кибитка — «Ики-хурля-эргѣ» — назначена для ежедневныхъ богослуженій, третья — «Мавлан-эргѣ» — предназначена для ежедневнаго вечерняго богослуженія «мала»; четвертая — «Джиджан-хурля-эргѣ» — въ честь перваго ламы и основателя хурула 120 лѣтъ тому назадъ; пятая — «Ики-шири-эргѣ» въ честь ламы Чунче; шестая — «Зеркинъ» или «Кебюн-ширя-эргѣ» — въ честь ламы Кебюна; седьмая — «Курше-Ламин-эргѣ» — въ честь ламы Курше; восьмая — «Ширин-бакшин-шире-эргѣ» посвящена ламѣ Ширинѹ. — 3) Въ Ульдуцинскомъ хурулѣ на Манычѣ пять священныхъ кибитокъ: Малин-хурля, Эки-хурля, Докшитен-хурля, Мани-хурля (съ большимъ «кюрдѣ») и

Кромѣ «хурля-эриге», «хурля-кгер», у каждаго хурула есть священные постройки: «субурган'ы», «цап'ы», которыя всегда устраиваются на опредѣленных мѣстахъ, главнымъ образомъ на мѣстахъ погребенія лицъ, въ честь которыхъ они поставлены; но о нихъ будетъ сказано ниже.

Что касается кибитокъ духовенства, то онѣ имѣютъ всегда такіе признаки и особенности, которые обуславливаются безбрачіемъ духовенства. Прежде всего кибитка духовнаго лица всегда бѣлая («цаган-кгер»), чтѣ служить символомъ чистоты и непорочности. Внутри кибитки духовнаго лица отсутствуютъ все то, что характеризуетъ семью: главное — нѣтъ очага, этого символа семьи, и расположеніе предметовъ иное (фиг. 56). Прямо противъ дверей расположена божница («хобол»), которая состоитъ здѣсь не изъ отдѣльныхъ ящиковъ, а составляется изъ сундуковъ или столовъ, покрытыхъ ковромъ и образующихъ по направленію къ двери одинъ или даже нѣсколько уступовъ, какъ и въ «хурля-кгер». На верху расположены, лицомъ къ дверямъ, литыя изображенія бурхановъ въ особыхъ деревянныхъ ящикахъ, или кіотахъ; сзади нихъ ставятся ящики съ изображеніями бурхановъ на матеріи («дарчикъ»); здѣсь же находятся и ящики съ религіозными рукописями. На нижнемъ уступѣ располагаются жертвенныя чашки, «зула» и «кюджи», а также четки и другіе священные-религіозные предметы. Направо отъ жертвенника помѣщается кровать, на которой нѣтъ никакихъ признаковъ брачной жизни, какъ «дебскир», «дерын зек», «келын зек» и пр. Налѣво чаще всего стоитъ тоже постель, такъ какъ обыкновенно въ кибиткѣ живетъ не одно лицо, — а не то сундуки съ имуществомъ. Около двери, налѣво помѣщается конская сбруя: сѣдла, уздечки, ногойки, а направо одежда и посуда. Во многихъ кибиткахъ свободная отъ мебели площадь устилается кошмами или коврами, и въ рѣдкихъ кибиткахъ нѣтъ кошмы передъ кроватью, особенно передъ стоящею направо, т. е. гдѣ спитъ старшее лицо кибитки. Въ кибиткахъ начальниковъ хуруловъ, особенно уважаемыхъ, передъ постелью накладывается возвышеніе на четверть отъ земли и выше, гдѣ сидитъ обыкновенно хозяинъ, поджавши ноги. Въ кибиткѣ ламы, высшаго духовнаго лица, это возвышеніе на одномъ уровнѣ съ постелью. Въ центрѣ кибитки нерѣдко вбивается колъ, къ кото-

„Зеркин-шире“—это кибитка Зеркин-ламы.—4) Въ Харахусовскомъ хурулѣ изъ пяти „хурля-кгер“ 1-я называется „Ики-хурля“, 2-я „Бага-хурля“, 3-я „Манлан-грекен-хурля“, а четвертая и пятая — „Ламин-шира“.—5) Въ Мало-Харахусовскомъ хурулѣ, въ Мочагахъ, двѣ кибитки: 1-я „Ики-хурля“, 2-я „Ламин-шира“.—6) Въ Бакшиновомъ хурулѣ Икцохуровскаго улуса—три священные кибитки: 1-я отъ востока—„Ламин-шира“ въ честь ламы Санджи Аракба; 2-я „Ики-хурля“, 3-я „Манлан-хурля“.—7) Въ Зюнгаровскомъ хурулѣ изъ двухъ кибитокъ одна называется „эки-хурля“, а другая—„Манлан-хурля“.

рому и прикрѣпляется четыре веревки кибитки въ случаяхъ бури или урагана.

Но главное внѣшнее отличие духовнаго лица отъ свѣтскаго составляетъ одежда. Духовныя лица не носятъ «шалбур», имѣютъ черезъ плечо «оркамджи» (родъ шарфа) и въ рукахъ четки («эркин»). Обыкновенную одежду ихъ составляютъ:

1) «Килик»—рубаха, какъ и у всѣхъ калмыковъ, съ большими воротомъ и съ разрѣзомъ напередѣ.

2) «Майк»—короткая юбка.

3) «Бешмет»—родъ длиннаго подрясника (краснаго цвѣта) со сборками на поясищѣ; длина его такая, что закрываетъ голенища обуви. Бешметъ напередѣ застегивается четырьмя или восьмью пуговицами. На бешметѣ два нашивныхъ кармана—«барун хаптѣнга» (правый карманъ) и «зюн-хаптѣнга» (лѣвый карманъ); на лѣвой сторонѣ есть еще верхній карманъ—«хор» (по-торгоутски) или «дактымъ» (по-дербетовски).

4) «Лапшик»—верхній, часто желтый («хар») халатъ.

На головѣ носятъ шапки въ обыкновенное время двухъ видовъ:

1) «махла-шанымъ» (фиг. 57)—кругленькая шапочка съ малиновымъ или краснымъ кумачнымъ околышемъ (I), верхъ желтый, тоже изъ кумачу, иногда изъ сукна (II), а на верху пунцовая «залѣ» (III).

2) Другая шапка «джатык», у мало-дербетовскихъ—«шетымъ» (фиг. 58). Околышъ (I) малиноваго или краснаго бархату, обшитый серебрянымъ или золотымъ шнуркомъ (II); верхъ изъ желтаго сукна (III), не совсѣмъ круглый, а восьмиугольный («немен толга»), а наверху—пунцовая «залѣ» (IV). Обоихъ этихъ видовъ шапочки, лѣтнія, равно какъ и зимнія, одинаковыя съ свѣтскими калмыками, носятъ духовныя лица всѣхъ званій; такія шапки явились лѣтъ 30 назадъ. Но кромѣ нихъ высшее по іерархіи духовенство носитъ еще и особыя шапки:

3) «Тырцык» (фиг. 59)—шляпа; ее носятъ пожилые гелюнгы. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ «тырцык» надѣвается, находится пальца въ 1½ толщины пуховый кругъ краснаго цвѣта; далѣе идутъ поля, натянутыя на кругъ изъ толстой проволоки, а потомъ низенькая, закругленная, осьмигранная тулья. Поля и тулья изъ желтаго сукна. На верху вышиваются серебряными и цвѣтными шнурами кольцо съ узоромъ, а по срединѣ кольца вшита красная пуговица («шур»). При надѣваніи шляпа привязывается лентами подъ затылкомъ.

4) «Хаджилга» (фиг. 60)—теплая мѣховая шапка, которую носятъ гелюнгы. На красномъ пуховомъ кругѣ (I) находится мѣховая (соболь, выдра) тулья (II) съ оторочкой (III), а потомъ желтый восьмигранный невысокій верхъ; на верху (IV) кольцо, вышитое серебромъ или цвѣтными шнурами (V), а по срединѣ—«шур» (красная пуговица).

5) «Бадма-махла» (фиг. 61)—шапка, которую носить духовное лицо, но лишь въ торжественныхъ и исключительныхъ случаяхъ, при встрѣчѣ, наприм., важныхъ лицъ и проч. «Бадма-махла» по формѣ ближе всего подходитъ къ епископской митрѣ, но только ниже ея и имѣетъ меньшій изгибъ. Она желтаго цвѣта, кромѣ нижняго круга (I) краснаго и восьми лепестковъ («тал», II); на верху пунцовая «залѣ».

Обувью духовенства служатъ красныя сафьянныя сапоги, или же красныя башмаки. Башмаки заимствованы отъ татаръ, прежде же носили сапоги. Поясъ («бюс») — длиною отъ 1½ до 3 арш., изъ какой-нибудь цвѣтной матеріи, но не бѣлой.

Кромѣ того, у каждаго духовнаго лица около пояса виситъ *чабрунъ* (фиг. 62 а и б)—мѣдный или серебряный маленький флаконъ съ пробкою; этотъ сосудъ вшитъ или въ кожу, или въ матерію, такъ что наружу выходитъ только горлышко. Флаконъ наливается водою, которая служитъ для полосканія рта передъ ѣдой или послѣ ѣды въ хурулѣ, послѣ куренья, передъ богослуженіемъ. Обшивка состоитъ изъ двухъ равныхъ пластинокъ, выкроенныхъ въ видѣ какихъ-либо фигуръ, и обшивается плотно вокругъ сосуда, при чемъ обшивка изъ матеріи предварительно расшивается (главнымъ образомъ наружная часть) шелками, золотомъ, серебромъ, стекларусомъ, блестками, шнурками. Къ верхней части, около горлышка сосуда, прикрѣпляются или цѣпочки или чаще привѣшиваются шнурки, которые нѣсколько выше пробки сшиваются вмѣстѣ и прикрѣпляются къ металлическому кольцу, а къ нему прикрѣплена длинная тесьма для надѣванья вокругъ пояса.

Вся одежда, не включая и обуви, бываетъ желтаго или краснаго цвѣта. Иногда красный цвѣтъ замѣняется малиновымъ, рѣдко (на особахъ низшихъ іерархическихъ ступеней) — фіолетовымъ, и только одинъ разъ мнѣ пришлось видѣть духовное лицо, одѣтое въ бешметъ ярко-зеленаго цвѣта. Красный и желтый—это цвѣта, по словамъ духовныхъ лицъ, особенно любимые бурханами, и собственно обуви этихъ цвѣтовъ не слѣдовало бы имѣть, такъ какъ ею касаются земли; если и носятъ теперь желтую и красную обувь, то это уже отступленіе, нарушеніе церковныхъ требованій, изъ подражанія татарамъ ¹⁾.

Въ составъ духовенства поступаютъ по желанію родителей и посвящаются иногда съ самаго рожденія; но въ «манжик'и» или «сургалин-кебюн», ученики при хурулѣ, поступаютъ съ 10—12 лѣтъ. Въ

¹⁾ Насколько все красное и желтое почитается у калмыковъ и вообще у ламаитовъ, можно видѣть изъ того религіознаго обычая, что если калмыкъ увидитъ на землѣ что нибудь красное или желтое, будь это пята или доскутокъ, — онъ обязанъ наклониться, взять его и, встряхнувъ три раза, положить на чемъ-нибудь высокомъ, хотя бы на травѣ, лишь бы не прямо на землѣ.

каждый хурулъ поступаютъ только изъ тѣхъ родовъ, которымъ принадлежитъ хурулъ, и духовенство не переходитъ изъ одного хурула въ другой; иногда отдѣльныя лица изъ одного хурула живутъ въ другомъ по нѣскольку лѣтъ для изученія живописи, медицины, астрологін, но по окончаніи курса возвращаются въ свой хурулъ ¹⁾.

Поступленіе въ хурулъ не ограничено возрастомъ, но обыкновенно поступаютъ малолѣтки послѣ 10 лѣтъ. Администрація установила крайній возрастъ поступленія въ хурулъ не моложе 16 лѣтъ, но въ дѣйствительности при хурулѣ находятся дѣти далеко моложе этого возраста. По мѣрѣ возраста и изученія обрядово-богослужебныхъ требованій хурула происходитъ послѣдовательное возведеніе на разныя священнослужительскія ступени. Всѣхъ ступеней четыре: 1-я подготовительная, не священнослужительская, ученикъ — *сургалин-кебюн*; 2-я *манжик*, 3-я — *гецуль* и 4-я — *келмонки*. Въ «манжик'и» можно переводить всѣхъ «сургалин-кебюнъ»; для повышенія въ «гецуль'и» нѣтъ опредѣленныхъ лѣтъ, а въ «гелюнг'и» — не ранѣе 20 лѣтъ. Для перехода съ одной ступени на другую важны успѣхи въ богослужебныхъ знаніяхъ.

Въ каждомъ хурулѣ существуютъ опредѣленные должностныя лица:

1) Начальникъ хурула, который въ большихъ хурулахъ называется *бакши*, а въ малыхъ — *ахлачи*. Впрочемъ, это въ Торгоутахъ, въ Мало-Дербетахъ же *бакши*—это званіе учителя, а начальникъ хурула безразлично называется «ахлачи». «Ахлачи» выбирается каждымъ хуруломъ изъ своей среды и утверждается ламой на безсрочное служеніе. «Ахлачи» можетъ быть только гелюнгъ.

2) Блюститель порядка и благочинія — *гебкю*. Онъ выбирается каждымъ хуруломъ на годъ и обыкновенно вступаетъ въ должность съ Новаго года. Имъ можетъ быть гелюнгъ и гецуль. Онъ слѣдитъ за благочиніемъ при богослуженіи. Гебкю присвоены и особые знаки его должности, именно: шапка, которая дѣлается изъ плюша или сукна желтаго цвѣта, въ формѣ башлыка и съ бахромой по среднему шву, палочка квадратная обыкновенно чернаго цвѣта съ металлическими наконечниками («джовук»), и особая одежда, въ видѣ мантии малиноваго или темно-желтаго цвѣта («дагама»).

3) Уставщикъ — *кгулзут* выбирается хуруломъ на неопредѣленное время изъ лицъ уважаемыхъ и при-

¹⁾ Такъ, Большой Баруновъ хурулъ Яндыковскаго улуса принадлежитъ двумъ родамъ: Барунову и Керетову; въ Большой Эмчиновъ хурулъ (или Чонкорлиновъ хурулъ). Икцохуровскаго улуса поступаютъ изъ четырехъ родовъ: Тохан-кесикова, Эмчин (или Ботхан)—Шабинерова, Кетчинерова и Эльджукутчинова рода; въ Малый Зюнгарскій хурулъ Икцохуровскаго улуса—только изъ Зюнгарскаго рода; въ Мало-Цатхановъ хурулъ—изъ Цатханова и отчасти Кгулжен-Шабинерова рода, но такъ, что на 13 билетовъ перваго приходится 5 билетовъ втораго.

томъ обладающихъ обыкновенно басомъ. Имъ можетъ быть гелюнгъ, гецуль и манжикъ.

4) Экономъ—*нирвэ* выбирается безсрочно, но обыкновенно мѣняется часто, почти каждый годъ. Онъ слѣдитъ за хозяйствомъ, управляетъ хурульной кухней.

5) Помощникъ «гебкю» — *геи* выбирается на годъ; его обязанность слѣдить за созывомъ духовенства на богослужение и за порядкомъ.

6) Помощникъ «нирвэ» (не всегда имѣется)—*зама* (поварь).

7) *Кюнир*—назначается изъ «сургалин—кебюн» въ распоряженіе также «гебкю»; онъ прислуживаетъ при богослуженіи. Ихъ можетъ быть и нѣсколько.

8) *Бурхачи*—это лица изъ низшихъ ступеней, назначаемыя для заботы о бурханахъ: о чистотѣ, о возжиганіи передъ ними «зула», «кюджи», о жертвенныхъ чашкахъ, для уборки хурульныхъ кибитокъ. Ихъ бываетъ и нѣсколько.

9) *Дунгчи* назначается на годъ изъ манжиковъ; его обязанность созывать духовенство въ хурулъ игрою на «дунг» (раковинѣ).

10) *Кенггерки* назначается на годъ, на два, на три. Онъ сзываетъ игрою на барабанъ («кенггеркге») на богослужение и играетъ на «кенггеркге» въ хурулѣ.

Кромѣ такихъ должностныхъ лицъ каждого хурула, есть, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ улусахъ, лицо въ родѣ благочиннаго—старшій «бакша», который завѣдуетъ всѣми хурулами улуса. Старшій бакша выбирается всѣми хурулами и утверждается ламой; смѣна зависитъ только отъ ламы. 1) Главой всего духовенства состоитъ «Лама», власти котораго присвоена особая желтая шапка («махла ѳла», *фиг. 63*) съ краснымъ бархатнымъ околышемъ.

Но кромѣ такого административно-религіознаго дѣленія, духовенство каждого хурула расчленяется еще на нѣсколько группъ по своимъ научно—религіознымъ занятіямъ.

Монастыри астраханскихъ калмыковъ помимо ихъ религіознаго назначенія, являются еще средоточіемъ оригинальныхъ ламаитскихъ знаній.

Всѣ знанія ламаитскаго духовенства распредѣляются по четыремъ отдѣльнымъ специальностямъ: богословіе, астрологія, медицина и живопись, и въ каждомъ почти хурулѣ находятся представители всѣхъ этихъ знаній и ихъ ученики, именно: «бакши»—это учителя вѣры, «зурхачи»—астрологи, «эмчи»—медики, «зурачи»—живописцы.

Всѣ поступившіе въ хурулъ прежде всего обучаются калмыцкой грамотѣ, изучаютъ богослужебный уставъ и молитвы, знакомятся съ обрядовою стороною хуруловъ, и это продолжается почти до совершеннолѣтняго возраста. По мѣрѣ обнаруженія способностей, неспособные къ ученію уходятъ изъ хуруловъ и возвращаются въ свѣтъ, а способные дѣлаются духовными лицами, возвышаясь при

1) Въ Ицкохуровскомъ улусѣ „старшимъ бакшей“ всѣхъ 8 хуруловъ улуса въ 1885 г. былъ гелюнгъ Эмчинова хурула.

этомъ послѣдовательно по священно-служительскимъ ступенямъ. До полученія первой священно-служительской ступени всѣ эти лица называются, какъ уже было сказано выше, «сургалин-кебюн», живутъ по кибиткамъ лицъ уже посвященныхъ въ религіозный санъ въ качествѣ послушниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ руководствомъ своихъ патроновъ, изучаютъ грамоту и богослужебный уставъ. Такимъ образомъ въ хурулахъ астраханскихъ калмыковъ нѣтъ общихъ школъ, а каждая кибитка есть мѣсто обученія, гдѣ обучаются два-три «сургалин-кебюн» по указаніямъ старшаго духовнаго лица. По мѣрѣ возраста и успѣховъ въ занятіяхъ «сургалин-кебюн» приучаются практически къ участию въ богослуженіяхъ: въ качествѣ «бурхачи» ухаживаютъ за шутенами, за чистотою хурульныхъ кибитокъ, потомъ прислуживаютъ въ храмахъ при богослуженіи и проч. Параллельно идетъ и обученіе религіозной музыкѣ на отдѣльныхъ инструментахъ. Инструменты, на которыхъ играютъ при богослуженіи обыкновенно ученики,—это барабанъ («кенггеркге»), колокольчикъ («хонхо») и раковина («дунг») и можно думать, что съ этихъ инструментовъ и начинается обученіе религіозной музыкѣ. Вообще, учениковъ приучаютъ играть не на одномъ, а на нѣсколькихъ инструментахъ. Вотъ почему среди духовенства нерѣдки лица, которые умѣютъ играть на всѣхъ религіозныхъ инструментахъ, и нѣтъ ни одного духовнаго, который не умѣлъ бы владѣть хотя бы однимъ богослужебнымъ инструментомъ. Только тогда, когда ученики достигнутъ возраста, при которомъ обнаружатся ихъ способности и наклонности, начинается изученіе той или другой религіозно-научной специальности. Специализированіе знаній есть дѣло уже личнаго вкуса, выбора и необязательно для каждого, почему большинство изъ духовенства не изучаетъ ни одной изъ специальностей, а ограничивается лишь знаніями богослужебно-обрядовыми: но и обратно: встрѣчаются лица, которые изучаютъ по двѣ, по три специальности. Всѣ рукописи и по медицинѣ, и по астрологіи, и по богословію и по живописи изложены на монгольскомъ и тангутскомъ языкахъ, поэтому первая ступень, съ которой начинается изученіе всякой науки—это знакомство съ языкомъ. 1) По мѣрѣ ознакомленія съ языкомъ, происходитъ приготовленіе для себя руководствъ по изучаемой специальности—списываніе рукописей подъ наблюденіемъ учителя. Такія условія усвоенія специальныхъ знаній дѣлаютъ то, что нельзя установить даже приблизительно числа лѣтъ для изученія той или другой специальности: все зависитъ отъ способностей учащаго и учащагося и отъ предварительныхъ знаній 2).

1) Богослужебныя книги изложены тоже на тангутскомъ языкѣ, но изученіе ихъ происходитъ механически, безъ пониманія смысла, а путемъ лишь усвоенія наизусть.

2) Вотъ нѣсколько рельефныхъ примѣровъ. Начальникъ Большаго Цатанова хурула, Яндыковскаго улуса, эмчи (докторъ),

Всѣ четыре отдѣла знанія нераздѣльно связаны съ религіей и служатъ ея цѣлямъ, и изучившіе ту или другую специальность являются представителями не науки, а религіи. Поэтому бакша среди калмыковъ является не только учителемъ вѣры, блюстителемъ нравственности, но и истолкователемъ всѣхъ космическихъ явленій, а равно и верховнымъ судьей, вѣдѣнію котораго подлежатъ всѣ дѣла изъ семейнаго права, не выключая и дѣла о наследствѣ. Наравнѣ съ бакшой и «зурхачи» (астрологъ) есть участникъ всѣхъ событій, какъ радостныхъ, такъ и горестныхъ каждой калмыцкой семьи: бракъ, роды, болѣзни и смерть человѣка, успѣхъ въ хозяйствѣ, перекочевка—все это совершается при участіи и по указаніямъ «зурхачи». Въ обязанность послѣдняго входитъ: а) слѣдить при бракахъ за лѣтами брачующихся, въ интересахъ счастья семьи; б) назначать «счастливыя имена» новорожденнымъ; в) въ случаѣ болѣзни, отыскивать причины ея; г) опредѣлять, какому виду погребенія предавать покойника; д) указывать, въ какую сторону положить лицомъ каждаго умершаго и т.д. И кромѣ всего этого, зурхачи дѣлаютъ вычисленія годовыя, опредѣляютъ путемъ вычисленій праздники, легкіе и тяжелые дни, а также время луннаго и солнечнаго затменія; предугадываютъ состояніе погоды, наступленіе холода и тепла и сообщаютъ разныя другія свѣдѣнія, важныя для степного хозяйства.

Сравнительно меньшая роль принадлежит калмыцкимъ докторамъ—«эмчи», которые имѣютъ дѣло только съ больными и приглашаются къ нимъ лишь послѣ опредѣленія «зурхачи» причинъ болѣзни.

Наконецъ живописцы—«зурачи»—являются уже просто хурульными ремесленниками: они, по заказу хуруловъ или отдѣльныхъ лицъ, рисуютъ «дарцики».

Но какой бы специальности ни было духовное лицо, оно проходитъ всѣ священнослужительскія ступени (наравнѣ съ другимъ духовенствомъ, не изучающимъ никакой специальности) начиная отъ манжика до гелюнга и ламы, можетъ избираться въ разныя должности (и только начальники хуруловъ избираются преимущественно изъ числа бакшей), и участвуютъ въ исполненіи всѣхъ обязанностей, которыя лежатъ на духовенствѣ.

Въ кругъ обязанностей духовенства каждаго хурула входитъ участіе при обрядахъ: бракосочетанія, нареченія имени, погребенія, поминовенія, чте-

учился медицинѣ всего одинъ годъ, потому что тангутскій языкъ онъ уже зналъ предварительно; эмчи Цатанова хурула, Ицкохуровскаго улуса учился четыре года; эмчи Зюнгарскаго хурула, Ицкохуровскаго улуса изучалъ медицину пять лѣтъ; эмчи на урочищѣ Амта Бургуста въ Мало-Дербетовскомъ улусѣ, бывшій гелюнгъ, вышедшій изъ духовенства, учился 9 лѣтъ, и изъ нихъ 5 лѣтъ посвящены были на медицинскую практику; эмчи Мало-Харахусовскаго хурула въ Мочагахъ учился 11 лѣтъ, изъ которыхъ пять лѣтъ практиковалъ вмѣстѣ съ учителемъ. Подобная же разница въ числѣ лѣтъ, посвященныхъ наукѣ, замѣчается и при изученіи астрологіи, богословія и живописи.

нія молитвъ надъ больнымъ, совершенія молитвословій по случаю бѣдствій—засухи, болѣзней и т. п., и наконецъ участіе въ богослуженіи, какъ еженежномъ, такъ и праздничномъ.

Богослуженіе въ каждомъ хурулѣ совершается ежедневно два или три раза, смотря по уставу хурула. Общій ходъ богослуженія въ хурулахъ таковъ: два «дунгчи» или «кенггерки» (смотря по роду службы) подъ наблюденіемъ гебкю или геика съ оркамджи (родъ краснаго шарфа) черезъ плечо являются къ хурульной кибиткѣ, и всѣ трое предварительно обходятъ вокругъ хурульныхъ кибитокъ съ востока на западъ три раза, послѣ чего становятся у входа той изъ хурульныхъ кибитокъ, въ которой назначено богослуженіе (или же, если богослуженіе предположено совершить не въ одной кибиткѣ,—то у дверей главной кибитки) и трубятъ, послѣдовательно поворачиваясь на всѣ четыре стороны горизонта. Вскорѣ изъ отдѣльныхъ кибитокъ начинаютъ появляться тѣ изъ лицъ духовенства, которые въ этотъ день участвуютъ въ богослуженіи. Старшіе чины всегда одѣты въ лапшики, младшіе же являются въ камзолахъ, но у всѣхъ черезъ плечо обязательно надѣты «оркамджи». Всѣ лица, приближающіяся къ хурульной кибиткѣ, не идутъ прямо ко входу, а всегда подходятъ такъ, чтобы начать кругъ отъ входа съ восточной стороны и дѣлаютъ три общихъ круга вокругъ всѣхъ кибитокъ, причемъ идутъ или въ одиночку, или по два, по три въ рядъ (какъ случится). Сдѣлавши три полныхъ круга съ запада (если входъ обращенъ на югъ) или съ сѣвера (если на востокъ), приближаются ко входу въ ту кибитку, гдѣ будетъ богослуженіе, снимаютъ шапки и кладутъ передъ входомъ, лицомъ къ нему, три земныхъ поклона такимъ образомъ: руки, сложенные концами пальцевъ, предварительно поднимаютъ ко лбу и наклоняются къ землѣ, затѣмъ, молящіяся, со сложенными руками, касаются лбомъ косяковъ у входа, отступаютъ, не обирачиваясь назадъ, берутъ шапку въ руки и, оставивъ обувь у дверей, входятъ уже въ хурульную кибитку. Здѣсь, положивши шапки гдѣ нибудь въ сторонѣ, садятся каждый на заранѣе приготовленное для него мѣсто. Когда бываютъ въ сборѣ всѣ участники дашнаго богослуженія, манжикъ приноситъ въ хурульную кибитку въ ушатахъ или въ домбо (смотря по количеству духовенства) чай или кумысъ (иногда также сушки) и разливаютъ его по чашкамъ, которыя приносятъ съ собою каждое лицо, начиная со старшихъ и до младшихъ членовъ; въ то же время два другіе или одинъ манжикъ раздають сушки. Принявши сушки лѣвой рукой (въ правой чашка съ жидкостью), каждое лицо кладетъ ихъ на поставленный передъ нимъ столикъ и беретъ чашку обѣими руками. Когда кушанье роздано, наступаетъ молитва передъ ѳдой. Какъ и во всякомъ богослуженіи, начинается всегда речитативное пѣніе молитвы «кгузутъ», обыкновенно густымъ басомъ, тихо, а затѣмъ къ нему въ уни-

сонъ присоединяются остальные, и молитва, начатая тихо, постепенно усиливается послѣдовательнымъ, почти незамѣтнымъ возвышеніемъ голоса. Молитва кончена, и происходитъ питье чаю или кумыса, которое идетъ безмолвно, причемъ въ чашку каждому наливаютъ столько разъ, сколько кто захочетъ, или сколько достанетъ. Каждый насытившійся облизируетъ чашку при посредствѣ пальцевъ до-суха, наполняетъ ее маленькими деревянными кружечками и кладетъ за пазуху, завернувши предварительно въ платокъ. Имѣніе при себѣ во время посѣщенія хурула чашки для духовенства обязательно, и дѣлается очевидно въ подражаніе Буддѣ, (который, не имѣя никакихъ запасовъ, являлся въ ближайшее поселеніе всегда съ своей чашкой, стучался въ двери, и если ему выносили чего-нибудь поѣсть, то получалъ пищу въ свою чашку и удалялся).

Такъ какъ на богослуженіе является не все духовенство, то оставшіеся въ кибиткахъ маленькіе манжиги изъ хурульной кибитки разносятъ пищу въ «домбо» или въ другой посудѣ. Почти всякое богослуженіе начинается приѣмомъ пищи, причемъ въ хурульной кибиткѣ не ѣдятъ только мяса, его разносятъ прямо изъ кухни по кибиткамъ.

Послѣ того, какъ всѣ уже спрятали свои чашки, идетъ уже богослуженіе, которое бываетъ неодинаково, смотря по времени дня и по празднику, но каждое богослуженіе имѣетъ слѣдующія общія черты: 1) не только всякое богослуженіе, но и всякую пѣснь начинается кгузутъ; 2) начало всякаго богослуженія и всякой пѣсни бываетъ тихое, а потомъ всѣ голоса постепенно возвышаются; 3) пѣніе всегда речитативное и общее: никогда не бываетъ ни соло, ни дуэтовъ, ни трио и пр. 4) при пѣніи всѣ голоса поютъ въ унисонъ. Одни изъ богослуженій состоятъ въ пѣніи только, другія же сопровождаются игрою на инструментахъ, то лишь на нѣкоторыхъ, то на всѣхъ, смотря по виду богослуженія. Въ игрѣ на инструментахъ трудно уловить мотивъ, — каждый инструментъ играетъ какъ бы отдѣльно, и получается шумъ; исключеніе представляетъ «бюря», игра на которой очень однообразна по вариантамъ, но самые варианты всегда довольно уловимы. Наоборотъ, пѣніе отличается опредѣленностью и выдержанностью мотива, и какъ ни разнообразны, относительно, конечно, мотивы богослужебнаго пѣнія, всѣ они почти заканчиваются печально, меланхолически.

Всякое богослуженіе исполняется сидя, совершается въ обыкновенной одеждѣ, съ обнаженной головой. Нѣкоторую особенность во внѣшней обстановкѣ отличаются, какъ кажется, только богослуженія: 1) «дажжикъ», 2) чтеніе «нома» и 3) «укал». Отличіе перваго и втораго состоитъ въ томъ, что они совершаются въ особой одеждѣ; особенность же укала, сравнительно съ другими богослуженіями, та, что во время него происходитъ освященіе аршана и зеренъ, что совершается такимъ образомъ:

въ извѣстный моментъ богослуженія манжигъ подноситъ чашку съ зернами главному лицу въ богослуженіи — бакшѣ и держитъ ее передъ нимъ, стоя на коленяхъ; бакша, подъ звуки «хонхо», «цангъ» и «денкша», разбрасываетъ немного зеренъ въ стороны. Потомъ также подносятъ и ставятъ на столѣ домбо съ аршаномъ, «толи», «манра» и платокъ; бакша, при звукахъ тѣхъ же инструментовъ, троекратно переливаетъ изъ «домбо» на «толи», откуда аршанъ сбѣгаетъ въ «манра», закрываетъ платкомъ и переливаетъ потомъ опять въ домбо, и такъ до трехъ разъ. Послѣ освященія «аршана» манжигъ подноситъ къ лицу каждой духовной особы «кюджи», сначала на правой сторонѣ, потомъ на лѣвой, и разноситъ аршанъ, наливая его каждому на ладони; получившій аршанъ немного отпиваетъ, а остальнымъ мажетъ себѣ грудь и лобъ.

По окончаніи богослуженія прежде другихъ поднимается гебкю и, взявши въ обѣ руки палочку своей власти, съ которою онъ сидитъ во все время богослуженія, производитъ ею движенія слѣва направо сначала передъ правымъ рядомъ, а потомъ передъ лѣвымъ; по движенію гебкю прежде поднимаются сидящіе по правую сторону, а потомъ — по лѣвую. Каждый выходящій, взявши шапку, выходитъ за дверь, надѣваетъ обувь, кладетъ шапку на землю, дѣлаетъ три поклона, прикладываетъ къ косяку дверей лбомъ и обходитъ троекратно вокругъ «хурля кгер», а потомъ уже отправляется въ свою кибитку.

Что касается видовъ богослуженія, то ихъ довольно много, и при томъ не одинаково у всѣхъ хуруловъ: каждый хурулъ имѣетъ свой отдѣльный уставъ, по которому и опредѣляются богослуженія.

Всѣ члены отдѣльнаго хурула ассоціируются между собою довольно оригинально: между тѣмъ какъ въ административно-церковномъ отношеніи хурулы представляютъ одну монастырскую общину съ подчиненіемъ отдѣльнаго лица обще-хурульному уставу и выборнымъ хурульнымъ властямъ, какъ во время богослуженія, такъ и внѣ его и даже за предѣлами хурула, — въ хозяйственно-экономическомъ отношеніи у нихъ параллельно существуютъ два начала — общинное и личное. Каждый хурулъ имѣетъ спеціальныя общинныя хурульныя средства, заключающіяся, главнымъ образомъ, въ скотѣ, и ими пользуются сообща всѣ члены хурула; но въ тоже время каждый отдѣльный членъ имѣетъ еще и свое собственное имущество и хозяйство, и нерѣдко очень значительное. Такъ что по имущественному положенію члены любого хурула далеко неравны: есть между ними бѣдняки, есть и богачи.

Хурульныя средства создаются изъ двухъ источниковъ: черезъ пожертвованія отдѣльныхъ прихожанъ хурула и путемъ исполненія различныхъ религиозныхъ требъ членами хурула. Какъ тѣ, такъ и другія средства, въ видѣ ли денегъ, скота или вещей, распределяются на три части: одна часть

идетъ въ пользу лицъ заработавшихъ или получившихъ пожертвованія; другая распределяется между всѣми членами монастыря сообразно ихъ іерархическому и административному положенію, а третья идетъ въ общую кассу, и изъ нея-то и образуются хурульныя средства. Обыкновенно послѣднія заключаются не въ деньгахъ, а въ хурульномъ хозяйствѣ, *скотѣ*, который находится подъ вѣдѣніемъ выборнаго изъ среды самого духовенства эконома — «нирве». Количество скота при каждомъ хурулѣ различно и зависитъ какъ отъ умѣлаго хозяйства, такъ, главнымъ образомъ, отъ богатства прихожанъ¹⁾.

Скотоводческое хозяйство хуруловъ ведется двумя способами. Въ хурулахъ, гдѣ скота немного, послѣдній выпасывается не въ отдѣльныхъ стадахъ, распределяется по стадамъ частныхъ хозяевъ калмыковъ; при хурулахъ же, въ такихъ случаяхъ, содержатся лишь лошади для кумыса и дойныя коровы. Такимъ образомъ, на примѣръ, ведется хозяйство въ Большомъ Цатановомъ хурулѣ Индыковского улуса, гдѣ было въ 1885 году лошадей 10, коровъ 30, овецъ до 150. Но при большомъ количествѣ скота хурулы имѣютъ свои отдѣльныя стада, которыя оберегаются наемными пастухами²⁾.

Лицомъ, отвѣтственнымъ передъ хурульной общиной за хурульное хозяйство и обязаннымъ пред-

1) Одинъ изъ бѣдныхъ хуруловъ въ Калмыцкой степи — это Зюнгаровъ хурулъ Икицохуровскаго улуса. Начальникомъ этого хурула 30 лѣтъ назадъ былъ бакша Данке, почитавшійся въ степи за святаго человѣка. При жизни онъ отличался безкорыстіемъ, проповѣдывалъ аскетизмъ, убѣждалъ другихъ, что богатство есть главный источникъ несчастія людей и ихъ грѣховности, и, умирая, просилъ избѣгать богатства. Его традиціи Зюнгарскій хурулъ стремится придерживаться и теперь. И вотъ въ этомъ хурулѣ хурульныя средства заключаются въ 6 лошадей и 200 овецъ. Въ другихъ хурулахъ число скота сравнительно больше. Такъ въ Мало-Цатановомъ хурулѣ, тоже Икицохуровскаго улуса, въ 1885 году считалось 7 верблюдовъ, 50 головъ рогатаго скота и 400 овецъ. Въ томъ же году въ Мало-Цатановомъ хурулѣ Эркетеневскаго улуса было 20 верблюдовъ, 70 лошадей, 200 головъ рогатаго скота и 1000 овецъ; въ Большомъ Эркетеневскомъ улусѣ — 10 верблюдовъ, 170 лошадей, 60 коровъ и 1000 овецъ; въ Большомъ Багутовомъ хурулѣ Индыковского улуса (одинъ изъ богатыхъ хуруловъ по скотоводству въ степи) — было верблюдовъ около 70, лошадей болѣе 300, коровъ около 100 и овецъ болѣе 3000.

2) На примѣръ, въ Большомъ Багутовомъ хурулѣ нанимались для своихъ лошадей двухъ пастуховъ съ платомъ по 2 р. въ мѣсяцъ и лѣтомъ, и зимою, одеждѣ, «семерикѣ» муки и весной и осенью по 50 рунъ бараньихъ на обоихъ. На такихъ же условіяхъ нанимались два пастуха и для рогатаго скота. При овецъ и верблюдахъ находилось 10 пастуховъ: два старика и восемь молодыхъ, причемъ хурулъ заключалъ условіе со стариками, а они уже отъ себя нанимали молодыхъ. Условіе въ этомъ году было заключено такое: хурулъ ежемѣсячно платитъ по 2 рубля на каждаго изъ 8 молодыхъ пастуховъ, по семерикѣ муки въ зиму на 8 семей и 8 армяковъ, а лѣтомъ даетъ всю одежду, при этомъ въ пользу двухъ стариковъ пастуховъ идутъ кожи отъ павшихъ животныхъ, мясо отъ заболѣвшихъ и вся шерсть, и только въ концѣ года они обязаны доставить готовныя конны для «хурля — кгер».

ставлять ежегодный отчетъ, является, какъ уже сказано, «нирве»: онъ ведетъ счетъ скоту, имѣетъ дѣло съ пастухами, продаетъ и покупаетъ скотъ, а также назначаетъ на убой для кухни и завѣдуетъ самой кухней, гдѣ работаютъ, также по найму, куховары («зама»).

Расходуются хурульныя средства на такіе потребности: а) на содержаніе «хурля-кгер» и на ихъ принадлежности: «шутенъ», «сергү шутенъ» (литые), «кѣрикг шутенъ» (рисованные) и маленькіе «манкгу» или «эм-бійе» — (лѣкарственное тѣло), «дарчикъ», музыкальные инструменты и пр.; б) на обще-хурульную кухню и хозяйство, и в) на пособие, въ видѣ одежды, своимъ бѣднѣйшимъ членамъ и призрѣваемымъ при хурулахъ бѣднякамъ.

Такъ какъ отдѣльныя духовныя лица не имѣютъ въ своихъ кибиткахъ очаговъ, то при каждомъ хурулѣ внѣ хурульнаго круга ставится большая, не бѣлая («хара-кгер») кибитка для кухни, въ которой и готовится пища въ общихъ котлахъ и для всѣхъ членовъ хурула¹⁾.

Изъ хурульной же кухни получаютъ иногда остатки пищи и призрѣваемые. Но кромѣ пищи послѣдніе изъ хурульныхъ средствъ пользуются пособиями и въ другихъ видахъ. Какъ способъ помощи бѣднякамъ, такъ равно и число послѣднихъ различны въ разныхъ хурулахъ и не одинаковы, хотя бѣдняки есть обязательно при каждомъ хурулѣ, кочуютъ вмѣстѣ съ нимъ и ставятъ свои кибитки въ нѣкоторомъ разстояніи отъ кибитокъ духовенства²⁾.

1) При Багутовомъ хурулѣ Индык. ул. котель на кухнѣ выѣщаетъ 25 ведеръ воды. Чтобы сварить чай, кромѣ воды, вливаютъ 2 ведра молока, 3—5 фунтовъ масла и 1½ доски чаю. Варится чай два раза въ день.

2) Вотъ свѣдѣнія о призрѣваемыхъ по нѣсколькимъ хуруламъ.

Въ Большомъ Цатановомъ хурулѣ Индыковского улуса находится 7 кибитокъ простыхъ калмыковъ и въ нихъ призрѣвается 12 человѣкъ сиротъ и вдовъ. Хурулъ даетъ имъ одежду, пищу, чай, муку отдѣльно каждому. Призрѣваемые будутъ жить въ хурулѣ до смерти и между ними есть такіе, которые живутъ лѣтъ по 12.

При Большомъ Эркетеневомъ хурулѣ живетъ 10 бѣняковъ, и за неимѣніемъ у нихъ кибитокъ, они живутъ на кухнѣ или по кибиткамъ духовенства.

Призрѣваемые — это вдовы, сироты, больные (неизлѣчимые, помѣшанные) и имъ хурулъ даетъ остатки отъ пищи и одежду. Въ бакшиномъ хурулѣ постоянно призрѣвается только двое (двѣ кибитки); лѣтомъ они даютъ для себя хурульныхъ коровъ, а зимою имъ дается пища и одежда; на зиму число бѣдныхъ увеличивается.

При Зюнгаровскомъ хурулѣ призрѣвается три лица, по зимѣ число увеличивается, а лѣтомъ бѣняки живутъ при богатыхъ калмыкахъ; помощь хурула заключается въ пищѣ, одеждѣ, лѣченіи.

При Большомъ Багутовомъ хурулѣ Индыковского улуса находится четыре кибитки стариковъ и вдовъ, призрѣваемыхъ хуруломъ, а прочія кибитки (въ числѣ 20) съ 5 подкубятками принадлежатъ бѣднякамъ, которые не въ силахъ перекочевывать вмѣстѣ съ состоятельными калмыками: имъ ху-

Каждое духовное лицо, получая изъ хурульных средствъ только пищу, всѣ остальные потребности удовлетворяетъ уже изъ собственныхъ достатковъ, и только бѣднѣйшимъ изъ своихъ членовъ хурулъ оказываетъ пособіе на одежду. Личныя средства составляютъ у всего духовенства, конечно, изъ получаемыхъ доходовъ при исполненіи религиозныхъ требъ и пзъ частныхъ пожертвованій. Благодаря тому обстоятельству, что возможность получения дохода, кромѣ принадлежности къ хурулу и имѣнія священнослужительскаго сана извѣстной степени, даетъ еще изученная научно-религиозная специальность, величина доходовъ совершенно несравнима у членовъ одного и того же хурула. Можно признать за общее положеніе, что зурхачи, бакши, а затѣмъ эмчи и даже зурачи, т. е. лица, съ тою или другою религиозною специальностью, — самые состоятельные люди въ каждомъ хурулѣ, и бѣдняковъ между ними нѣтъ. Но нерѣдкость встрѣтить и такое явленіе, что въ хурулахъ оказываются зажиточные люди, не только не обладающіе специальностью, но даже стоящіе на низкихъ ступеняхъ іерархической лѣстницы. Подобные случаи объясняются связью духовенства со своими родственниками.

Среди калмыковъ духовное званіе пользуется не только высокимъ уваженіемъ, но и суевѣрно-религиознымъ почетомъ; духовное званіе, по понятію калмыковъ, важно не для одного поступающаго, но и для всей семьи и даже для всѣхъ родственниковъ; оно избавляетъ семью и хозяйство отъ несчастій здѣшней жизни и служитъ орудіемъ спасенія въ посмертномъ мірѣ. Поэтому, всякая семья стремится имѣть въ хурулѣ представителемъ за себя члена своей семьи, и если въ семьѣ есть четыре сына, то одинъ изъ нихъ, кромѣ старшаго, посвящаетъ себя обязательно духовному званію. Кромѣ того болѣзнь, смертность въ семьѣ, неплодіе, другія несчастія всегда служатъ поводомъ къ посвященію дѣтей мужскаго пола духовному званію, и если дѣтей не много, особенно если одинъ ребенокъ, и отдѣлить его отъ семьи нельзя, въ видахъ не прекращенія рода по мужскому поколѣнію, то и въ такихъ случаяхъ ребенка отдають въ хурулъ временно, до совершеннолѣтія, или же, посвящая ребенка хурулу, оставляють его въ семьѣ. Всѣ посвященные хурулу лица, хотя бы они и жили въ семьѣ, всегда до совершеннолѣтняго возраста носить одежду духовенства краснаго цвѣта и брѣютъ

хурулъ помогаетъ нѣсколько пищей, но у нихъ есть свои, отдѣльныя отъ хурула, стада скота.

При Харахусовскомъ хурулѣ въ Мочагахъ есть нѣсколько бѣдныхъ кибитокъ, которымъ даетъ пособіе хурулъ: лѣтомъ — изъ хурульной кухни пищу, а зимой дается по кибиткамъ мука, доска чаю, и кромѣ того, духовенство, по очереди, кормитъ другихъ бѣдняковъ.

При Цатановомъ хурулѣ Эркетеневскаго улуса привѣщается бѣдныхъ только три лица, а временно призрѣваемыхъ гораздо больше, такъ какъ при приближеніи къ хотону являются въ хурулъ за милостиней.

волосы на головѣ, послѣ же совершеннолѣтія одѣваются въ обычную одежду калмыковъ, и въ знакъ своего посвященія носятъ при посѣщеніяхъ хуруловъ или въ праздничные дни черезъ плечо узкій «оркамджи». Хурулу же посвящаютъ себя и старики. Всѣ духовныя лица мужскаго пола, посвятившія себя хурулу, называются «убуши». Такое названіе носятъ и женщины, обыкновенно старухи, подѣ именемъ «убушанцы». «Убуши» и «убушанцы» вмѣстѣ съ обязанностию носить «оркамджи» даютъ обѣтъ воздерживаться во всю жизнь, наприм., отъ употребленія «арьки» (водки), табаку, мяса вообще, или какого нибудь одного бараньяго, лошадинаго, верблюжьяго и т. д. Кромѣ того «убуши», носящіе всю монашескую одежду, принимаютъ участіе въ хурульных богослуженіяхъ во время праздниковъ или религиозныхъ церемоній.

Но созданіе монашества въ формѣ «убуши» есть несомнѣнно уступка со стороны религіи требованіямъ жизни и не имѣетъ, по мнѣнію калмыковъ, такого благотворнаго вліянія на счастье людей и ихъ спасеніе, какъ полное хурульное монашество; поэтому калмыцкая семья стремится имѣть изъ среды своей духовное лицо при хурулѣ. Высокоблагочестивое отношеніе къ духовному сану у калмыковъ настолько крѣпко и постоянно, что въ исторіи почти каждаго хурула можно встрѣтить случаи, когда извѣстная семья цѣлыя столѣтія непрерывно преемственно имѣетъ своихъ представителей, при чемъ отъ одного къ другому переходятъ преемственно и всѣ принадлежности кибитки въ видѣ шутеновъ, дарчиковъ, жертвенныхъ чашекъ, столиковъ и проч. Достигается это такимъ образомъ, что къ монашествующему дядѣ поступаетъ въ качествѣ ученика его племянникъ или родственникъ, учится у него, живетъ съ нимъ, а потомъ, послѣ его смерти, наследуетъ все его имущество, нерѣдко и специальность и даже званіе ¹⁾.

Вслѣдствіе такого отношенія къ духовному званію происходитъ то, что въ хурулѣ поступають рѣже изъ бѣдныхъ семей, чѣмъ изъ зажиточныхъ. При этомъ поступившіе въ хурулъ не прерываютъ связи со своими родичами и со своей семьей, а напротивъ, остаются въ прежнихъ отношеніяхъ, не только родственниковъ, но и имущественныхъ. Выдѣляя изъ семьи одного изъ своихъ членовъ въ хурулъ для

¹⁾ Примѣровъ подобной преемственности можно указать множество. Напримѣръ, въ Большомъ Керето-Баруновомъ хурулѣ Яндыковскаго улуса, живетъ въ данное время гелюнгъ Габунъ Шаркисовъ, кибитка котораго пользуется большимъ уваженіемъ среди калмыковъ Барунова и Керетова рода за тѣ священные предметы, которые въ ней хранятся и которые принадлежали дѣду гелюнга Габуна. Отъ дѣда и которые эти перешли къ дядѣ, а отъ дяди къ теперешнему владѣльцу, а потомъ конечно перейдутъ къ его родственнику. Подобнымъ же родственнымъ преемствомъ въ томъ же хурулѣ поддерживаются и передаются званіе «зурачи»; въ Эмчиновомъ хурулѣ Икицохуровскаго улуса званіе и знаніе медика; въ Эки-хурулѣ Мало-Дербетовскаго улуса — званіе «зурхачи».

молитвы за всѣхъ, семья освобождаетъ его отъ всякихъ работъ по хозяйству и снабжаетъ постоянно всѣмъ необходимымъ: одеждой, посудой, постелью, кибиткой и проч. Все необходимое для живущаго въ хурулѣ члена семьи его то сама доставляетъ периодически, то послѣдній самъ посѣщаетъ свой родной «хотон» (кочевье). Въ случаяхъ же, когда приходится шить одежду или исправлять и покрывать новыми кошмами кибитку, духовныя лица изъ хурула раскочевываютъ по хотонамъ и живутъ тамъ до тѣхъ поръ, пока работа не будетъ окончена. Такое раскочеваніе духовенства можно чаще всего встрѣтить съ наступленіемъ осени, когда обыкновенно калмыки, въ виду приближенія зимнихъ холодовъ, возобновляютъ кошмы кибитокъ.

Но кромѣ постоянного получения содержанія отъ семьи монашествующіе члены получаютъ наравнѣ съ прочими членами и установленную обычаемъ часть изъ общаго имущества, увеличиваютъ ее изъ доходовъ, получаемыхъ при исполненіи религиозныхъ обязанностей, и нерѣдко являются очень зажиточными хозяевами, имѣющими, не только значительное количество скота, но и денежныхъ средствъ. Вообще, не будетъ сказано много, если признать за общее положеніе, что хотя среди духовенства и встрѣчаются лица бѣдныя, которые не имѣютъ даже своихъ кибитокъ и живутъ въ кибиткахъ зажиточныхъ своихъ сочленовъ по хурулу, но большинство духовенства — люди состоятельные, и въ общемъ калмыцкое духовенство живетъ въ имущественномъ отношеніи гораздо богаче, чѣмъ калмыцкая масса.

Сравнительная зажиточность духовенства, при отсутствіи тратъ на семью, даетъ ему возможность заботиться о комфортѣ въ личной обстановкѣ. Въ центрѣ степи, гдѣ еще вполне сохранился первобытно-кочевой бытъ, у духовенства комфортъ выражается развѣ въ дорогихъ чашкахъ для чаю, въ домбо для кумыса, въ одеждѣ; чѣмъ дальше отъ центра и ближе къ чертѣ осѣдлаго населенія, тѣмъ чаще уже въ кибиткѣ духовнаго лица можно встрѣтить самовары, столы, стулья. Параллельно съ измѣненіемъ въ обстановкѣ кибитки мѣняется и способъ передвиженія при кочевьѣ. Въ центрѣ степи, въ Харахусовскомъ улусѣ, а частью въ Яндыковскомъ, Икицохуровскомъ и Эркетеневскомъ, духовенство наравнѣ съ простыми калмыками кочуетъ на верблюдахъ или на лошадяхъ, и только для перевозки бурхановъ имѣется при хурулѣ одна или двѣ двухколесныя крытыя арбы, выкрашенныя обыкновенно въ красный цвѣтъ; потомъ для перекочевки и у отдѣльныхъ лицъ являются уже арбы, а на окраинѣ, напримѣръ въ Мало-Дербетовскомъ и въ Багацохуровскомъ улусѣ у духовенства не рѣдкость встрѣтить и довольно цѣнные крытые экипажи, въ которые закладываются тройки прекрасныхъ лошадей.

Но болѣе всего зажиточность духовенства проявляется въ жилыхъ постройкахъ. Нужно вообще замѣтить, что въ исторіи построекъ астраханской

калмыцкой степи духовенство идетъ впереди всего прочаго калмыцкаго населенія. Въ настоящее время немного найдется въ степи хуруловъ, которые не имѣли бы одной — двухъ построекъ, хотя все-таки разница въ этомъ отношеніи между хурулами громадная: есть хурулы, которые не имѣютъ ни одной постройки, а лѣто и зиму живутъ въ кибиткахъ, наприм. всѣ почти хурулы въ Харахусовскомъ, Икицохуровскомъ и частію въ Эркетеневскомъ и Яндыковскомъ улусахъ, но еще болѣе хуруловъ, въ которыхъ почти все духовенство живетъ зимою въ домахъ, — это, напримѣръ, всѣ почти хурулы Мало-Дербетовскаго, Багацохуро-Александровскаго улуса и въ Мочагахъ; встрѣчаются и такіе хурулы, при которыхъ духовенство не только въ зимнихъ, но и въ лѣтнихъ кочевьяхъ имѣетъ дома, таковъ хурулъ Большой Баруно-Керетовъ въ Яндыковскомъ улусѣ; а можно указать, что хурулы прекратили перекочевку и живутъ круглый годъ въ однихъ и тѣхъ же домахъ, напримѣръ: Мало-Шабинеровъ хурулъ въ Яндыковскомъ улусѣ, Малый хурулъ Харахусовскаго улуса въ Мочагахъ ¹⁾.

¹⁾ Вотъ нѣкоторыя данныя изъ исторіи хурульных построекъ:

Въ Мочагахъ: 1) Въ Мало-Харахусовскомъ хурулѣ на урочищѣ Сухата первая жилая постройка сдѣлана была 47 лѣтъ назадъ, и съ того времени постройки постепенно увеличиваются; лѣтъ 10 назадъ хурулъ пересталъ совсѣмъ выкочевывать въ кибитки. Кромѣ жилыхъ построекъ, при хурулѣ имѣется храмъ — „эки-хурла“, выстроенный 27 лѣтъ тому назадъ, домъ „ламинъ-ширя“, выстроенный 5 — 7 лѣтъ назадъ въ честь хурульнаго бакши, „цаца“ — часовня на мѣстѣ погребенія того же бакши рядомъ съ „домбо“ (часовней же) съ молящимся барабаномъ, сооруженная послѣднимъ харахусовскимъ пономѣмъ 15 лѣтъ, и еще „субургон“ — часовня въ честь улуснаго ламы. При хурулѣ вѣкъ порядка зданій стоятъ еще домики калмыка-торговца.

2) Въ Эркетеневскомъ Эки-Багутовомъ хурулѣ лѣтъ 26 — 27 назадъ построена „хурла“, и тогда же начали строиться и отдѣльныя лица духовенства; теперь все духовенство зимою живетъ въ домахъ.

3) Въ Яндыковскомъ улусѣ, въ Б. Баруно-Керетовомъ хурулѣ, въ зимнемъ кочевьѣ на урочищѣ Гахата, изъ священныхъ построекъ находятся: 1) „эки-хурла“ — построенъ въ 1879 г.; 2 и 3) — еще двѣ постройки хурула; 4) „субургон“ (надгробный памятникъ), выстроенный 30 лѣтъ назадъ на мѣстѣ, гдѣ погребены улусный ламы; 5) „субургон“ на могилѣ хурульнаго бакши, выстроенный 25 лѣтъ назадъ; 6) „домбо“ — погребальный памятникъ, построенный 8 лѣтъ назадъ зайсангомъ Кекшиномъ Оргичѣвымъ на могилѣ своего брата гелюнга; 7) „домбо“, построенный тѣмъ же зайсангомъ на могилѣ своего дяди — гелюнга. Въ этомъ хурулѣ всѣ духовныя лица имѣютъ зимнія деревянные постройки и при нихъ теплыя, глинобитныя кухни. Но кромѣ того, въ лѣтнемъ кочевьѣ, на урочищѣ *Baïuta*, выстроены въ послѣдніе два — три года „ламинъ-ширя“ въ честь улуснаго ламы и 6 жилыхъ построекъ для гелюнговъ.

4) Въ Мало-Шабинеровомъ хурулѣ находятся деревянныя постройки — „хурла“ и для жилья у всѣхъ гелюнговъ, кромѣ одного бѣдняка, который живетъ въ кибиткѣ.

5) Въ Маломъ Керетовомъ хурулѣ есть также постройки и для „хурла“, и для гелюнговъ.

Вообще у духовенства постройки начали создаваться лишь 50 назад и последовательно растут. Впрочем нужно замѣтить, что еще ранѣе указанного времени въ Калмыцкой степи существовали постройки—какъ памятники на могилахъ и молельни. Есть основаніе думать, что такого характера зданія существовали уже въ прошломъ столѣтіи. Нерѣдко можно встрѣтить въ степи настолько ветхія часовни, что постройку ихъ трудно отнести къ XIX столѣтію; кромѣ того, подобныя старыя зданія находятся въ такихъ мѣстахъ, гдѣ уже давно не кочуютъ калмыки *).

Молельныя и могильныя постройки носятъ разныя названія. Обыкновенно зданіе, въ которомъ происходитъ богослуженіе и которое, такимъ образомъ, является взаимѣнъ «хурля-ягер», называется у калмыковъ «хурля» съ прибавкою: «эки-хурля» «манла-хурля», «докшиден-хурля» (или «кюра») и пр. Зданія, которыя имѣютъ значеніе часовенъ или надгробныхъ памятниковъ, называются: а) «паца», б) «субурганъ», в) «бомбо» и г) «мани». «Паца» скорѣе можно назвать часовней: она строится обыкновенно въ честь какого-нибудь духовнаго лица,

Въ Эркетеневскомъ улусѣ: 6) въ Большомъ Эркетеневскомъ хурулѣ 5 лѣтъ назадъ сдѣлана постройка хурля и нѣкоторые изъ гелюнговъ живутъ въ домахъ (меньшинство).

7) Кромѣ того, есть деревянная „хурля“ у одного изъ малыхъ хуруловъ.

Въ Икицхуровскомъ улусѣ: 8) въ Бакшиновомъ хурулѣ только въ 1884 году построена на урочищѣ Яшкулъ эки-хурля.

9) Въ Зюнгарскомъ есть деревянная „хурля“ между урочищами Яшкулъ и „субурганъ“, въ честь хурульнаго бакши Девяге на урочищѣ Чичачи.

10) Въ Цатановомъ хурулѣ постройка „хурля“ сдѣлана на урочищѣ Чилгиръ въ 1884 году.

Въ Мало-Дербетовскомъ улусѣ: 11) въ Ики-хурулѣ первая жилая постройка глинобитная сдѣлана на урочищѣ Аршанъ лѣтъ 35 назадъ; черезъ 2 года ее бросили и 25 лѣтъ назадъ выстроили небольшой домъ для бурхановъ. Но потомъ, благодаря притисненію сосѣдей—русскихъ поселенцевъ, вынуждены были укочевать на Манитъ и продать свою постройку; черезъ 7 лѣтъ вернулись, выстроили деревянную „хурля“ и теперь около нея сдѣлано уже 7 жилыхъ зданій.

12) Въ Дунду-хурулѣ, того же улуса, первая постройка „эки-хурля“ сдѣлана была 33 года назадъ; вторая постройка „Джиджен-хурля“ — 32 года назадъ, а третья — въ честь Кебюн-бакши, — всего около года. Годы за 3 — 4 до „эки-хурля“ были только два жилыхъ зданія у гелюнговъ, а теперь здѣсь уже болѣе 30 построекъ; года два назадъ кибитки-кухни стали замѣнять глинобитными круглыми кибиткообразными постройками.

13) Въ большомъ Тюменевомъ хурулѣ въ Хошоутовскомъ (Александровскомъ) улусѣ, около улусной ставки существуетъ каменное зданіе „эки-хурля“ (ф. 65) при другихъ священныхъ постройкахъ; всѣ гелюнги живутъ уже въ зданіяхъ.

14) Въ хурулѣ на Калмыцкомъ Базарѣ, въ томъ же улусѣ находится деревянная „хурля“ и постройки для духовенства.

*) Наприм., по дорогѣ изъ Яндыковской ставки въ Мочажную находится „паца“ Харахусовскаго улуса, между тѣмъ здѣсь уже полстолѣтія существуютъ русскія поселенія, и Харахусовскіе калмыки кочуютъ отъ этого мѣста на разстояніи не менѣе 100 верстъ; около Харахусовской ставки находится субурганъ Большаго Багутова хурула Яндыковскаго улуса, который давно уже кочуетъ болѣе 50 верстъ южнѣе.

почитаемаго святымъ, въ ней сохраняются частицы отъ него въ видѣ золы, собранной послѣ сожженія трупа, и періодически происходитъ богослуженіе—или ежемѣсячно, или въ опредѣленные дни. Устройство отъ „хурля“ ничѣмъ не отличается; вся разница заключается въ величинѣ и въ томъ, что въ ней только одни дарчики, чаще всего нарисованные прямо на стѣнахъ. Дверь пацы никогда не запирается и всякій калмыкъ можетъ войти въ нее помолиться, положить копѣйку—другую на столикъ. «Субурганъ» имѣетъ общее значеніе въ смыслѣ всякой священной постройки, кромѣ «хурля», и частное, какъ памятникъ, сооружаемый надъ прахомъ лица, почитаемаго святымъ, и отличается отъ «пацы» только тѣмъ, что въ немъ не сохраняется останковъ отъ чествуемыхъ людей. Внутри субургана украшается живописными рисунками бурхановъ, и очень часто герметически закрытъ. Видъ субургана представляетъ часовня «бомбо», которая по формѣ напоминаетъ священный сосудъ «бомбо» и создается надъ могилою очень уважаемыхъ или родственныхъ лицъ.

Иногда въ субурганахъ и бомбо ставится громадный «кюрде», и калмыки ходятъ туда молиться; такіе постройки съ «кюрде» называются «мани-субурганъ» или «мани-бомбо».

Выстраиваются часовни то на хурульныя средства, то изъ дивеніемъ частныхъ лицъ.

По отношенію къ священнымъ постройкамъ, калмыцкое духовенство, руководимое своими специальными живописцами («зурачи»), стремится придерживаться тибетской архитектуры, но, благодаря тому, что рабочими при постройкахъ бываютъ всегда русскіе плотники, а у «зурачи» не достаетъ техническаго образованія, то въ рѣдкихъ развѣ случаяхъ удается приблизиться къ тибетскому типу, чаще же всего только одна верхняя часть постройки отвѣчаетъ религіознымъ требованіямъ ламаитовъ, а вся остальная ничѣмъ не разнится отъ обыкновеннаго жилого зданія *).

Численность духовенства у астраханскихъ калмыковъ въ настоящее время не приведена въ извѣстность. По штату, установленному правительствомъ въ 1847 году, всего іерархическаго духовенства въ степи полагается 1548 лицъ, въ томъ числѣ гелюнговъ 688, гелюлей 430 и манжиковъ 430; кромѣ того, одинъ лама — высшее духовное лицо всѣхъ астраханскихъ калмыковъ. Послѣдній избирается всѣмъ калмыцкимъ духовенствомъ и по-

*) Во всей степи существуетъ собственно два архитектурныя и довольно изысканныя зданія: Тюменевскій хурулъ въ Александровскомъ улусѣ, громадное каменное зданіе съ колоннадою, напоминающее Казанскій соборъ въ Петербургѣ (фиг. 65), и изысканное деревянное зданіе въ Дунду-хурулѣ Мало-Дербетовскаго улуса (фиг. 64), выстроенное въ память Кебюн-ламы хурула; отчасти къ числу зданій, выдерживающихъ типъ тибетскихъ построекъ нужно отнести еще „хурля“ на Калмыцкомъ Базарѣ и „эки-хурля“ въ Барун-Керетовомъ хурулѣ Яндыковскаго улуса.

лучаетъ Высочайшее утвержденіе; остальные же духовныя лица по избраніи хурулами представляются съ мнѣніемъ ламы и улуснаго попечителя на утвержденіе Министра Государственныхъ имуществъ, и послѣ утвержденія лицу выдается билетъ на ту или другую іерархическую степень, въ которую и посвящаетъ уже лама. Такихъ лицъ «билетныхъ» или штатныхъ среди духовенства въ настоящее время гораздо менѣе количества, положеннаго по штату, именно гелюнговъ во всѣхъ хурулахъ считается 421, гелюлей 282, манжиковъ 262, а всѣхъ 965. Но вообще хурульнаго духовенства вмѣстѣ съ «сургалин-кебюнъ» гораздо больше.

Глава IV.

ЛАМАИТСКАЯ РЕЛИГІЯ, НАУКА И ИСКУССТВА СРЕДИ АСТРАХАНСКИХЪ КАЛМЫКОВЪ.

«Эмчи» (медики); ученіе ихъ о болѣзняхъ; лѣченіе.—«Зурхачи» (астрологи); ученіе ламаитскихъ астрологовъ; 60-лѣтній циклъ у ламаитовъ; таблицы для гаданій; занятія «зурхачи». — «Зурачи» (живописцы). — «Бакши» (учители вѣры); ихъ ученіе о мірѣ и землѣ, о людяхъ и ихъ жизни, о спасеніи людей.

Несомнѣнно, что численность ламаитскаго духовенства имѣетъ значеніе въ хозяйственно-экономической жизни астраханскихъ калмыковъ: съ тѣмъ или другимъ количествомъ хурульнаго духовенства связывается вопросъ о тратахъ на непродуцируемый классъ калмыцкаго населенія, живущій на счетъ трудящагося люда. Важна также въ этомъ отношеніи и сравнительная зажиточность духовенства, которое, въ силу уже чисто экономическаго преимущества, оказываетъ давленіе на калмыцкую массу; сравнительно еще болѣе ощутительное вліяніе оказываетъ духовенство на населеніе, благодаря своему высокому религіозному положенію, которымъ парализуется воля и побужденія калмыцкихъ простолюдиновъ. Но самаго серьезнаго вниманія въ вопросѣ объ отношеніи духовенства къ населенію заслуживаетъ та особенность, что духовенство калмыцкое является хранителемъ и истолкователемъ оригинальной буддистской науки, и въ силу такого своего положенія способно ставить сильное препятствіе къ поступательному развитію калмыковъ и къ усвоенію обще-научныхъ знаній. Безъ сомнѣнія, духовенство астраханскихъ калмыковъ, оторванное въ теченіи болѣе двухъ столѣтій отъ центровъ ламаизма—Монголіи и Тибета, много потеряло въ знаніяхъ, не мало изъ этихъ знаній видоизмѣнило подъ вліяніемъ историческихъ и бытовыхъ условий, но кое-что все-таки сохранило. Теперь въ астраханскихъ хурулахъ, по признанію самихъ духовныхъ лицъ, остались лишь обрывки знаній, разрозненные части об-

По количеству штатнаго духовенства хурулы раздѣляются на большіе и малые; въ большихъ хурулахъ положенъ штатъ: 16 гелюнговъ, 10 гелюлей и 10 манжиковъ, а въ малыхъ—половинное количество, т. е. 8 гелюнговъ, 5 гелюлей и 5 манжиковъ. Изъ 63 хуруловъ въ степи считается 23 большихъ, а остальные 40—малые; въ дѣйствительности же подобной количественной однородности въ хурулахъ не существуетъ, даже въ одномъ и томъ же улусѣ.

ширной и систематической буддистской мудрости. Особенно много потери въ знаніяхъ нанесло духовенству удаленіе калмыковъ въ Азію, въ концѣ прошлаго столѣтія, когда изъ астраханской степи было вывезено множество рукописей. Однако, то, что осталось не унесеннымъ, можно думать, сохранилось мало измѣненнымъ. Сбереженію болѣе всего помогло то обстоятельство, что всѣ знанія духовенства освящены религіозной неприкосновенностью и последовательно передаются въ видѣ рукописей отъ одного поколѣнія духовенства къ другому; извращеніе первоначальныхъ знаній могло происходить только путемъ ошибокъ при списываніи рукописей. Ламаитская мудрость не идетъ непосредственно въ народъ не потому только, что она изложена въ большинствѣ на тангутскомъ или монгольскомъ языкахъ, знакомыхъ только исключительно духовенству, но и потому, что не духовному лицу, по мнѣнію калмыцкаго духовенства, не подобаетъ знать эту мудрость, а духовенству не дозволено («нигүца») посвящать въ нее калмыцкую массу, и послѣдняя чувствуетъ на себѣ и знаетъ лишь плоды, результаты науки черезъ лѣченіе медиковъ, предсказанія астрологовъ, рисунки живописцевъ и толкованія бакшей.

Такимъ образомъ «эмчи» (медики), «зурхачи» (астрологи), «зурачи» (живописцы) и «бакши» (богословы) являются по отношенію къ народу посредниками и истолкователями ламаитскихъ знаній, и такое положеніе представителей науки заслужи-

васть во всякомъ случаѣ того, чтобы съ ихъ ученіемъ и ихъ практикою сколько-нибудь познаться.

1. «Эмчи» — калмыцкіе медики. — Основателемъ теперешней медицины ламаитовъ, по мнѣнію калмыцкаго духовенства, былъ самъ Шакджи-Муни (Будда), который при жизни училъ народъ всему, и теперь онъ, въ видѣ «Шакджи-Чидеки», «хубилганъа». «Одчи-бурханъа», считается покровителемъ эмчей. Но начало медицинскому ученію у людей положено гораздо ранѣе. Послѣ появленія человека на землѣ (изъ яйца, по словамъ одного эмчи Малаго Харасовскаго хурула въ Мочагахъ), не было грѣховъ и болѣзней; потомъ съ размноженіемъ человѣчества, явились раздоры, грѣхи и болѣзни, и тогда-то для облегченія людей дано было медицинское ученіе, которое и переходило отъ поколѣнія къ поколѣнію. Послѣ смерти Шакджи-Муни созванъ былъ соборъ ламъ и бакшей, которые собрали вмѣстѣ съ другими его ученіями и медицинское, въ томъ видѣ, какъ его передавалъ самъ Шакджи-Муни при жизни. Къ астраханскимъ калмыкамъ медицинскую науку занесъ изъ Тибета въ первой половинѣ XVIII вѣка Санджи Аракба, при ханѣ Дундук-Омбо, по мнѣнію эмчи, и при Галдан-Церенѣ, по мнѣнію бакши Эки-хурула въ Мало-Дербетовскомъ улусѣ. Санджи Аракба жилъ у торгоутовскихъ калмыковъ и былъ основателемъ хурула, который и теперь называется въ честь этого «Эмчи-ахатен» (всевидающаго доктора) Эмчиновымъ, въ Икицохуровскомъ улусѣ. Этотъ Эмчиновъ хурулъ и по настоящее время служитъ средоточіемъ всѣхъ медицинскихъ знаній въ астраханской степи: въ немъ получаютъ или оканчиваютъ свое образованіе всѣ эмчи, за исключеніемъ одного Александровскаго (Тюменевскаго) улуса, и послѣдовательно живутъ самые знаменитые эмчи. Теперь славою медицинской знаменитости пользуется гелюнгъ Носта, а передъ нимъ былъ здѣсь гелюнгъ Бичхин-эмчи по народному, или Зодбо Первиевъ (умеръ въ апрѣлѣ 1885 года) Но и при Эмчиновомъ хурулѣ нѣтъ всѣхъ медицинскихъ книгъ, а находятся лишь отрывки по медицинѣ.

Все ламаитское медицинское ученіе («эмчин — номъ», медицинскій законъ) изложено въ семи книгахъ:

(по тибетски):	(по калмыцки):
1-я, Зарджит	ѳндесин или ундеселексин.
2-я, Шаджит	Номелху ѳндесин или Нигутцын ѳндесин.
3-я, Манатджит	ѳбдысундеселексинилиЭмнек.
4-я, Чимиджит	Хбэтын ѳндесин.
5-я, Хёгантён	Халхаарга.
6-я и 7-я, четыре приложения («тальвур») къ 1-й и 2-й книгамъ.	

Въ этихъ книгахъ, по мнѣнію самихъ эмчи изложены причины и признаки заболѣваній и указано лѣченіе всѣхъ болѣзней, какія теперь есть, были и будутъ.

Человѣческій организмъ, по ученію калмыцкихъ эмчи, состоитъ изъ пяти первичныхъ элементовъ: 1) «кгал» (огонь), 2) «усун» (вода), 3) «модон» (дерево), 4) «темер» (желѣзо) и 5) «шора» (пыль, прахъ), — а главныя силы или основы, производящія заболѣванія: 1) «ки» (воздухъ), 2) «цесан» (желчь) и 3) «бадган» (желудочный сокъ); послѣднія прирождены каждому человѣку, но проявляются въ формахъ отдѣльныхъ болѣзней подѣйствіемъ первичныхъ пяти элементовъ. Такимъ образомъ, каждый человѣкъ, рождаясь, носитъ въ себѣ зародыши всѣхъ болѣзней, аромѣ того каждому человеку еще до рожденія назначено, чѣмъ болѣть, сколько и пр.; по милости бурхановъ людямъ даны также средства облегчать болѣзни, сокращать періодъ мученій, и эти-то средства изложены въ священныхъ медицинскихъ книгахъ — «эмчин-номъ».

Первоначальныя причины проявленія болѣзней — это преобладаніе или уменьшеніе въ организмѣ одного изъ пяти элементовъ: огня, воды, желѣза и пр. Такія явленія связаны съ временами года: такимъ образомъ изъ 3-хъ осеннихъ мѣсяцевъ въ первые 72 дня являются болѣзни отъ преобладанія или ослабленія «темер» (желѣза) въ организмѣ, а въ остальные 18 дней — «шора» (пыль, прахъ); изъ 3-хъ зимнихъ мѣсяцевъ въ первые 72 дня дѣйствуетъ «усун» (вода), а въ 18 дней — «шора», изъ 3-хъ весеннихъ въ 72 дня — «модон» (дерево), а въ 18 — «шора», и наконецъ изъ 3-хъ лѣтнихъ мѣсяцевъ — въ 72 дня «кгал» (огонь), а въ 18 дней «шора». Слѣдовательно, каждый изъ пяти элементовъ имѣетъ склонность преобладать въ опредѣленные 72 дня въ году, и потому-то при діагнозѣ болѣзни прежде всего берется періодъ года и мѣсяца въ соображеніе*). При этомъ въ заболѣваніи отъ преобладанія одного изъ пяти элементовъ дѣйствуетъ или «ки», или «цесын», или «бадган». На дѣйствія той или другой изъ болѣзненныхъ основъ имѣетъ вліяніе болѣе всего пища: такъ, недостаточная или непитательная пища вызываетъ «ки», излишняя пища «цесын», а неудобоваримая (наприм. мучная) — «бадган». Въ свою очередь каждый изъ этихъ трехъ болѣзненныхъ элементовъ подраздѣляется на пять видовъ: «ки» — голодной («толган-ки»), второй — «ки» сердца («зюркин-ки»), третій — «ки» плевры («голын-ки»), четвертый — «ки» почекъ («бедрын-ки») и пятый — желудка («турслин-ки»). Тожественное подраздѣленіе имѣютъ «цесан» и «бадган». Болѣзнь отъ совѣстнаго дѣйствія двухъ или всѣхъ трехъ болѣзненныхъ основъ осложняется. Черезъ различныя комбинаціи первичныхъ пяти элементовъ и трехъ болѣзненныхъ основъ съ ихъ производными произошла вся сумма болѣзней. По медицинскимъ книгамъ всѣхъ болѣзней 404 и еще 360 «адгамъ» (припадковъ:

*) При діагнозѣ «ромѣ того „эмчи“ пользуется изслѣдованіемъ пульса и уриномъ больного.

сумасшествіе, истерика, эпилепсія и проч.). 404 болѣзни распредѣляются по четыремъ группамъ:

1) 101 видъ болѣзней, которыя сами проходятъ, безъ лѣченія.

2) 101 видъ болѣзней, излѣчиваемыхъ не лѣкарствами, а расходомъ имущества.

3) 101 видъ болѣзней, излѣчивающихся наговорами знахарей мужинъ («бё») и женщинъ («удган»).

4) 101 видъ болѣзней, излѣчиваемыхъ медиками.

Такъ какъ главныя болѣзненные основы связаны у человека съ разными органами (печень, голова, сердце), то и болѣзни распредѣляются по органамъ, и каждый отдѣльный органъ у человека еще въ утробѣ матери надѣленъ извѣстнымъ количествомъ болѣзней. Наприм., легкія имѣютъ пять видовъ болѣзней, сердце — 7, печень — 18, почки — 4, желудокъ — 2, кишки — 3, селезенка — 3 и т. д.

Лѣченіе у калмыцкихъ эмчи бываетъ тройное: а) хирургическое — ставленіе банокъ и дѣйствія ножомъ: проколы, вырѣзыванія и пр.; б) гигиеническое — хорошая легкая пища въ видѣ горячей воды съ масломъ и еще чаще «шулюна» (бульона), обыкновенно крѣпкаго изъ баранины, и в) терапевтическое — при помощи лѣкарствъ. Лѣкарства составляются главнымъ образомъ изъ растений, которыя или собираются въ степи, или покупаются въ монастырскихъ лавкахъ; но есть нѣкоторыя лѣкарства, которыхъ, по мнѣнію калмыковъ, нельзя достать въ Астраханской губерніи, такъ какъ они есть только въ Китаѣ или Тибетѣ. Всѣ лѣкарства предварительно изготовляются въ видѣ порошка и даются пациентамъ по преимуществу въ жидкой пищѣ; но при всякомъ почти лѣченіи главное вниманіе обращается на желудокъ, и дѣйствуютъ на него или слабительными, или рвотными, или же удобоваримою пищей. Напримѣръ, лихорадку эмчи лѣчатъ такъ: съ утра даютъ понемногу *легкую пищу* — кипяченую воду съ масломъ, къ вечеру — немного хорошаго бараньяго бульону, а потомъ — рвотное. Лѣченію эмчи подлежатъ всѣ болѣзни, кромѣ оспы («цецык»). Оспа явилась у калмыковъ уже въ предѣлахъ Россіи, но она извѣстна была и въ Тибетѣ, и въ ламаитской медицинѣ указаны способы ея лѣченія, не лѣчатъ же ее собственно изъ страха, особенно молодые эмчи. Въ медицинскихъ книгахъ оспа называется не «цецыкъ» (цвѣтокъ), а «бюрюмба» (по-тибетски) и «яра» (по-монгольски), и ея признается 9 видовъ. Самый опасный видъ оспы — «хара яра» (черная оспа), а самый слабый — «цаган ахалца» — одинъ изъ трехъ типовъ вѣтряной оспы, и этого вида оспы калмыки не боятся *).

*) Для наглядности и полноты свѣдѣній о калмыцкихъ эмчи представляю описаніе одной изъ оригинальныхъ аптекъ врача кочевника. Въ кибиткѣ эмчи находится довольно большой сундукъ, наполненный мѣшечками изъ матеріи съ разными снадобьями; въ одномъ изъ нихъ хранится фіалковый корень, въ другомъ — шафранъ, въ третьемъ — имбирь, въ четвертомъ — мускатный орѣхъ, въ пятomъ — кака-то сухая

Несложная и немногочисленная страпня кухни ламаитскихъ медиковъ возмѣщается существованіемъ у нихъ способа лѣченія болѣзней, совершенно оригинальнаго и чуждаго нашей европейской медицинѣ, и къ которому большинство калмыцкихъ эмчи обращается гораздо чаще, чѣмъ къ хирургическому ножу или къ снадобьямъ. Дѣло въ томъ, что почти всегда при серьезномъ заболѣваніи прежде всего обращаются къ зурхачи, который путемъ астрологическихъ сопоставленій времени рожденія, числа лѣтъ больного, времени года, и другихъ выкладокъ опредѣляетъ преобладаніе того или другого изъ пяти элементовъ въ организмѣ человека, причину такого явленія, вызвавшаго болѣзнь, и наконецъ самый способъ лѣченія. Самымъ радикальнымъ средствомъ для выздоровленія считается «кюрюмъ» (или «хорюмъ») — «выкупъ за жизнь». «Кюрюмъ» состоитъ въ богослуженіи у постели больного, при которомъ читаются молитвы, назначенныя каждый разъ зурхачи, и въ пожертвованіи въ пользу хурула части имущества больного или его семьи. Такое цѣлебное молитвословіе совершается всегда торжественно, съ музыкальными инструментами, и къ участію въ немъ приглашается много духовенства, лицъ 20, напримѣръ; оно требуетъ обильныхъ жертвъ на хурулъ (въ родѣ косяка лошадей) и хорошей платы участвующему духовенству — рубля по два каждому, а такъ какъ это подѣ силу только людямъ весьма состоятельнымъ, то въ замѣнъ этого практикуется средство гораздо проще и доступнѣе — удаленіе изъ хозяйства больного какого-нибудь предмета, причиняющаго болѣзнь. Дѣло въ томъ, что въ числѣ причинъ болѣзней и припадковъ видную роль играютъ темныя силы многочисленныхъ видовъ, формъ и названій, которыя, избирая для себя орудіемъ какой-либо предметъ въ хозяйствѣ (наприм., цѣнный «лапшикъ», дорогую чашку, лошадь извѣстной масти, и т. д.), причиняютъ болѣзненные страданія, а потому достаточно удалить такіе предметы, и болѣзнь прекращается. Искусство какъ зурхачи, такъ и эмчи часто сводится къ умѣнью отыскать вредоносный предметъ и указать способъ удаленія его, хотя наиболѣе благотворнымъ признается обыкновенно пожертвованіе такого предмета на хурулъ или лицу духовному.

Такимъ образомъ у постели больного специальность эмчи нерѣдко совпадаетъ съ практикою зурхачи. Калмыцкіе эмчи, вооруженные такими средствами лѣченія, всегда смѣло борются со всѣ-

травя, добываемая будто бы изъ Пятигорска и т. д. Въ другомъ сундукѣ, поменьше, хранятся кожаные мѣшечки съ готовыми уже лѣкарствами, и послѣднія во всѣхъ мѣшечкахъ имѣютъ видъ зеленоватаго, довольно мелкаго порошка; но, по словамъ самого эмчи — хозяина, порошки представляютъ смѣсь 5—20 (больше или меньше) разныхъ снадобій. Всѣ отдѣльные мѣшечки съ готовыми лѣкарствами сложены въ общій мѣшокъ изъ парчи, въ которомъ хранятся завернутыя въ шелковый платокъ медицинскія рукописи и серебряная ложечка.

ми болѣзнями, существующими въ степи, а этихъ болѣзней, слѣдуетъ сказать, не мало тамъ, особенно въ приморскихъ кочевьяхъ. По мнѣнію самихъ эмчи, въ астраханской степи самое нездоровое время года—лѣто, а самое благополучное—осень. Въ степи болѣзней несравненно менѣе, чѣмъ въ приморской части—въ Мочагахъ: здѣсь свирѣпствуютъ жестокия лихорадки («безгѣ»), которыхъ въ степи мало, особенно въ эргеняхъ, гдѣ, по словамъ эмчи на урочищѣ Амта Бургуста, лихорадка представляетъ рѣдкое явленіе. Сифилисъ («мерес») имѣетъ также болѣе сильныя формы и распространеніе въ Мочагахъ, чѣмъ въ степи. Между калмыками сифилисъ явился, по мнѣнію эмчи, со времени участія калмыкаго войска въ кампаніи 12-го года; теперь эта болѣзнь чрезвычайно распространена и поддерживается главнымъ образомъ калмыками, работающими на рыболовныхъ ватагахъ: они разносятъ болѣзнь по всей степи. Зараженіе сифилисомъ передается черезъ одежду, пищу и проч.

Третья болѣзнь, весьма распространенная среди калмыковъ—страданіе почекъ («бѣэрин эбчин»): эта болѣзнь встрѣчается повсюду, но особенно между калмыками, работающими въ морѣ (наприм. въ Цатаповомъ р. Яндыковского улуса); она бываетъ только у людей взрослыхъ и усиливается весною и осенью.

Кромѣ этихъ болѣзней, встрѣчаются еще четыре: 18 видовъ тифа «нян кинджик» (отъ «ки-цесынбадган») и «холуп эпчин» (отъ «це сын»), главнымъ образомъ въ жаркое время года; 5 видовъ катарра желудка («хотын шинкидык татъ»); 6 видовъ чашотки («содва»). Изъ заразительныхъ эпидемическихъ болѣзней только сибирская язва («момо») зараждается самостоятельно внутри степи, главнымъ образомъ на дѣтяхъ лѣтомъ; остальные же болѣзни, по мнѣнію эмчи, заносятся въ степь извнѣ, отъ осѣдлаго населенія, какъ коклюшъ (по народному «кештык ханядын», по-монгольски «халун ханядын»), скарлатина (по народному «шинкык», или по-монгольски—«нян»), дифтеритъ («биря») и наконецъ оспа. По убѣжденію калмыковъ и ихъ эмчи, передача въ степь оспы отъ осѣдлаго населенія бываетъ не только случайная, но и умысленная. У русскихъ въ Астраханской губерніи существуетъ будто бы повѣрье, что если передать кому-либо на сторону заразу, то болѣзнь прекращается, и вотъ они и стараются передать оспу «язычникамъ» въ бѣломъ хлѣбѣ, въ водкѣ, въ молокѣ и проч., для чего зазываютъ будто бы къ себѣ въ гости калмыковъ и угощаютъ ихъ напередъ зараженными оспеннымъ ядомъ кушаньями и напитками.

2. «Зурхачи»—астрологи.—Ученіе зурхачей, по мнѣнію калмыцкихъ ученыхъ, ведетъ свое происхождение тоже отъ Шаджи-Муни, который подъ именемъ бурхана Шаджи-Чидекчи, въ видѣ хубилгана Манза-шири, является и теперь покровителемъ астрологовъ; онъ издалъ «Зурх». Собранный по

смерти Шаджи-Муни ученіе заключено въ 9 книгъ, подъ такими названіями: 1) «Джюмб» или «Махмут»—ученіе о тѣлѣ; 2) «Ло» или «Джилъ»—годовой циклъ; 3) «Мезе», или «Менгѣ»—изученіе причинъ несчастій людей, или о судьбѣ человѣка; 4) «Барка», или «Кюлель»—изученіе значенія каждаго изъ 360 дней года; 5) «За», или «Кгарык»—о судьбѣ мертвыхъ и ихъ погребеніи; 6) «Кгарма» или «Одын»—о болѣзни и смерти людей; 7) «Дава», или «Сор»—изученіе 12 лунныхъ мѣсяцевъ; 8) «Эдыр»—тоже изученіе 12 названій мѣсяцевъ; и 9) «Дѣ», или «Цак»—изученіе 12 частей дня и вычисленіе времени.

Но въ калмыцкой степи, по отзывамъ самихъ зурхачи, нѣтъ теперь всѣхъ указанныхъ книгъ.

О появленіи астрологовъ у калмыковъ рассказываютъ слѣдующее преданіе: Аюка-ханъ (жившій въ первой половинѣ XVIII ст.), чувствуя недостатокъ въ эмчи, зурхачи и бакши, отправился въ Тибетъ къ Далай-Ламѣ и съ разрѣшенія послѣдняго привезъ въ Астраханскую степь трехъ лицъ: бакши Шанрып-ламу, эмчи Ахатень (т. е. Санджи Аракба), и зурхачи Арынк-Джалтынь. И вотъ съ этого времени и начались въ степи зурхачи. Въ первое время по приѣздѣ всѣ три лица были поселены между торговцами, но ученики ихъ уже жили во всѣхъ улусахъ. Болѣе знаменитые зурхачи жили при Маломъ Шабинеровомъ (или Маштакенѣ) хурулѣ въ Мало-Дербетовскомъ улусѣ, и особенно славился здѣсь зурхачи Баро-Мангпа, умершій 15 лѣтъ тому назадъ: его предки до 7-го колѣна были зурхачи и первый его предокъ учился непосредственно у Арынк-Джалтына. У Баро-Мангпа учились не только зурхачи изъ Дербетовскихъ хуруловъ, но и изъ Торговцевскихъ.

Въ ученіи и практикѣ зурхачи нужно различать двѣ области: первая область, которую можно назвать математическою, основана на цифрахъ и ихъ комбинаціяхъ и касается вычисленія времени. У калмыковъ нѣтъ постоянного календаря, и потому всѣ календарныя свѣдѣнія добываются, по мѣрѣ надобности, каждымъ зурхачи отдѣльно, на основаніи данныхъ своей специальности. И зурхачи увѣряютъ, что эти вычисленія производятся по такой точно определенной системѣ, что разницы и противорѣчій въ вычисленіяхъ отдѣльныхъ зурхачи не бываетъ.

Другая область специальности зурхачей, наиболѣе практикуемая, это область гаданій о счастьѣ, здоровьѣ и будущемъ спасеніи людей, о благоприятныхъ и пагубныхъ обстоятельствахъ жизни и пр. Въ основѣ этого ученія лежатъ уже названные выше пять первичныхъ элементовъ всякаго организма и предмета («кгал», «шора», «модон», «усун» и «темер») и значеніе времени года, мѣсяца и дня по отношенію къ рожденію, смерти, лѣтамъ и пр. отдѣльнаго лица. По ученію зурхачи, отношеніе первичныхъ пяти элементовъ такое: огонь есть сынъ

дерева («кгал кебюн модон»), потому что огонь явился изъ дерева; прахъ земной есть сынъ огня («шора кебюн кгал»), желѣзо—сынъ праха («темер кебюн шора»), дерево—сынъ воды («модон кебюн усун»), слѣдовательно, все имѣетъ начало въ водѣ. У каждаго отдѣльнаго лица, при существованіи пяти элементовъ, преобладаетъ какой-нибудь одинъ:—или дерево, или огонь, или вода и пр., что и даетъ ему не только оригинальность въ земной жизни, но и назначеніе по смерти. Причина преобладанія того или другого элемента обуславливается многими обстоятельствами: временемъ рожденія, лѣтами, періодомъ года, брака, смерти и т. д., и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вычисляется, или, правильнѣе, разъясняется только зурхачи, который и принимаетъ въ расчетъ всѣ условія времени, которыя выражаются въ самыхъ названіяхъ его. Такъ дни недѣли имѣютъ названіе разныхъ планетъ, вліяющихъ на судьбы людей:

Понедѣльникъ—Саран-кгарык, т. е. день Луны.
Вторникъ—Мангмер-кгарык—день Марса.
Среда—Улюмджи-кгарык—день Меркурія.
Четвергъ—Пюрбе-кгарык—день Юпитера.
Пятница—Басанк-кгарык—день Венеры.
Суббота—Бембе-кгарык—день Сатурна.
Воскресенье—Наран-кгарык—день Солнца.

Такимъ образомъ при вычисленіи прежде всего берется во вниманіе, подъ какою звѣздою было рожденіе, смерть, бракъ или предпріятіе, смотря по темѣ предмета. Затѣмъ важно названіе мѣсяцевъ:

Первый мѣсяцъ декабрь—Барс-сара, мѣсяцъ барса.		
Второй — январь —Тѣла — зайца.		
Третій — февраль —Лу — дракона.		
Четвертый — мартъ —Мога — змѣи.		
Пятый — апрѣль —Мѣрин — лошади.		
Шестой — май —Хойн — барана.		
Седьмой — іюнь —Мечни — обезьяны.		
Восьмой — іюль —Така — курицы.		
Девятый — августъ —Ноха — собаки.		
Десятый — сентябрь—Гаха — свиньи.		
Одиннадц. — октябрь —Хулгуна — мыши.		
Двѣнадц. — ноябрь —Уюр — коровы.		

Названіе каждаго года составляется уже изъ комбинаціи названій мѣсяцевъ съ пятью элементами. Въѣтъ, по ламантскому исчисленію, состоитъ не изъ 100 лѣтъ, а изъ 60, потому что въ теперешній періодъ человѣчества средняя жизнь человѣка—60 лѣтъ, и называется «габза», и каждый годъ такого 60-лѣтняго цикла носитъ особенное названіе. Чтобы скомбинировать 60 названій года, имена мѣсяцевъ и элементовъ располагаютъ въ такомъ разѣ навсегда принятомъ порядкѣ: для мѣсяцевъ—отъ декабря по ноябрь, а для элементовъ—желѣзо, вода, дерево, огонь, земля и желѣзо и т. д. Соединеніе этихъ двухъ именъ для названій годовъ идетъ такъ: сначала желѣзо соединяется съ двумя мѣсяцами въ рядъ—барсъ и заяцъ, затѣмъ вода

съ двумя—дракона и змѣи, далѣе дерево—лошадь и баранъ и т. д., пока опять желѣзо не придется при двухъ послѣднихъ мѣсяцахъ—мышь и корова. Такимъ образомъ явится названіе для перваго 12-лѣтняго круга въ 60-лѣтнемъ циклѣ; для втораго круга исчисленіе начинается съ предмета, слѣдующаго за желѣзомъ, т. е. съ воды при барсѣ и зайцѣ, и закончится тоже водой при мышѣ и коровѣ; третій 12-лѣтній кругъ уже начнется съ третьяго элемента—дерева при барсѣ и зайцѣ, четвертый—съ огня и т. д. Наприм., новый 60-лѣтній циклъ начался съ 1831 года, и слѣдовательно:

1830 г. назывался годомъ желѣза и барса—«джиль темер барс»,

1831 г. назывался годомъ желѣза и зайца—«джиль темер тѣла»,

1832 г. назывался годомъ воды и дракона—«джиль усун лу»,

1833 г. назывался годомъ воды и змѣи—«джиль усун мога»,

1834 г. назывался годомъ дерева и лошади—«джиль модон мѣрин» и т. д.

Слѣдуя такому исчисленію, 1886 годъ назывался годомъ огня и собаки—«джиль кгал ноха», и далѣе:

1887 назывался годомъ огня и свиньи—«джиль кгал гаха»,

1888 назывался годомъ земли и мыши—«джиль шора хулгуна»,

1889 назывался годомъ земли и коровы—«джиль шора уюр».

«Шора»—послѣдній изъ пяти элементовъ, а корова—послѣднее изъ 12-ти названій мѣсяцевъ: стеченіе ихъ бываетъ лишь въ концѣ 60-лѣтняго цикла, и слѣдовательно съ 1890 года начался новый циклъ и 1890 г. называется годомъ желѣза и барса—«джиль темер барс».

У каждаго зурхачи, какъ необходимая принадлежность его специальности, кромѣ рукописей, есть еще доска для вычисленій и особенная таблица, подъ именемъ «тан-шим», въ которой сгруппированы всѣ данныя для предсказаній. Доска зурхачи (фиг. 66) дѣлается изъ крѣпкаго дерева и имѣетъ около 1¼ арш. длины и вершковъ 6 ширины; сверху середина выдолблена въ палецъ глубины, такъ что ее окружаетъ родъ маленькаго валика. Зурхачи пишутъ на ней желѣзною заостренной палочкой, насыпая предварительно мелкой пыли. Прежде чѣмъ начать писать, каждый разъ зурхачи совершаетъ символически молитву—ставитъ и стираетъ рядъ особыхъ знаковъ по разнымъ направленіямъ доски.

Таблица «тан-шим», «габза» (или по-тибетски «джирин-зусын») дѣлается на желтой матеріи, длиною около 1½ арш., а шириною нѣсколько болѣе листа обыкновенной писчей бумаги и разграфлена на многочисленное количество графъ (15 или 17) неодинаковой ширины, съ подраздѣленіемъ каждой графы на клѣтки. Первая графа (съ именами бур-

хановъ: Амни бурхан или Сакусен) называется «эмни-менкге» и раздѣляется на 60 клѣтокъ; въ каждой клѣткѣ написано имя бурхана, владыки или покровителя извѣстнаго года. Вторая графа — «біе менкге», тоже съ 60-ю клѣтками, а въ нихъ сдѣлано исчисленіе, какое было до Будды (Шакджи-Муни). Третья графа съ 60-ю клѣтками — «эркетни-менкге» — исчисленіе времени въ періодъ Будды, т. е. въ теперешній. Четвертая графа «кгарык» съ именами 12 планетъ. Пятая графа «одын» (звѣзды) и шестая «эмын» съ 60-ю клѣтками; въ нихъ обозначены звѣзды счастья или судьба на каждый годъ 60-лѣтняго цикла; седьмая — «біе» (тѣло); восьмая — «эркѣтен» (счастье); девятая — «кимерин» (удача); десятая — «джиль сюмсын» (судьба души); одиннадцатая — «махмут орын» (мѣсто); двѣнадцатая — «орын джиль» (годъ); тринадцатая — «сюмсын» или «эке махмут» — первоначальные тѣла; четырнадцатая — «насито эре махна» и «экемахмут», въ перемежку; пятнадцатая — «кебюни хебю» (одежда дѣвушекъ); шестнадцатая — «зурдан-зедкыр» (освѣщеніе), и въ ней написаны названія всѣхъ цвѣтовъ.

Графы неодинаковой ширины и группируются на отдѣлы, раздѣленные промежутками, именно: 1-я графа широкая и отдѣлена отъ 2-й промежуткомъ; 2-я, 3, 4, 5 и 6-я составляютъ какъ бы второй отдѣлъ; за промежуткомъ слѣдуютъ 7, 8, 9, 10-я — третий отдѣлъ; 11, 12, 13, 14, 15 — четвертый отдѣлъ и наконецъ непосредственно широкая 16-я графа. Кромѣ широкихъ 1-й и 16-й графы, всѣ остальные такой ширины, что при посредствѣ поперечныхъ линий каждая образуетъ изъ себя 60 квадратовъ. Въ 1-й и 16-й графахъ написаны слова: въ 1-й имена бурхановъ, въ 16-й цвѣта: «улан» (красный), «шора» (желтый), «хара» (черный) и т. д.; въ 13-й и 14-й символическіе знаки, а во всѣхъ остальныхъ — по-тибетски названія пяти элементовъ и 12 животныхъ, служащихъ для обозначенія мѣсяцевъ: «барсъ», «тѣла», «лу» и т. д. Кромѣ того, вверху таблицы по всей длинѣ идетъ графа заглавная, гдѣ въ каждомъ квадратѣ написано названіе пяти элементовъ въ соединеніи съ однимъ изъ 12-ти названій животныхъ.

Къ «габза» зурхачи прибѣгаютъ каждый разъ, когда къ нимъ обращаются за истолкованіемъ, разъясненіемъ или указаніемъ по какому нибудь изъ вопросовъ жизни. Наиболѣе частые случаи практики зурхачи относятся къ погребенію, браку, назначенію имени, и этой цѣли въ таблицѣ «габза» удовлетворяютъ, кромѣ заглавій, слѣдующія графы: 7-я «біе», 8-я «эркѣтен», 9-я «кимерин», 13-я «эке-махмут», 14 и 15-я. Изъ сопоставленія содержанія клѣтокъ пяти графъ зурхачи и беретъ основаніе для рѣшенія вопроса.

Согласно характеру первичныхъ элементовъ въ организмъ челоѣка, ламанты признаютъ пять видовъ погребенія: 1) въ огнь — путемъ сожженія

(«кгал-дю»); 2) въ водѣ — черезъ бросаніе покойниковъ въ воду («усуп-дю»); 3) въ землѣ — посредствомъ зарыванія умершаго («шора-дю»); 4) въ деревѣ, бросая въ лѣсу, или заколачивая въ деревянный ящикъ («модон-дю»); 5) въ желѣзѣ, кладя умершаго въ желѣзный ящикъ («темер-дю») *). И вотъ, когда умираетъ кто либо, то при разрѣшеніи вопроса, какому изъ видовъ погребенія (черезъ огонь, воду, желѣзо, дерево или землю) предать тѣло умершаго, зурхачи беретъ во вниманіе годъ рожденія, годъ смерти и лѣта умершаго, и если изъ сопоставленія этихъ трехъ данныхъ получится выводъ, что у умершаго челоѣка преобладали элементы «модон» (дерево), то рѣшеніе ясно: дерево, земля и желѣзо — элементы противоположные, и потому погребать покойника ни въ землю, ни въ желѣзо нельзя, а можно погребать или въ водѣ — матери дерева, такъ какъ дерево произошло отъ воды; или въ огнѣ — сынѣ, такъ какъ огонь происходитъ изъ дерева; или, наконецъ, въ деревѣ же. Изъ трехъ предметовъ спасительнѣе всего для лица, умершаго съ преобладаніемъ дерева въ организмѣ, быть погребеннымъ въ водѣ — матери, или же хотя бы въ деревѣ, и только въ крайнемъ случаѣ въ въ огнѣ — сынѣ. Но такъ какъ эти три вида погребенія не всегда одинаково сподручны, то обыкновенно зурхачи предоставляетъ выбрать одинъ изъ трехъ.

При бракѣ зурхачи приходится разрѣшать нѣсколько вопросовъ о возможности брака въ интересахъ семейнаго счастья и будущихъ дѣтей, о днѣ брака, о цвѣтѣ брачной одежды и лошади, о лицахъ, участвующихъ въ свадьбѣ и проч. При вопросѣ о счастьи брака берется въ расчетъ прежде всего годъ рожденія брачующихся. Напримѣръ, желающій женится въ 1886 году, въ годъ огня и собаки («кгал-ноха») родился въ годъ барса, слѣдовательно ему будетъ въ это время 20 лѣтъ, а именно: отъ барса до барса 12 лѣтъ, да годъ утробной жизни — 13; послѣ барса слѣдуетъ «тѣла», «лу», «могга», «мерин», «хонн», «мечин», «така» — 7 лѣтъ, и онъ уже не можетъ жениться на 17-лѣтней, рожденной такимъ образомъ въ году «могга» (змѣи), ни обратно: мужчина съ годомъ «могга» въ 1886 году не можетъ жениться на дѣвушкѣ съ годомъ «барсъ»; также «могга» на «мечинъ», и обратно — «мечинъ» — на «гаха», «гаха» на «барсъ»,

*) Подъ влияніемъ стеной обстановки, гдѣ, напр., желѣза, дерева и воды трудно достать, а также подъ давленіемъ преслѣдованій администраціи за бросаніе труповъ, исполненіе религіозныхъ требованій относительно пяти видовъ погребенія обращены въ фикцію. Такъ, въ случаѣ погребенія въ желѣзѣ, деревѣ, водѣ — ограничиваются тѣмъ, что, зарывав покойниковъ въ землю, кладутъ съ ними кусокъ желѣза, дерева или льютъ воду; даже сожженіе («чидерлеху») труповъ, благодаря дороговизнѣ этого способа погребенія, обходится въ большинствѣ случаевъ бросаніемъ на трупъ огня, и только погребеніе въ землѣ («казырта — болху») не фиктивно.

короче на лицѣ, года котораго приходится на четвертомъ году послѣ годовъ лица, женящагося или выходящаго замужъ, считая вверхъ и внизъ. Но если есть большое желаніе жениться, тогда «зурхачи» обращаетъ еще вниманіе на сочетаніе 5 элементовъ, имѣя въ виду, что сынъ «модона» — «кгал», сынъ «кгала» «шора», сынъ «шора» — «темер», сынъ «темеръ» — «усун», и потому не допускаютъ жениться элементу сына на элементѣ матери и т. д.

Въ интересахъ же счастья зурхачи при помощи «габза» опредѣляетъ еще: а) признаки лица которое, согласно обычаю, первое прикасается къ невѣстѣ при увозѣ послѣдней въ хотонъ мужа; б) цвѣтъ одежды, въ которой невѣста должна быть увезена, и в) масть лошади, на которой она увозится.

Но въ специальности зурхачей существуютъ такіе стороны, которыя нельзя отнести ни къ области математической, ни къ сферѣ предугадыванія личнаго счастья, — это, напримѣръ, предсказанія о погодѣ, которыя дѣлаются на основаніи наблюденій надъ явленіями природы, а также опредѣленіе подвижныхъ праздниковъ и такъ называемыхъ «черныхъ дней», въ которые запрещается кочевать, удаляться отъ хотона.

3. «Зурхачи» — живописцы хурульные. — Начало живописи по понятіямъ калмыцкаго духовенства, положивъ опять таки Шакджи-Муни во время своей жизни на землѣ, и передъ смертью велѣлъ тогдашнимъ зурхачи срисовать съ него изображеніе. Но они испугались и не могли нарисовать; тогда онъ приказалъ снять портретъ со своей тѣни, что и было сдѣлано. Въ настоящее время покровителемъ «зурхачи» считается бурханъ Манза-шири, который есть хубилганъ Бакши, т. е. Шакджи-Муни. Выше было сказано уже, что въ Астраханской степи зурхачи явились вмѣстѣ съ зурхачи при ханѣ Аюкѣ, и съ того времени живописцы существуютъ во всѣхъ улусахъ и почти при каждомъ хурулѣ; но есть въ свою очередь и центры живописи, своего рода школы, гдѣ или обучаются, или совершенствуются зурхачи. Такимъ центромъ въ Торгоутовскомъ улусѣ служитъ Большой Баруновъ хурулъ, куда отправляются учиться лица изъ всѣхъ Торгоутовскихъ улусовъ, а въ Мало-Дербетовскомъ улусѣ — Дунду-хурулъ. Ученіе зурхачи продолжается гораздо короче, чѣмъ обученіе медиковъ и астрологовъ, по все-таки захватываетъ года два — три и состоитъ въ изученіи техники живописи и въ обстоятельномъ ознакомленіи съ архитектурой и живописью. Техника калмыцкой живописи довольно примитивна и характеризуется отсутствіемъ перспективы и мертвеннымъ однообразіемъ всѣхъ изображеній бурхановъ; только по цвѣту лица и по аксессуарамъ рисунковъ можно отличить изображеніе одного бурхана отъ другого: всѣ они (исключеніе составляютъ развѣ изображенія злыхъ духовъ) снабжены одною типичною фizioноміей: широкимъ, почти круглымъ лицомъ, узкими скошенными глазами, короткимъ носомъ и не-

соразмѣрно длинными ушами. Также примитивны и приспособленія: фарфоровая, обыкновенно китайской работы, лашка и деревянный пестъ съ пакеочникомъ изъ твердаго камня для растиранія красокъ и нѣсколькихъ кистей, и съ такими приспособленіями производится даже живопись золотомъ, причемъ зурхачи сами размельчаютъ червонное золото, такъ какъ, по требованію религіи, на бурхановъ идетъ только червонное золото, приготовленное особымъ способомъ.

Гораздо обширнѣе кругъ знаній у зурхачи по части изученія ламантской религіозной архитектуры и живописи. Собственно религіозная архитектура у астраханскихъ калмыковъ сводится къ изученію типа постройки субургановъ и ихъ наружныхъ украшеній. Главныхъ обязательныхъ варіацій постройки у астраханскихъ калмыковъ 8 (фиг. 67), которыя сводятся къ двумъ типамъ: «бомбо» представляющій воспроизведеніе сосуда «бомбо» для аршана, и «хонхо» (колокольчика), а самыя варіаціи различаются между собою лишь деталями: числомъ и расположеніемъ ступеней, окрасокъ и проч. На верху каждаго субургана помѣщается или солнце на полумѣсяцѣ, или «зула» (свѣтильникъ), или же «эрдни-джендымин», отъ которыхъ всегда спускаются къ куполу рѣзныя изъ жести или дерева два украшенія, а на самомъ куполѣ изображеніе бурхана Абидва. Украшеніемъ хуруловъ и субургановъ служатъ живописныя или вырѣзанныя изъ дерева 16 «эрдни», или животныя: левъ, орелъ, олень, павлинъ. Что же касается до живописныхъ изображеній бурхановъ, то зурхачи обыкновенно срисовываютъ изображенія съ готовыхъ образцовъ, причемъ отъ зурхачи требуется знаніе деталей изображенія бурхановъ, что представляетъ довольно сложную науку.

4. IV. Бакши *) — учителя вѣры. Покровителемъ бакшей считается Шакчи-Эдекчи Хубилганъ, по-тибетски Долэ Бакши, по-монгольски Узю-Элекчи, который и на этомъ и на томъ свѣтѣ служить путеводителемъ; книги бакши: «Судыр» или «До», «Торни» или «Кгак» и «Дельве» или «Номготгаху».

Религіозно-научныя специальности «эмчи», «зурхачи» и «зурхачи», благодаря своему техническому характеру и опредѣленности задачъ, не такъ легко поддаются измѣненіямъ и извращеніямъ времени и жизненныхъ условій, съ одной стороны;

*) Названіе «бакши», «бакша» употребляется съ двоякимъ значеніемъ: администрація, русская литература и сами калмыки, особенно въ Торгоутовскихъ улусахъ, «бакшами» называютъ начальниковъ большихъ хуруловъ и начальниковъ всѣхъ хуруловъ улуса, прибавляя въ послѣднемъ случаѣ слово «старшій»; но собственно слово «бакша» отиѣчаетъ духовное лицо, которое специально изучило основы, принципы религіи — догматику, космогонію и этику, и потому въ хурулѣ можетъ быть не одинъ, а нѣсколько бакшей, какъ бываетъ нѣсколько медиковъ, астрологовъ и живописцевъ. Напримѣръ, въ Дунду-хурулѣ Мало-Дербетовскаго улуса въ 1885 году было 3 бакши, и одинъ изъ нихъ былъ начальникомъ хурула.

съ другой, въ силу тѣхъ же свойствъ, ученіе ламаитовъ—медицинское, астрологическое и живописное—болѣе доступно для систематической передачи характерныхъ его сторонъ, чѣмъ специальность «бакши», которая охватываетъ собой все то, что у насъ разгруппировывается между догматикой, этикой, космологіей и отчасти юриспруденціей.

Литература азіатскаго юга, особенно Индіи, этой колыбели ламаитскихъ воззрѣній, отличается вообще неимовернымъ развитіемъ фантазіи, рисующей намъ какъ самыя роскошныя формы красоты, такъ и картины отвратительнаго безобразія. Все представляетъ она въ самыхъ грандіозныхъ размѣрахъ: пространство, прошедшее, будущее—не имѣютъ предѣловъ; хронологія считаетъ время тысячелѣтіями, пространство измѣряется тысячами миль. Вообще, здѣсь нѣтъ предѣловъ воображенію. Такими же свойствами отличаются и воззрѣнія астраханскихъ ламаитовъ, но только у послѣднихъ эти особенности значительно видоизмѣнились: съ одной стороны, сюда внесено многое умышленно, въ силу своекорыстныхъ расчетовъ духовенства; съ другой, воззрѣнія религіозно-научныя приняли во многомъ воззрѣнія народной. Такимъ образомъ, въ ученіи астраханскихъ ламаитовъ—догматическомъ, этическомъ и космологическомъ—нельзя не различать трехъ стихій: а) первоначальной, основной, такъ сказать, индійской, отмѣченной богатствомъ и грандіозностью фантазіи; б) искусственной стихіи, состоящей изъ вставокъ и толкованій, направленныхъ къ увеличенію доходовъ хуруловъ, и отличающейся узостью воззрѣній и логической послѣдовательностью, и в) народной стихіи, полной суевѣрій, противорѣчій и несообразностей. Послѣдній элементъ настолько силенъ, что многое изъ ученій «бакши» удобнѣе было бы помѣстить въ отдѣлѣ народныхъ произведеній, еслибы оно не было запечатлѣно исключительно религіознымъ духомъ и не преподавалось бы духовенствомъ массѣ, какъ религіозныя, неоспоримыя истины, которыми она руководится въ повседневной жизни.

Главными истолкователями религіозныхъ истинъ и являются «бакши» *). По ученію самихъ бакшей, специальность ихъ находится подъ непосредственнымъ покровительствомъ бурхана Шагда-Муні, который обыкновенно называется еще Бурхан-Бакша. Первоначально въ Астраханскую степь бакши

*) Чтобы придать болѣе вѣса своимъ словамъ и наставленіямъ, а иногда и просто по невѣжеству, рѣдкій бакша въ серьезныхъ случаяхъ преподаетъ то или другое ученіе изъ области своей специальности наизусть, безъ рукописей; обыкновенно же онъ при всѣхъ своихъ толкованіяхъ и разъясненіяхъ имѣетъ передъ собою рукопись, для чего у бакши, равно какъ и у другихъ духовныхъ лицъ, имѣются спеціальныя столы, въ видѣ ширмъ (фиг. 68), на которыхъ бесѣдующій о религіозныхъ предметахъ бакша ставитъ длинныя ащичекъ съ рукописями, раскрываетъ его и по мѣрѣ чтенія складываетъ на открытую крышку прочитанные листы рукописей, всегда состоящихъ изъ отдѣльныхъ длинныхъ листовъ.

являлись изъ Монголіи, Тибета, и только въ половинѣ XVIII столѣтія, особенно же послѣ удавленія калмыковъ въ Китай, когда прекратились сношенія калмыковъ съ Тибетомъ, бакши стали получать свои знанія въ хурулахъ степи. Въ область этихъ знаній входитъ все то, что относится къ сферѣ догматики, этики и космологіи *).

Міръ, по ученію ламаитовъ, представляетъ собою кругъ, въ центрѣ котораго высится гора «Семер-ѳла» (Сюмбери) — драгоцѣнная гора (фиг. 69). Семер-ѳла, возвышается надъ поверхностью океана на 80.000 «беря» **), а 80.000 беря ея погружены въ океанъ, гдѣ она лежитъ на золотѣ, поддерживаемая лягушкой «милке» — хубилганъ Бурхан-Бакши). Вокругъ драгоцѣнной горы расположены еще 7 сомкнутыхъ золотыхъ горъ—«долан алтын ѳла», а вокругъ всѣхъ горъ и океана находится желѣзная крѣпость. Первая изъ золотыхъ горъ, ближайшая къ Семер-ѳла, ярмовидной формы гора Нешинг-зин (тибет.), имѣетъ высоты надъ уровнемъ океана 40.000 беря; вторая гора—Шолдазин—20.000 беря; третья—Сенгдын-джан—10.000; четвертая—Данадү—5.000; пятая—Демя Саджик—2.500; шестая—Намдын—1.250 и седьмая—Мечин зин—625. Вышина же и ширина желѣзной крѣпости (Хозада темер-хара, или Ула, или Кюра) — 312½ беря. Между семью горами расположено семь океановъ («долан дала»): первый—Нашинг-зин-дала—ширины 80 000 беря, второй—Шолда-зин—40.000 и т. д. Восьмой океанъ, ближайшій къ крѣпости, Дабста-дала-борзонгта (горько-соленый), имѣетъ въ окружности 3.600.750 беря, а разстояніе отъ послѣдней горы до крѣпости 322.000 беря, окружность же крѣпости 3.602.625 беря. Семер-ѳла имѣетъ форму усѣченной пирамиды, основаніе которой у поверхности океана 2.000 беря, а верхушка 3¼ беря. Каждая изъ ея четырехъ сторонъ имѣетъ особый цвѣтъ или блескъ: южная—синій, западная—красный, сѣверная—желтый и восточная—бѣлый, что происходитъ отъ состава поверхности горы: южный склонъ поверхности Семер-ѳлы состоитъ изъ «бендрія» — драгоцѣннаго камня синяго цвѣта, западный—изъ «бадма-раг'а», сѣверный—изъ «алтын'а» (золота), а восточный—изъ «менгген'а» (серебра). Такіе четыре цвѣта отражаются на всемъ, лежащемъ въ той или другой сторонѣ, такъ что въ южной четверти океанъ имѣетъ синій цвѣтъ, въ западной—красный, въ сѣверной—желтый, а въ восточной—

*) Въ занятіяхъ бакшей, гдѣ спутаны, слиты и затемнены ламаитскія воззрѣнія догматическія, этическія, космологическія и юридическія, трудно ориентироваться, не легко уловить общую систему, установить группы и почти совершенно не возможно поставить все въ логическую связь. По необходимости въ передачѣ ихъ приходится ограничиться отрывочными свѣдѣніями, и главнымъ образомъ тѣми изъ нихъ, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ духовенству, къ людямъ, къ природѣ.

**) «Беря» равняется восьми верстамъ.

бѣлый. Отсюда южная часть называется «кекѣ-эрдни» (синяя драгоцѣнность), западная — «улан-эрдни» (красная драгоцѣнность), сѣверная — шора-эрдни-алтын (желтая золотая драгоцѣнность) и восточная — «цаган-эрдни» (бѣлая драгоцѣнность). Въ предѣлахъ отраженія южной, синей драгоцѣнности расположена «Замбо-теб» — наша земля, отдѣленная отъ Семер-ѳлы и окруженная синимъ океаномъ. Замбо-тебъ состоитъ изъ трехъ острововъ: средняго — большаго и боковыхъ — маленькихъ, одинаковой формы, кувшино-образной, напоминающей форму лица чело-вѣческаго. На большомъ Замбо-тебѣ и на маломъ, правомъ, обитаютъ люди, а на лѣвомъ — «мангус'ы». Въ предѣлахъ отраженія западной, красной драгоцѣнности находятся три острова круглой формы «ѳюр-эделечи-теб», гдѣ обитаютъ жители съ круглыми лицами, а изъ животныхъ есть только коровы («ѳюр»). Въ сѣверной, золото-желтой драгоцѣнности существуетъ три острова четырехугольной формы — Мудѳта, и населеніе обладаетъ четырехугольными физіономіями. На западной, бѣлой сторонѣ три острова Улюмджи-бійте имѣютъ форму серпа луны, и такую же форму имѣютъ и лица обитающихъ здѣсь существъ. На Замбо-тебѣ находится 16 большихъ государствъ, а маленькихъ («арык») 1000, и обитаетъ 360 племенъ, говорящихъ на 720 языкахъ. Самое старшее здѣсь государство индійское — Энеджин-Очерто-сюре, или Магда, или Очир-Сюре. На сѣверѣ отъ Магда находятся снѣжныя горы Цастуд-ѳла (въ Тибетѣ) и сѣвернѣе ихъ — Кюджи Омгелъха, гора съ запахомъ «кюджи» (курительная свѣча). Эту гору ограничиваетъ съ сѣвера океанъ («дала») — Марво въ 50 «беря» въ поперечникѣ и въ глубину, а вода его состоитъ изъ 8 элементовъ. Изъ «дала-Марва» выходитъ четыре большихъ рѣки («мѣрин-гол»): первая — Ганга-мѣринъ, которая вытекаетъ изъ скалы, подобной пасти слона, течетъ на востокъ, принимая въ себя по пути 500 рѣкъ; въ песокъ этой рѣки добывается серебро. Вторая рѣка вытекаетъ изъ пасти быка (Мерин-Синда) течетъ на югъ, принимаетъ въ себя 500 рѣкъ и впадаетъ въ океанъ на югѣ, заключая въ песокъ своемъ «бендрія» (драгоцѣнный камень). Третья рѣка изъ скалы, какъ пасть лошади — Мерин-Банчи, съ 500 притоками, впадаетъ на западѣ и имѣетъ песокъ стекловидный (алмазъ и др.). Четвертая рѣка изъ пасти льва — Мерин-Сиде, со своими 500 притоками, вливается въ океанъ на сѣверѣ и обладаетъ золотымъ пескомъ. Всѣ четыре рѣки, вытекая изъ океана, дѣлаютъ въ своемъ теченіи по 7 круговъ и возвращаются въ океанъ, изъ котораго вытекли. Сѣвернѣе горы Кюджи на 20 «беря» находится еще золотая скала («алтын-хада») Алтын-Сарыб-хада (по-монгольски), Серджи-Барыкъ (по-тибетски), иначе Акламинъ, 4½ «беря» въ высоту и 50 «беря» отъ угла и до угла, въ окружности—200 «беря»; вокругъ нея 8000 маленькихъ скалъ. Еще

сѣвернѣе растетъ дерево («модон») — Саларабдынъ (или Сала-хан-арабдынъ), которое возвышается надъ поверхностью земли на 80 «алда» (саженей) и идетъ въ землю на 40 «алда»; оно окружено семью деревьями. Наконецъ, на восходѣ Замбо-тебъ, на 20 «беря» дальше отъ дерева, расположено озеро Кюб-Долане-вер-букчи, круглой формы, въ 50 «беря» ширины и длины, а въ окружности 150 «беря», окруженное 100.000 маленькихъ озеръ. Среди Кюбъ находится дерево въ видѣ цвѣтка («бадма») — Бадма-модонъ; листья его толщиною въ воловью шкуру, корень, какъ плугъ, а плоды—со ступицу колеса, и вкусъ ихъ—медъ. Высота дерева вверхъ—80 «алда», а внизъ 40. На сѣверѣ Замбо-тебъ водится слонъ Сала-Арабданъ (хубилг. Хурмусть) съ 100.000 другихъ слоновъ; зимою Арабданъ имѣетъ пребываніе на Алтын-сарыб-хада, весною—у дерева Сала-хан-арабдынъ, осенью—у Кюб-Долане-вер-букчи, и въ каждомъ мѣстѣ онъ бываетъ по 4 мѣсяца. Среди океана Марва есть дерево Замбу; когда съ этого дерева падаетъ цвѣтокъ, то раздается звукъ «замбо», «замбо», «замбо». Отъ звуковъ дерева и земля получила свое названіе «Замбо-теб». Падающіе листья собираетъ злой геній—драконъ Лу, а изъ тѣхъ листьевъ, которые не были собраны Лу и попали въ океанъ, образуется золото—«алтын-замбо мѣрини». На западномъ концѣ земли находится государство Орджанъ съ религіей Ухан-берекчи, и въ немъ пребываетъ бурханъ, хубилганъ Очир-Даре; люди здѣсь въ высшей степени религіозны. На южной оконечности лежитъ гора Урузинъ, на вершинѣ которой обитаетъ бурханъ Нидувер-Узюкчи, а у подошвы—бурханъ Даре-эки. Наконецъ, на востокѣ, на горѣ Ута-Тайсинъ, состоящей изъ пяти горъ, живетъ бурханъ Манза-Шире. Указанные бурханы являются какъ бы покровителями четырехъ сторонъ Замбо-тебъ. Но есть еще общій покровитель надъ Замбо-тебъ, равно какъ и остальные три міра надѣлены каждый своимъ покровителемъ: 1) Замбо-тебъ охраняетъ синій покровитель—бурханъ Пакджива; 2) Укур-эделекчи-тебъ охраняетъ красный покровитель — Укур-эделекчи-ханъ; 3) Мудѳта-тебъ — желтый повелитель Мудѳта-ханъ, и 4) Улюмджи-бійте-тебъ — бѣлый повелитель Жѣлкур-Сурул-ханъ. Но рядомъ съ четырьмя повелителями вселенной все въ послѣдней зависитъ отъ «немен-эрдни» — восьми драгоцѣнностей: 1) «цеге-нойон-эрдни», 2) «мѣрин-эрдни», 3) «зан-эрдни», 4) «тошмилъ-эрдни», 5) «хатын-эрдни», 6) «мани-эрдни», 7) «кюрде-эрдни» и 8) «джиндемин-эрдни». Онѣ и размѣщены вокругъ міра на равномъ другъ отъ друга разстояніи; около Замбо-тебъ находится «джиндемин-эрдни». Въ промежуткахъ между этими 8-ю эрдни находится еще 8 другихъ эрдни: 1) «шукюр-эрдни», 2) «алтын-зексинъ», 3) «алтын-бомбо», 4) «цецык-бадма», 5) «паган-дунгъ», 6) «алтын-уцынъ», 7) «чимикъ», 8) «кюрдѣ», которыя служатъ какъ бы для укрѣпленія того, что содержатъ первыя 8 эрдни;

вот почему вторые и рисуются иногда под первыми. На Семер-улѣ находится 21 небо, и на каждомъ изъ нихъ живутъ особыя властвующие духи—«сакусен» и «тенгри» или «тенгерин». Имѣя пребываніе на одномъ мѣстѣ, эти божества, какъ и всѣ вообще бурханы, находятся повсюду. Они исполняютъ разное назначеніе, и между прочимъ изъ числа ихъ есть покровители жизни на землѣ: годовые, денные и пр. Такъ, каждый годъ имѣетъ своего бурхана, который на народномъ языкѣ называется «Цаган-эвкген» (бѣлый старикъ); каждый день тоже имѣетъ своего бурхана. Бурханы могутъ принимать разныя формы, не только людей, но даже животныхъ. Такія воплощенія бурхановъ называются «хубилганъами», и ихъ безчисленное множество: далай-ламы, высокочтимые бакши и нойоны признаются хубилганами главнаго бурхана Шакджи-Муни (Будда). «Хубилганъы»—это первый и самый совершенный видъ живыхъ существъ, въ которыхъ воплощена душа; слѣдующій видъ—«тенгри», добрые гении, но уже нуждающіеся въ спасеніи; третій видъ—«асри», злыя гении; четвертый видъ—«кюненъ» люди; пятый видъ—«адусенъ», животныя, и шестой—«беритъ», особыя мучащіяся чудовища. Выше всего этого стоитъ неизяснимый, великій, всемогущій, всеильный, всесправедливый Богъ и бурханы-міроправители, какъ Шакджи-Муни, Майдри и другіе. Шакджи-Муни есть главный бурханъ или міроправитель только нашей эры жизни на землѣ, и до него были и послѣ него будутъ еще безчисленное множество бурхановъ міроправителей.

Прежде люди жили безконечно, но потомъ назначенъ былъ срокъ жизни 80.000 лѣтъ, и послѣ этого въ каждое столѣтіе происходитъ уменьшеніе срока жизни на одинъ годъ, и такое уменьшеніе будетъ итти до тѣхъ поръ, пока срокъ жизни не дойдетъ до 10 лѣтъ, послѣ чего начинается возрастаніе снова до 80000 лѣтъ. Періодъ уменьшенія отъ 80.000-лѣтняго до 10-лѣтняго возраста составляетъ одинъ малый «баргалъ»; періодъ возрастанія съ 10 лѣтъ до 80.000 лѣтъ—другой малый «баргалъ». Изъ 20 баргаловъ составляется одинъ малый «гальчинъ»; а изъ 80 баргаловъ или 4-хъ малыхъ гальчиновъ образуется одинъ большой гальчинъ. Въ теченіе каждаго большого гальчина бываетъ такое измѣненіе жизни: въ первые 20 баргаловъ происходитъ уничтоженіе жизни, въ слѣдующіе 20—существуетъ «ничто», пустота, въ третьи 20—бываетъ зарожденіе жизни, а въ послѣдніе 20—проповѣдуется ученіе бурханами. Мы живемъ въ малый баргалъ пониженія жизни, именно въ періодъ, когда средняя жизнь людей равняется 60 годамъ, и теперь правитъ міромъ Шакджи-Муни, сдѣлавшійся правителемъ со 100-лѣтняго періода жизни людей. До него было множество міроправителей: такъ, съ 40.000-лѣтняго до 30.000-лѣтняго періода міромъ правилъ бурханъ Орчилин-Эбдегчи; съ 30.000-лѣтняго — бурханъ Алтын-Чидекъ, съ

20.000-лѣтняго — бурханъ Кгерыль-Сокакчи, со 100-лѣтняго бурханъ Шакджи Муни и будетъ править міромъ до 10-лѣтняго періода, съ 10-лѣтняго до 80.000 лѣтняго, въ баргалъ, такъ сказать, возрожденія, будутъ властвовать хубилганы бурхана Майдри, который явится, когда люди будутъ жить по 80.000 лѣтъ. Когда пройдетъ 1.000 бурхановъ-міроправителей, тогда конечный міръ исчезнетъ, и настанетъ новый свѣтъ и новый міръ. Передъ наступленіемъ его произойдетъ истребленіе всего огнемъ. Правленіе Майдри настанетъ послѣ пятого истребленія жизни, а четыре истребленія или четыре «галабъа» уже были: «темный галабъ», «свѣтлый галабъ» и др. Жизнь земли, равно какъ и жизнь вселенной, временная: ея прежде не было. До теперешней вселенной было ничто, вдругъ явился воздухъ («ки») толщиной въ 1.600.000 «беря», а длиною безконечный. Послѣ этого шелъ дождь и образовался океанъ глубиною въ 1.120.000 «беря», а шириною въ 1.203.450 «беря»; подъ водою появилось золото толщиной въ 320.000 «беря», и такъ какъ золото вышло изъ воды, то послѣдняя понизилась; изъ золота образовалась площадь надъ водою въ 3.610.350 «беря» ширины. Послѣ этого шелъ снова дождь и была буря, возмущившая океанъ, и образовалась Семер-ѹла, а вокругъ нея «долан-ѹла» и всѣ «тебъ» (міры). Манза-Шири плюнулъ, и образовалась золотая лягушка «милке», которая погрузилась въ океанъ и стала поддерживать Семер-улу; эта лягушка—есть хубилганъ Манза-Шири. Въ то же время вся земная природа есть какъ бы воплощеніе Манза-Шири («супцынъ»), огонь—животная теплота его («бюлень нильче»), земля («шора») — тѣло (махмудъ), желѣзо—кости («ясанъ»), вода—его кровь («цусынъ»), трава—волосы («ѹсунъ»); луна и солнце—два его глаза; 7 звѣздъ, послужившихъ для названія дней недѣли—его зубы, а всѣ остальныя звѣзды произошли изъ спины (?) Манза-Шири, и все въ мірѣ отъ него, даже «черные» и «бѣлые» дни. Міроправители, какъ и хубилганы, а часто и тенгри вообще, носятъ названіе «бурхановъ», и ихъ у астраханскихъ ламаитовъ безчисленное множество. Въ противоположность этимъ свѣтлымъ божествамъ, есть еще множество божествъ темныхъ, злыхъ, которыя посятъ разныя названія общія и личныя: Эрлик-ханъ, Араха, Лу, Кумюсъ, Алмысъ, Чоткиръ, Домала, Шулма и др. Всѣ злыя силы способны принимать форму разныхъ живыхъ существъ и неорганическихъ предметовъ и вредить людямъ.

Человѣчество создано бурханомъ Эсерын-тенгри, который сотворилъ сначала Эсеренъ (мужа, Адама) и потомъ жену—Эво *). Жили они безконечно, все

*) Въ Яндыковскомъ улусѣ существуетъ такая легенда о происхожденіи живыхъ существъ: было когда-то чудовище женщина—Мангусъ, которая имѣла сношенія съ обезьяной («саринченъ»), отчего родилось шесть мальчиковъ, а отъ нихъ

у нихъ было готово. Солнца и луны не было: не встрѣчалось нужды въ свѣтилахъ. Первые люди питались духомъ («ки»), и облегчать желудокъ не нужно было. Между ними явился одинъ воръ, который укралъ плодъ и съѣлъ, тогда свѣтъ оставилъ людей. Послѣ грѣха все въ мірѣ стало исчезать, уменьшаться и перерождаться; явились дѣтородныя части и половыя потребности; возникла собственность, эгоизмъ, вражда; свѣтъ сталъ меркнуть, и Богъ далъ людямъ солнце и луну; съ этого времени до Шакджи-Муни прошло 500.000 поколѣній; для разбора споровъ люди выбрали одно лицо на-ремъ—«манкурба» (почетнымъ лицомъ). Послѣ первыхъ грѣховъ Богъ назначилъ людямъ, прежде жившимъ безконечно, срокъ жизни въ 80 000 лѣтъ, но за постоянные грѣхи въ каждые сто лѣтъ съ того времени уменьшается по одному году, и теперь уже средняя жизнь челоѣка—60 лѣтъ. Уменьшеніе лѣтъ жизни дойдетъ до 10 лѣтъ. Соответственно съ уменьшеніемъ срока жизни людей падаетъ и ихъ ростъ, и при 10-лѣтнемъ возрастѣ ростъ ихъ будетъ въ палецъ («хургунъ»). Въ это время явится для правленія міромъ, вмѣсто Шакджи-Муни, бурханъ—посланникъ (предтеча) Майдри, его хубилганъ — Берде-Габат, и начнется увеличеніе лѣтъ и роста людей: въ каждые сто лѣтъ по одному году, и такое увеличеніе будетъ продолжаться до 80.000 лѣтъ, когда явится въ міръ бурханъ Майдри, равный по своему величію Шакджи Муни. Теперь бурханъ Майдри постоянно живетъ въ царствѣ Гаден-тенгиръ, но 15 августа ежегодно онъ является на землю къ людямъ, и вотъ въ честь его бываетъ въ это время праздникъ—Майдрин-хурулъ. Совершается торжественный выносъ изображенія этого бурхана на возвышенное мѣсто, гдѣ происходитъ богослуженіе; это какъ бы встрѣча Майдри.

Со времени назначенія 80.000-лѣтняго срока жизни для людей явились рай и адъ. Назначеніе срока жизни и установленіе рая и ада произошло вслѣдствіе того, что люди стали дѣлать 10 «черныхъ дѣлъ», или черныхъ грѣховъ, («арбун хара киллице»):

- 1) «худулъ» — ложь,
- 2) «хатхынъ» — злословіе,
- 3) «шурюн-ѹга» — брань,
- 4) «цалга-уга» — пустословіе,
- 5) «хулсгулху» — жадность,
- 6) «хорто-сетхель» — зложеланіе,
- 7) «бурузыль» — отрицаніе религіи,
- 8) «эметеселха» — лишеніе жизни,
- 9) «эсе эгесене абху» — взята не данное, воровство,
- 10) «бурю алылыс» — сладострастіе.

Люди и теперь совершаютъ эти 10 «черныхъ дѣлъ». Самое совершеніе происходитъ тремя пу-

уже произошедъ всѣ люди Тибета, и вообще всѣ шесть видовъ живыхъ существъ: «беритъ», «адусенъ», «кюненъ», «асри», «тенгри» и «хубилганъ».

тами: черезъ языкъ («келер хурѹху»), черезъ чувство и мысль («сеткелер хурѹху») и черезъ дѣйствіе («бьер хурѹху»). Черезъ языкъ совершаются четыре черныхъ дѣла: ложь, злословіе, брань и пустословіе; черезъ помыслы—три: жадность, зложеланіе и порицаніе или отрицаніе религіи; черезъ дѣйствіе тоже три: убійство, воровство и сладострастіе. Отвѣтственность за всякое «черное дѣло» падаетъ не только на совершившаго его, но и на участниковъ; послѣдними же являются лица приказавшія и лица такъ или иначе помогавшія его исполненію, т. е. виноватыми въ «черномъ дѣлѣ» признаются; 1) совершившее лицо («эберен ульдуксинъ») 2) лицо приказавшее («бустар ульдуклюксинъ») и 3) косвенный участникъ («бусудын ульдуксун дѹ дахан баясхѹ, бусульдуксун дѹ — духан баялцаксинъ»).

Въ соотвѣтствіе съ 10 «черными дѣлами» находится 10 «бѣлыхъ дѣлъ» или добродѣтелей («арбун цаган буйнъ»):

- 1) — Не убивать.
- 2) — Не воровать.
- 3) — Не прелюбодѣйствовать.
- 4) — Не жадничать.
- 5) — Не зложелать.
- 6) — Не порицать религію.
- 7) — Не лгать.
- 8) — Не злословить.
- 9) — Не браниться.
- 10) — Не пустословить.

Въ наказаніе за «черныя дѣла» и въ награду за бѣлыя созданы рай и адъ. Рай («таралаңъ») находится выше земли; владыка рая—бурханъ Абидва, хубилганъ Шакджи-Муни. Въ рай идутъ только безгрѣшныя люди мужского пола. Но рай еще не предѣлъ блаженства, а лишь ближайшая ступень къ Нирванѣ. Всѣ поступившіе въ рай выходятъ оттуда черезъ цвѣтокъ лотоса («бадма-цецкы»). Если грѣшникъ попадетъ въ рай, то цвѣтокъ его не выпускаетъ, и грѣшникъ живетъ въ немъ 500 лѣтъ,—это его наказаніе за «черныя дѣла»; для грѣшника такое заключеніе въ «бадма-цецкы» — адское, а намъ, жителямъ земли, кажется, что онъ находится на 33-мъ небѣ. Послѣ 500-лѣтняго заключенія, грѣшникъ вмѣстѣ со всѣми выходящими изъ рая погружается въ Нирвану—дѣлается нечувствительнымъ ни къ чему.

Адъ («тамъ») находится, ниже земли, владыка его—Эрлик-ханъ. Здѣсь совершившіе «черныя дѣла» терпятъ разныя мученія: въ кипящей водѣ они вращаются, какъ «сарачинское пшено»; ихъ безпрестанно рѣжутъ по спинѣ и животу, трутъ въ жерновахъ, затыкаютъ желѣзные колья въ задній проходъ; ѣздятъ на нихъ злые духи, принуждаютъ ихъ ходить по горячимъ угольямъ. Грѣшниковъ съ одной стороны жалать змѣи, кусаютъ комары, а съ другой ихъ колютъ кинжалы. Они помѣщаются то въ ледъ, который въ десять разъ холоднѣе нашего,

то въ три желѣзные, накаленные комнаты, находящаяся одна внутри другой.

Адъ—первая, самая крайняя и самая жестокая ступень мучений, но кромѣ него есть еще пять ступеней промежуточныхъ между адомъ и раемъ: «берит», «адусен», «кюннен», «асри», и «тенгѣри».

«Берит»—это чудовища, которыя при большомъ ростѣ и громадномъ аппетитѣ имѣютъ ротъ и горло въ конскій волосъ толщиной. «Берит» вѣчно голодный, питается тѣми существами, которыя дѣлаютъ неправду, мошенничаютъ, не передаютъ денегъ, назначенныхъ духовенству, и т. п. «Адусен»—всѣ живыя существа, кромѣ людей; «кюннен»—люди; «асри»—злые духи; «тенгери»—добрые духи, но еще нуждающіеся въ спасеніи.

Такимъ образомъ, люди—это есть лишь одно изъ шести воплощеній души. Душа безсмертна, но за грѣхи она воплощается въ тѣла людей, животныхъ, «берит», «асри», «тенгери», и всякое изъ этихъ воплощеній есть наказаніе для нея, и всегда временное. Срокъ воплощенія и мученій, а равно и форма того и другого зависятъ отъ дѣлъ.

Богъ великъ, всемогущъ, но и справедливъ до того, что даже не имѣетъ силы простить виновнаго, а единственное спасеніе—его собственныя дѣла. Поэтому вся жизнь человѣка должна быть обращена на спасеніе себя отъ мукъ ада и на полученіе возможности переселенія въ блаженство. Послѣ смерти человѣка душа его 49 дней бродитъ, ожидая своего рѣшенія. Въ эти дни, если кто имѣетъ средства, долженъ дѣлать «служенія», пожертвованія, и тогда къ добрымъ его дѣламъ прибавляются еще добрыя, а отъ злыхъ отнимаются. Послѣ 49-дневнаго срока идетъ душа или въ рай, или въ адъ, или воплощается въ «берит» «адусен», «кюннен», «асри», «тенгери». Попавшія въ адъ, «берит», или «адусен», послѣ исполненія надъ ними заслуженнаго наказанія, переходятъ постепенно отъ низшихъ ступеней къ высшимъ и до рая. Для ускоренія періодовъ наказанія и переходовъ служатъ средства: молитва и пожертвованія на хурулъ и духовенству живущихъ родственниковъ. За молитвы и пожертвованія бурханы уменьшаютъ наказанія: «добрыя дѣла спасительны, но есть молитвы, которыя выше дѣлъ». Вотъ почему калмыки очень заботятся о поминовеніи: состоятельные калмыки ежегодно, въ годовщину каждаго умершаго изъ своей семьи, нанимаютъ моленія, дѣлаютъ пожертвованія, приносятъ въ хурулы пищу. Помогаетъ душѣ въ ея странствованіяхъ и молитва постороннихъ, поэтому каждый долженъ молиться за всѣ существа: людей, животныхъ, «берит», «асри», «тенгери», и первая молитва каждаго ламаита должна быть за нихъ: «Ом мани пат ме хум!».

Такъ какъ душа воплощается и въ «адусен»—животныхъ, то убивать ихъ грѣхъ. Въ видахъ спасенія нельзя, напримѣръ, зарѣзать барана, или даже приказать зарѣзать его. Вотъ почему благочестивый

калмыкъ, имѣя стадо барановъ, покупаетъ баранину у другихъ, или устраиваетъ дѣло такъ, чтобы другой вмѣсто него—сынъ или жена—распорядились зарѣзать барана изъ числа тѣхъ, которые назначены на зарѣзъ и пасутся отдѣльно вблизи кочевья. Но если ужъ необходимость заставляетъ зарѣзать, то слѣдуетъ прежде всего читать молитву для себя, а потомъ, чтобы сдѣлать полезное убиваемому животному, нужно прочитать и ему молитву въ ухо, или прочитать молитву надъ пескомъ и потомъ этотъ песокъ всыпать въ ухо животного. Но къ такимъ средствамъ нужно прибѣгать лишь по отношенію къ животнымъ, служащимъ пищею; всѣхъ же прочихъ животныхъ убивать нельзя, будь то муха, вша и т. п. Напротивъ, полезно, въ видахъ спасенія, освобождать животныхъ отъ смерти: муха попала въ пищу—ее нужно скорѣе вынуть и отпустить; вша попала подъ руку—слѣдуетъ ее пустить на свободу; въ неводъ попала рыба—нужно освободить хоть часть ея и т. п. Благочестивые калмыки ежегодно покупаютъ пойманныхъ рыбъ и пускаютъ ихъ въ воду, освобождаютъ птицъ изъ кѣтокъ и проч. *).

Есть однако, животныя, которыхъ слѣдуетъ убивать: такова ужъ ихъ судьба, и смерть является для нихъ ускореніемъ перехода къ лучшей жизни. Къ такимъ животнымъ относятся: рыбы, имѣющія зубы, лысыя животныя, вредныя животныя, какъ змѣи, тарантулы, а также животныя бѣшенныя.

Всѣ души идутъ однимъ и тѣмъ же путемъ. Самыя грѣшныя души попадаютъ прямо въ адъ, минуя «адскаго хана», самыя праведныя—въ «голден тараман», помимо «райскаго хана», а всѣ остальные души поступаютъ предварительно къ «адскому царю» для полученія назначенія, что продолжается отъ 7 до 49 дней, но не болѣе того. Продолжительность ожиданія назначенія зависитъ отъ молитвы и пожертвованій. Царь ада—Эрлик-ханъ (Царджиль по-тибетски, Номин-ханъ по-монгольски) прежде всего дѣлаетъ вопросы душѣ («сумсын»); душа отказывается отъ всякихъ грѣховъ, но ханъ показываетъ «тѣли» (зеркало), гдѣ видны всѣ дѣла, и по нимъ рѣшаетъ судьбу души. Разспросы дѣлаются для того, чтобы душа могла объяснить, почему она сдѣлала такіе грѣхи. Смотря по назначенію, душа идетъ или въ адъ, или въ «берит» и пр. Попавшія въ адъ помимо хана, остаются тамъ безконечно, для другихъ же есть срокъ пребыванія на извѣстной ступени.

*) Напримѣръ, благочестивый зайсангъ Яндыковского аула, Кѣкшинъ Оргичкѣвъ ежегодно специально посылаетъ своего сына въ Астрахань на базаръ купить на нѣсколько рублей живой рыбы и пустить въ воду. Въ 1885 году сынъ его поѣхалъ въ Астрахань и прежде чѣмъ купить рыбы, увидѣлъ, что какой-то русскій торговалъ пѣвчими птицами; онъ немедленно купилъ всѣхъ птичекъ за 20 руб. и выпустилъ, и въ свою очередь выпустилъ назначенное количество рыбъ.

Доброе дѣло хорошо, но есть молитвы, которыя выше дѣлъ. Молиться, собственно, должно постоянно, непрерывно, а если этого нельзя сдѣлать, то лучше все-таки держать «мацак» три раза въ мѣсяцъ. Въ «мацак» должно встать рано, и если на ладони уже можно разсмотрѣть линіи, то слѣдуетъ начинать молиться; вести себя должно скромно, и такъ продолжать до зари слѣдующаго дня. Молитва одного хороша, но молитва многихъ лучше. Вотъ почему въ хурулъ нужно давать пожертвованія

деньгами, скотомъ, пищей: за принесшаго жертву молится все духовенство хурула. Еще спасительнѣе молитва общая. Для этого въ одинъ назначенный день собирается какъ можно больше калмыковъ, является духовенство, и уважаемый «бакша» читаетъ «номъ», сопровождая чтеніе поклонами. При чтеніи «номъ», нельзя не только говорить, но даже оборачиваться, смотрѣть на сосѣда. Важны также для спасенія милостыня и аскетическіе подвиги.

О П Е Ч А Т К И *).

Стран.	Строка.	Напечатано:	Должно быть:
2б.	1 св.	«дѣбѣр»	«дѣбѣр»
3а.	20 сн.	ситцевой	ситцевой.
3б.	20 сн.	«кѣл тѣрго»	«кѣл тѣрго»
6б.	7 св.	(«ѣкю-(ѣ)-к»,	(«ѣкюк»)
8а.	15 св.	VII	VI
—	21 св.	вставляются	вставляется
—	27 св.	ссылку (ф. 16. VII) слѣдуетъ выбросить за отсутствіемъ «амсура» на рисунокѣ; цифрою VII (вмѣсто III) ошибочно означена крышка I-го котла на рисунокѣ.	
—	3 сн.	гелюгла	гелюнга
10а.	6 св.	Эркетеневскомъ	Эркетеневскомъ
—	12 св.	Эркетеневского	Эркетеневского
13а.	3 сн.	35 в. г.	35 в
13б.	16 св.	кожи	мѣхъ
14б.	19 св.	Эркетеневскомъ	Эркетеневскомъ
16а.	11 св.	тепленское	тепленская
31б.	2 сн.	40	40 а, б
32а.	28 св.	41а	41
32б.	2 сн.	эргѣкѣ	эргѣкѣ
34б.	4 сн.	Амета	Амста
—	21 сн.	43	42
38б.	17 сн.	44	43
—	29 сн.	визарь	визирь
39б.	21 сн.	нарынъ	нарын
41а.	21 св.	«худилган»	«хубилган»
42а.	25 св.	хозяинъ	хозяина
42б.	7 св.	«бокши»	«бакши»
43а.	2 св.	Бокши	Бакши
43б.	14 св.	оршан	аршан
46б.	27 св.	Кюрдѣ	кюрдѣ.
48б.	3—4 сн.	Ширину	Ширину
51а.	27 сн., ссылку на фм. 63. слѣдуетъ выбросить; см. списокъ рисунковъ.		
56б.	16, 18, 28 сн.	«субургонъ»	«субурганъ»
59б.	12 сн.	1)	первый
64а.	27 св.	положимъ	положилъ
64б.	23 сн.	IV	4
71	1 сн., вмѣсто второй выноски слѣд. читать: См. печатки къ этой стран.		

*) Буквами а и б при номерахъ страницъ означены столбцы страницы. Кромѣ отмѣченныхъ здѣсь поправокъ, см. еще нѣкоторыя въ списокѣ рисунковъ.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

Предисловіе	Стран. I—II
-----------------------	-------------

ГЛАВА I.

Бытовая обстановка Астраханскихъ Калмыковъ	1—17
--	------

Кибитка; ея части и устройство (1—4); полукибитки (4); жилища зданія (5).—Внутренность кибитки: мебель, посуда (5—8).—Одежда, украшенія, обувь (8—14) —Пища: кушанья и напитки (14—17).—Освѣщеніе и топливо (17).

ГЛАВА II.

Обычно-обрядная жизнь Астраханскихъ Калмыковъ	18—43
---	-------

1. Жизнь семьи или отдѣльной кибитки:

Назначеніе отдѣльных частей или пространствъ въ кибиткѣ (18).—Бракъ и свадебные обряды (19—26). Родины, нареченіе именъ, заботы о дѣтяхъ (26—27).—Лѣченіе болѣзней (28—29).—Похороны (29—30).—Пиршества, танцы, музыкальные инструменты (30—32).—Арковареніе (32—33).—Гостепримство (33).

2. Жизнь хотоновъ:

Группировка кибитокъ и виды хотоновъ (33—35).—Повседневная жизнь (35—36).—Перекочевки (36—38).—Игры и забавы (38—39).

3. Жизнь общественная:

Сословныя группы (40—41).—Церемоніи при здорованіи и встрѣчѣ (41—42).—Народные праздники (42—43).

ГЛАВА III.

Ламаитское духовенство у Астраханскихъ Калмыковъ	43—57
--	-------

Ламаитскій монастырь—„хурул“ (43).—Кибитки-храмы—„хурла кгер“ (43—44).—Изображенія „бурхановъ“ и священныхъ предметовъ (44—46).—Молебные сосуды и инструменты (46—48).—Жилища кибитки духовенства (49).—Одежда духовенства (49—50).—Священно-служительскія должности и хурульскія должностныя лица (50—51).—Обученіе ламаитовъ при монастыряхъ (51—52).—Обрядовая сторона богослуженія (52—53).—Хозяйственная организація хуруловъ (53—55).—Религіозныя и экономическія отношенія къ народной массѣ (55—56).—Хурульскія зданія и численность духовенства (57).

ГЛАВА IV.

Ламаитская религія, науки и искусства среди Астраханскихъ Калмыковъ	58—70
---	-------

Общее современное состояніе религіозныхъ знаній (58).—„Эмчи“—медики; ученіе ихъ о болѣзняхъ и лѣченіе (59—61).—„Зурхачи“—астрологи; ихъ ученіе и занятія (61—64).—„Зурачи“—живописцы (64).—„Бакши“—учители вѣры; ихъ ученіе о мирѣ, о землѣ, о людяхъ, о спасеніи (64—70)

Списокъ рисунковъ	71—72
-----------------------------	-------

Опечатки	73
--------------------	----

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Рисунки и фототипіи къ I-й главѣ. (Табл. I—VI. Фиг. 1—39).
Рисунки ко II-й главѣ. (Табл. VI—VII. Фиг. 40—43).
Рисунки къ III-й главѣ. (Табл. VII—XI. Фиг. 44—65).
Рисунки къ IV-й главѣ. (Табл. XII. Фиг. 66—69).

63,5

ББК _____

ж 741

Ир. А. Житецкий

Очерки быта астраханских калмыков

Репринтное воспроизведение издания 1893 года.

Примечание:

По техническим причинам в настоящее издание таблицы не вошли

Ответственный за выпуск И. Г. Королёв.

Подписано в печать с оригинала макета 18.07 91 г..
Формат 60×84/8. Бумага офсетная № 2. Печать офсетная.
Усл. п. л. 4,65. Усл. кр. отт. 10,73. Уч. изд. л. 10,75.
Тираж 10 000 экз.. Заказ № 1094. Цена 5 руб.

Формы изготовлены в издательстве

«Кавказская здравница»

Краевая типография Управления издательств полиграфии и
книжной торговли
Ставропольского крайисполкома,
355106, г. Ставрополь, ул. Артема, 18.

© Калмыцкая государственная картинная галерея
1991 г.